ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Сергей Алексеев

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книгу составили известные исторические повести о преобразовательной деятельности царя Петра Первого и о жизни великого русского полководца А. В. Суворова.

- Сергей Петрович Алексеев
  -
  -
  - Вступительная статья И. Мотяшова и И. Нагаева
  - Небывалое бывает
    - Глава первая
      - Поход
      - Капитан бомбардирской роты
      - «Без Нарвы не видать моря»
      - «Поговори, государь, с солдатами!»
      - «Кто трусит – ступай в обоз»
      - О двух мужиках
      - «Страх – он хуже смерти!»
      - «Пусть сам черт воюет с такими солдатами!»
      - Как майор Пиль смерть принял
      - «Ученики выучатся и отблагодарят своих учителей»
    - Глава вторая
      - «Государь, дозволь молвить»
      - Колокола
      - «Сено, солома!»
      - Про боярские бороды
      - Чему молодые бояре за границей учились
      - Аз, буки, веди…
      - Пусть все знают
      - «Радуйся малому, тогда и большое придет»
      - Про Данилу
    - Глава третья
      - Лодки идут по суше
      - «Государь Петр Алексеич отступление повелел!»
      - Шведы выбросили белый флаг
      - Небывалое бывает
      - На берегу Невы
      - Город у моря
      - Золотой рубль

- Глава четвертая
  - Снова поход
  - Машкарадный бой
  - Бабат Барабыка
  - Штурм
  - Шпага генерала Горна
  - За славу российскую
- Рассказы о Суворове и русских солдатах
  - Глава первая
    - Пакет
    - «Бить, а не считать»
    - Туртукай
    - Суворов стоял в Кинбурне
    - Битва Фокшанская
    - Великий визирь
    - Измаил
    - Мишка
    - Дерзость
    - «Убит под Фокшанами»
    - Медаль
    - Переход
    - Спор
    - Палочки
    - Суп и каша
    - Родительская шинель
    - Мосты
    - Заманивай
    - Впереди и позади
    - «Я сам принесу свою голову»
    - Говорун
    - «Как дела у вас в Париже?»
    - Всюду известны
    - Слава
  - Глава вторая
    - Прошка
    - «Пахучка»
    - Настоящий солдат
    - Сапоги
    - Монастырские стены
    - По-суворовски
    - Госпиталь
    - На Сестрорецком заводе
    - Ртищев-Умищев
    - Враг

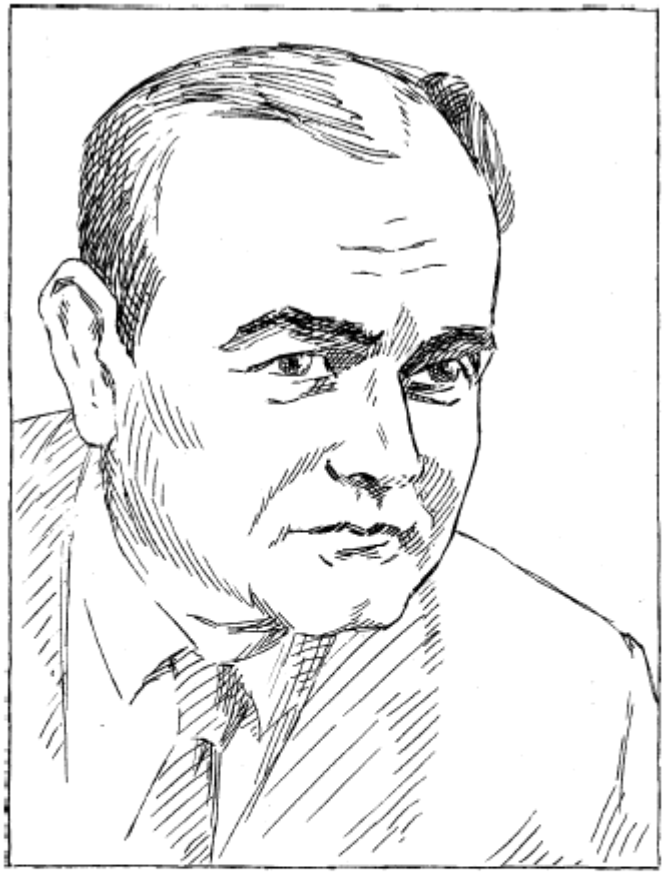
- Сторонись!
- Барин
- Невесты
- Бобыль
- Штык
- Шуба
- Про корм и хвастливых помещиков
- «Пудра – не порох…»
- Николев

- Глава третья
  - Альпийские горы
  - Идут солдаты, ведут разговор
  - Туча
  - Чертов мост
  - Генеральский погон
  - Новые башмаки
  - Сало
  - «Вижу!»
  - «Разрешите пострадать…»
  - Генералам генерал

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

Сергей Петрович Алексеев
Исторические повести

© Алексеев С., 1958
© Мотяшов И., Нагаев И., вступительная статья, 1999
© Кузнецов А., рисунки, 1999
© Оформление серии. Издательство «Детская литература», 2003
© Составление. Издательство «Детская литература», 2003



C. Dickens.

1922—2008

Вступительная статья И. Мотяшова и И. Нагаева
Увлекательно – о важнейших событиях русской истории

Мастер исторической прозы Алексей Югов как-то воскликнул со страниц «Литературной газеты»:

«Смелый автор, смелое издательство! – подумалось мне, когда я раскрыл книжку Сергея Алексеева «Небывалое бывает». – Петр!.. Исполинская личность русской истории. И вдруг – для ребят, да еще «младшего школьного»! Посмотрим, посмотрим!..» И – зачитался…»

Я тоже зачитался историческими повестями Сергея Алексеева. Зачитался как мальчишка. И спасибо за это автору.

Сергей Михалков

В 1958 году в Детгизе выходит первая книга Сергея Алексеева «Небывалое бывает». Книгу заметили.

Следом, уже по заказу редакции, на одном дыхании – за три недели – он пишет повесть «История крепостного мальчика». И эта книга выходит в том же, 1958 году. Так сорок лет назад в литературу твердой поступью вошел новый автор – детский писатель Сергей Петрович Алексеев.

В одном из первых интервью Алексеев сказал о себе: «Биография моя ничем не примечательна. Отношусь к поколению тех, кто со школьной скамьи тут же шагнул в солдаты. Был военным летчиком, летчиком-инструктором. После демобилизации из армии работал редактором в детском издательстве. Затем попробовал сам написать книгу».

Тогда же, в 1959 году, в Детгизе решили переиздать «Небывалое бывает», и Лев Кассиль отметил в предназначенной для издательства так называемой «внутренней» рецензии, что «писателю удается… сочетать высокую познавательность с

подлинной увлекательностью. Предельный лаконизм, живая легкость языка, точность находок, позволяющая по-своему, заново раскрыть перед ребятами очень важные моменты… ярчайших эпох в истории нашей Родины, – все это делает рассказы С. Алексеева… чрезвычайно ценными как с воспитательной, так и чисто литературной точки зрения. А умение передать своеобразие характеров… и великолепный, точный и образный язык придают произведениям Алексеева подлинную прелесть».

И дальше Лев Абрамович, напутствуя начинающего автора, сказал слова поистине пророческие. Он сказал, что рассказы «Сергея Алексеева являются определенным событием в нашей детской художественной исторической прозе». Что «они хрестоматийно просты и войдут в круг любимого чтения школьников, способствуя созданию у детей верных представлений о важных делах русской истории. И в то же время они доставляют настоящее удовольствие каждому, кто любит литературу умную, ясную, проникнутую веселым и свежим взглядом на жизнь, на историю».

Жизнь и талант Сергея Алексеева полностью подтвердили сказанные о нем авансом слова маститого писателя…

Однако Алексеев стал детским писателем не только потому, что однажды почувствовал потребность писать для детей. Он шел к этому больше тридцати лет. Через детство в Плискове, недалеко от Винницы, что на Украине, и отрочество в Москве, в доме своих тетушек-ученых. Через школу и аэроклуб. Через войну, и летное училище, и исторический факультет вечернего отделения Оренбургского пединститута. Через редакторскую, литературно-критическую, организационную работу в Детгизе и в Союзе писателей. Через создание школьного учебника истории СССР, который, пусть в самой отдаленной степени, был первым наброском-конспектом его будущих рассказов и повестей. Через большую школу жизни в детской литературе, являясь более тридцати лет главным редактором единственного в стране литературно-критического журнала «Детская литература», посвященного проблемам литературы и искусства для детей. И однажды настал момент, когда все пережитое, прочувствованное, понятое, все слышанное, и читанное, и сделанное слилось в одно большое, громадное целое, настоятельно потребовало выхода и вылилось в Слове.

Очевидно, что не каждый литературно одаренный человек способен написать хорошую книжку для маленьких. У С. Алексеева есть определенный, может быть даже врожденный, дар разговора с ребятами младшего возраста. И дар этот усилен глубоко осмысленным, сознательным подходом к своей работе.

«Главное в детской книге, – считает С. Алексеев, – …не разъяснения, а динамика, действие, характер, вырастающий из поступка. Такой действенный характер ребенок быстро схватывает, чувствует его».

В двух частях этой книги собраны лучшие рассказы Сергея Петровича Алексеева о царе Петре I и о генералиссимусе Александре Васильевиче Суворове.

* * *

«Рассказы о Петре Первом, Нарве и о делах воинских» – это первая часть книги. Читатель знакомится здесь с преобразованиями Петра I, с тем, как стремился он увидеть просторы страны более обширными, а людей – образованными и просвещенными. Рассказы «Чему молодые бояре за границей учились», «Аз, буки, веди…» повествуют о молодом поколении, забота о котором – одно из первейших дел Петра. Суров он был к тем, кто не хотел детей своих отдавать учиться, и к тем молодым из дворян, которые, учась за границей, старались от наук отлынивать, перенимали лишь внешние признаки заграничной культуры, теряли уважение к собственному Отечеству или даже позволяли себе польститься на чужое. Радетель Отечества, воитель и труженик, Петр I хотел видеть будущие поколения достойными преемниками славы России.

Знакомство с героем первой части книги Алексеев начинает внешним портретом, динамичным и лапидарным. «Взглянули солдаты – капитан бомбардирской роты. Рост у капитана громадный, метра два, лицо круглое, глаза большие, на губе, словно наклеенные, черные как смоль усы». Это царь Петр.

Исподволь, от новеллы к новелле раскрывается секрет успешной деятельности Петра, его государственной мудрости. Это мудрость человеческого знания и опыта, которые Петр смолоду не гнушается перенимать отовсюду. Это мудрость народа.

При всем своем уме и демократизме Петр остается царем, владыкой крепостнической, боярской, дворянской империи. Он не может не защищать свой строй, не подавлять народное недовольство самыми жесточайшими методами, не перекладывать основную тяжесть предпринятых им великих государственных усилий на народные плечи. При этом Петр, без сомнения, патриот России, и вся устремленность его государственных деяний – патриотическая…

* * *

«Рассказы о Суворове и русских солдатах» тесно связаны с преемственностью военно-патриотических традиций и обрисовкой характера великого русского полководца Александра Васильевича Суворова. «Ешь, ешь, получай. Да впредь не брезгуй солдатским. Не брезгуй солдатским. Солдат – человек. Солдат мне себя дороже» – так говорит Суворов в рассказе «Суп и каша», обращаясь к генералам, брезгливо относящимся ко всему солдатскому, будь то пища или что-либо другое. Для Суворова единство с солдатами – залог успеха в достижении военного превосходства.

В Суворове писатель ищет и отмечает прежде всего черты, которые позволяли ему одерживать победы с минимальной затратой человеческих сил и жизней. Эта суворовская наука эффективного руководства большими людскими массами может в значительной части быть воспринята сегодняшним читателем и как наука руководства вообще, как образец успешной государственной деятельности на основе безукоризненной компетентности и гуманистической заботы о непосредственных исполнителях.

Но, показывая суровую реальность, которая не разбирает, ребенок ли перед ней, взрослый ли, Алексеев как самый священный долг понимает обязанность взрослого оберегать детскую душу и детскую жизнь, хотя бы и ценой жизни собственной.

Именно в этой органической зависимости «детского» и «взрослого» миров – суть преемственности, залог продолжения и умножения человеческой культуры, роста добра на земле. Суворов ни в одном из походов не расстается со старой отцовской шинелью. Но когда шинель вместе с обозом попала к туркам и солдаты, видя огорчение любимого маршала, добывают эту шинель обратно, Суворов возмущается: «Людьми рисковать! Из-за шинелишки солдатские головы под турецкие пули!» В этом – весь Суворов: в гневе на поручика, который заставил солдат рисковать из-за него. И в трогательной радости, пришедшей на смену гневу: «Потом взял шинель в руки, глянул на потертые полы, на залатанный борт и вдруг заплакал…»

* * *

«Каждую свою книгу я переписываю по шесть-семь раз, – рассказывает С. Алексеев. – Работаю медленно, возвращаясь к

тексту снова и снова. Стараюсь, чтобы в окончательном варианте не было никакой правки. Малейшее исправление или вставка заставляют меня переписывать рассказ заново. Долго раздумываю над тем, как начать, как кончить книгу. Стараюсь вслушиваться в фразу, добиваюсь ее музыкальности… Приступая к новой работе, обычно составляю план, но по опыту знаю, что план претерпевает изменения, и довольно неожиданные».

Да, нелегко быть писателем-историком, да еще излагать эту историю увлекательно и интересно, чтобы юный читатель поверил в существование героев твоих книг, поверил бы тебе как правдивому историку…

В жизни Сергея Алексеева было несколько судьбоносных, как в сказе, превращений. Казалось бы, Сергей – бравый летчик и судьбой ему предназначено быть генералом, героем, как случилось с его однокашниками-летчиками… Но жизнь делает резкий поворот: он, «сталинский сокол», входит в штопор, врезается в матушку землю и, как сказочный финист – ясный сокол, превращается в детского писателя. Быстро сказка сказывается, да не быстро дело делается! На это чудесное превращение уходит много времени, сил и лет.

Став писателем, и довольно известным, он отваживается взять еще и журнал. Судьба его вновь делает зигзаг – и вновь удачно. Алексеев переезжает из Киева в Москву, редакторство прибавляет ему общественного веса и положения.

А писатель он – от Бога! И знает и понимает своего читателя – младшего школьника – досконально. То есть настолько улавливает нюансы восприятия и духовные потребности, возрастную психологию юных читателей, их неподдельный интерес к истории и живому образному повествованию с элементами юмора и народной речи, что достигает полного слияния душ.

На каких идеалах в наше сложное время воспитывать подрастающие поколения? Что остается? И здесь писатель Сергей Петрович Алексеев – счастливое исключение, ибо он писал свои исторические книги не только о Ленине и Советской власти, но и о нашей прошлой и древней истории. И эти книги живут и будут жить!

Назову наиболее известные из них: «Сто рассказов из русской истории», «Сын великана», «Грозный всадник», «Идет война народная», «Октябрь шагает по стране», «Декабристы», «Секретная просьба», «Братишка»; три книги рассказов о маршалах: Жукове, Рокоссовском и Коневе; «Пять поклонов Сталинграду»; серия книг: «Петр Первый», «Александр Суворов», «Михаил Кутузов», «Сто рассказов о войне», «Исторические повести о русских

победах», «Суровый век».

По отзывам юных читателей, собираемым в 70—80-е годы Домом детской книги, Сергей Алексеев часто делил первое и второе места с популярнейшим в те годы Николаем Носовым. Суммарный тираж книг Сергея Алексеева в 80-е годы составлял более пятидесяти миллионов экземпляров. Его книги выходили на сорока девяти языках народов СССР и зарубежных стран.

Сергей Петрович Алексеев – лауреат Государственной премии СССР, Государственной премии РСФСР, премии Ленинского комсомола. Ему присуждены Международный почетный диплом Х. К. Андерсена и Международная премия им. М. Горького. Имеет ряд педагогических наград.

Сейчас Сергей Петрович в хорошей форме. Недавно закончил книгу «Рассказы о Смутном времени», есть новые замыслы. Многие рассказы С. П. Алексеева вошли в хрестоматии и «книги для чтения» для начальной школы. Книги Сергея Алексеева продолжают выходить даже в наше непростое время. Сергей Петрович Алексеев остается востребованным писателем…

Игорь Мотяшов, Игорь Нагаев

Небывалое бывает
Рассказы о Петре Первом, Нарве и делах воинских

Глава первая
На реке Нарове

Поход

Русская армия шла к Нарве. Тра-та-та, тра-та-та! – выбивали походную дробь полковые барабаны.

Шли войска через старинные русские города Новгород и Псков, шли с барабанным боем, с песнями.

Стояла сухая осень. И вдруг хлынули дожди. Пооблетали листья с деревьев. Размыло дороги. Начались холода.

Идут солдаты по размытым дождем дорогам, тонут по колени солдатские ноги в грязи.

Устанут, промокнут солдаты за день, а обогреться негде. Села попадались редко. Ночевали все больше под открытым небом. Разведут солдаты костры, жмутся к огню, ложатся на мокрую землю.

Вместе со всеми шел к Нарве и Иван Брыкин, тихий, неприметный солдат. Как все, месил Брыкин непролазную грязь, нес тяжелое кремневое ружье – фузею, тащил большую солдатскую сумку, как и все, ложился спать на сырую землю.

Только робок был Брыкин. Кто посмелее, тот ближе к костру пристроится, а Брыкин все в стороне лежит, до самого утра от холода ворочается.

Найдется добрый солдат, скажет:

– Ты что, Иван? Жизнь тебе не дорога?

– Что жизнь! – ответит Брыкин. – Жизнь наша – копейка. Кому солдатская жизнь надобна!

Исхудали солдаты, оборвались в пути, болели, отставали от войска, помирали на дальних дорогах и в чужих селах.

Не вынес похода и Иван Брыкин. Дошел до Новгорода и слег. Начался у Брыкина жар, заломило в костях. Уложили солдаты товарища на обозную телегу. Так и добрался Иван до Ильмень-озера. Остановились телеги у самого берега. Распрягли солдаты лошадей, напоили водой, легли спать.

Дремал и Брыкин. Среди ночи больной очнулся. Почувствовал страшный холод, открыл глаза, подобрался к краю телеги, смотрит – кругом вода. Дует ветер, несет волны. Слышит Брыкин далекие солдатские голоса. А произошло вот что. Разыгралось ночью Ильмень-озеро. Вздулась от ветра вода, разбушевалась, хлынула на берег. Бросились солдаты к телегам, да поздно. Пришлось им оставить обоз на берегу.

– Спасите! – закричал Брыкин.

Но в это время набежала волна, телегу повалило набок.

– Спаси-ите! – вновь закричал Брыкин и захлебнулся.

Накрыла солдата вода с головой, подхватила, поволокла в озеро.

К утру вода схлынула. Собрали солдаты уцелевшее добро, пошли дальше.

А об Иване никто и не вспомнил. Не он первый, не он последний – много тогда по пути к Нарве солдат погибло.

Капитан бомбардирской роты

Трудно солдатам в походе. На мосту при переправе через небольшой ручей застряла пушка. Продавило одно из колес гнилое бревно, провалилось по самую ступицу.

Кричат солдаты на лошадей, бьют сыромятными кнутами. Кони за долгую дорогу отощали – кожа да кости.

Напрягаются лошаденки изо всех сил, а пользы никакой – пушка ни с места.

Сгрудились у моста солдаты, обступили пушку, пытаются на руках вытащить.

– Вперед! – кричит один.

– Назад! – командует другой.

Шумят солдаты, спорят, а дело вперед не движется. Бегает вокруг пушки сержант. Что бы придумать, не знает.

Вдруг смотрят солдаты – несется по дороге резной возок.

Подскакали сытые кони к мосту, остановились. Вылез из

возка офицер. Взглянули солдаты – капитан бомбардирской роты. Рост у капитана громадный, метра два, лицо круглое, глаза большие, на губе, словно наклеенные, черные как смоль усы.

Испугались солдаты, вытянули руки по швам, замерли.

– Плохи дела, братцы, – произнес капитан.

– Так точно, бомбардир-капитан! – гаркнули в ответ солдаты.

Ну, думают, сейчас капитан ругаться начнет.

Так и есть. Подошел капитан к пушке, осмотрел мост.

– Кто старший? – спросил.

– Я, господин бомбардир-капитан, – проговорил сержант.

– Так-то воинское добро бережешь! – набросился капитан на сержанта. – Дорогу не смотришь, коней не жалеешь!

– Да я… да мы… – заговорил было сержант.

Но капитан не стал слушать, развернулся – и хлоп сержанта по шее!

Потом подошел опять к пушке, снял нарядный, с красными отворотами кафтан и полез под колеса. Поднатужился капитан, подхватил богатырским плечом пушку. Солдаты аж крякнули от удивления. Подбежали, поднавалились. Дрогнула пушка, вышло колесо из пролома, стало на ровное место.

Расправил капитан плечи, улыбнулся, крикнул солдатам: «Благодарствую, братцы!» – похлопал сержанта по плечу, сел в возок и поскакал дальше.

Разинули солдаты рты, смотрят капитану вслед.

– Ну и дела! – произнес сержант.

А вскоре солдат догнал генерал с офицерами.

– Эй, служивые, – закричал генерал, – тут государев возок не проезжал?

– Нет, ваше высочество, – ответили солдаты, – тут только и проезжал бомбардирский капитан.

– Бомбардирский капитан? – переспросил генерал.

– Так точно! – отвечали солдаты.

– Дурни, да какой же это капитан? Это сам государь Петр Алексеевич.

«Без Нарвы не видать моря»

Весело бегут сытые кони. Обгоняет царский возок растянувшиеся на многие версты полки, объезжает застрявшие в грязи обозы.

Рядом с Петром сидит человек. Ростом – как царь, только в плечах шире. Это Ментиков.

Меншикова Петр знал с детства.

Служил в ту пору Алексашка Меншиков у пирожника

мальчиком. Ходил по московским базарам и площадям, торговал пирогами.

– Пироги подовые, пироги подовые! – кричал, надрывая глотку, Меншиков.

Однажды Алексашка ловил рыбу на реке Яузе, напротив села Преображенского. Вдруг смотрит Меншиков – идет мальчик. По одежде догадался – молодой царь.

– Хочешь, фокус покажу? – обратился Алексашка к Петру.

– Хочу.

Схватил Меншиков иглу и проткнул себе щеку, да так ловко, что нитку протянул, а на щеке ни кровинки.

Петр от неожиданности даже вскрикнул.

Более десяти лет прошло с того времени. Не узнать теперь Меншикова. У царя первый друг и советчик. «Александр Данилович», – почтительно величают сейчас прежнего Алексашку.

– Эй, эй! – кричит сидящий на козлах солдат.

Кони несутся во весь опор. Подбрасывают на выбоинах царский возок. Разлетается в стороны грязь.

Петр сидит молча, смотрит на спину солдата, вспоминает детство свое, игры и потешное войско.

Жил тогда Петр под Москвой, в селе Преображенском. Больше всего любил военные игры. Набрали для него ребят, привезли ружья и пушки. Только ядер настоящих не было. Стреляли пареной репой. Соберет Петр свое войско, разделит на две половины, и начинается бой. Потом считают потери: одному руку сломало, другому бок отшибло, а третьего и вовсе на тот свет отправили.

Приедут, бывало, из Москвы бояре, начнут Петра за потешные игры бранить, а он наведет на них пушку – бух! – и летит пареная репа в толстые животы и бородатые лица. Подхватят бояре полы расшитых кафтанов – и наутек. А Петр выхватит шпагу и кричит:

– Виктория! Виктория! Победа! Неприятель спину показал!

Теперь потешное войско выросло. Это два настоящих полка – Преображенский и Семеновский. Царь величает их гвардией. Вместе со всеми полки идут к Нарве, вместе месят непролазную грязь. «Как-то сейчас покажут себя старые дружки-приятели? – думает Петр. – Это тебе не с боярами воевать».

– Государь! – выводит Меншиков царя из раздумья. – Государь, Нарва видна.

Смотрит Петр. На левом крутом берегу реки Наровы стоит крепость. Кругом крепости – каменная стена. У самой реки виднеется Нарвский замок – крепость в крепости. Высоко в небо вытянулась главная башня замка – Длинный Герман.

А против Нарвы, на правом берегу Наровы, – другая крепость: Ивангород. И Ивангород обнесен неприступной стеной.

– Нелегко, государь, такую крепость воевать, – говорит Меншиков.

– Нелегко, – отвечает Петр. – А надобно. Без Нарвы нам нельзя. Без Нарвы не видать моря.

«Поговори, государь, с солдатами!»

Приехал Петр к Нарве, собрал генералов, стал спрашивать о состоянии войска.

Неловко генералам говорить царю правду. Боятся царского гнева. Докладывают генералы, что все хорошо, что войска дошли без потерь. И пушек достаточно, и ядра есть, и порох хороший.

– А как с провиантом? – спрашивает Петр.

– И провиант есть, – отвечают генералы.

– Так, – говорит Петр, а сам наклонился к Меншикову, шепчет на ухо: «Не верится мне что-то, Данилыч, иное в пути видел».

– Врут. Ей-богу, врут! – отвечает Меншиков. – Пойди поговори, государь, с солдатами.

Пошел Петр. Смотрит – солдаты стоят, ружья чистят.

– Как дела, служивые? – спрашивает Петр.

– Оно ничего, государь, Бог милостив, – отвечают солдаты.

– Ну, а народу в пути много полегло? – спрашивает Петр.

– Полегли, государь. Так ведь на то и дорога дальняя; дожди, государь, непогода.

Взглянул на солдат Петр, ничего не сказал, только дернулся тонкий, словно шило, петровский ус.

Пошел Петр дальше. Смотрит – бомбардиры возятся у пушек.

– Как дела, бомбардиры? – спрашивает Петр.

– Оно ничего, государь, Бог милостив, – отвечают бомбардиры.

– Ну, а как пушки, как порох?

Молчат пушкари, переминаются с ноги на ногу.

– Так как же порох? – переспрашивает Петр.

– Оно ничего, государь, – отвечают бомбардиры.

И снова молчат, снова переминаются с ноги на ногу.

– Что – ничего? Где обозы, где порох? – не вытерпев, закричал Петр.

– Поотстали, государь, обозы, – отвечают солдаты. – Так ведь дорога дальняя, грязь непролазная. А порох есть, государь. Как же без пороха на войну идти? Подвезут, чай, порох.

И снова дернулся петровский ус, сжались в кулаки огромные

руки.

Пошел царь дальше. Смотрит – драгуны коней чистят.

– Как дела, молодцы? – спрашивает Петр.

– Оно ничего, государь, Бог милостив, – отвечают драгуны.

– А как с харчами?

– Вот с харчами разве что худо. Да оно ничего, государь, – отвечают драгуны, – народ терпит. Коней жалко.

Перекосилось от злобы петровское лицо. Понял царь, что генералы говорили неправду. Вернулся Петр в генеральскую избу, снова собрал совет.

– Как же шведа воевать будем? – заговорил царь. – Где порох, где обозы? Чего солдат в пути загубили, чем живых кормить будем? Чего брехали, правду не сказывали?!

Молчат генералы, смотрят на царя исподлобья, заговорить боятся.

Наконец встал старший по чину, Автамон Головин:

– Петр Алексеевич, не гневайся. Русский мужик выносливый. Бог милостив, уж как-нибудь.

– Дурак! – рявкнул Петр. – На Божьей милости далеко не уедешь! Пушки нужны, ядра, корм лошадям и людям. Дело оно нешутейное. Шкуру спущу, коли порядка не будет! Поняли?

И вышел, да так хватил дверью, что у генералов мурашки по спине побежали.

«Кто трусит – ступай в обоз»

Следить за осадой Нарвской крепости Петр поручил генерал-инженеру барону Галларту. В России в то время было мало знающих людей, вот и приходилось приглашать иностранцев.

Однако, приехав под Нарву, барон неохотно занимался своим делом. Галларта все раздражало: и пушек у русских мало, и кони тощи, и солдаты плохо обучены. Ходил Галларт всем недовольный и только злил Петра.

Несколько раз царь приглашал иностранного генерала пройтись вокруг крепости, осмотреть самому шведские укрепления, но Галларт все отказывался.

Тогда Петр взял лист бумаги, карандаш и пошел сам.

Шведы увидели царя, стали стрелять. Ударяются рядом с Петром шведские пули, а он ходит, чертит что-то на бумаге, делает вид, что ничего не замечает. Стыдно стало Галларту. Нехотя пошел догонять Петра.

Однако Петр ходит у самой крепости, а подойти к крепости Галларт боится. Остановился барон в безопасном месте, кричит:

– Ваше величество!

Хочет Галларт, чтобы царь обратил на него внимание, машет

Петру рукой.

Петр молчит.

– Ваше величество! – еще громче кричит Галларт.

И вновь никакого ответа.

Понял Галларт, что Петр нарочно не отзывается: ждет, когда барон подойдет ближе. Набрался генерал храбрости, сделал несколько шагов вперед. А в это время грянула с крепостной стены шведская пушка, просвистала в осеннем воздухе неприятельская бомба, шлепнулась в лужу недалеко от Галларта. Бросился барон на землю ни жив ни мертв. Лежит ждет, когда бомба разорвется.

Однако бомба не разорвалась. Приоткрыл тогда Галларт глаза, приподнял голову, смотрит – рядом стоит Петр. Улыбается Петр, подает генерал-инженеру руку.

Покраснел Галларт, поднялся с грязной земли, говорит царю:

– Ваше величество, да царское ли это дело под пулями ходить!

– Царское не царское, – отвечает Петр, – а приходится. Видать, помощники у меня плохи. Не те помощники. А дело – оно военное. Тут кто трусит – ступай в обоз.

Смутился генерал Галларт, обиделся на царя, поднял с земли свою шляпу и пошел к русскому лагерю.

А Петр посмотрел ему вслед и только головой покачал.

О двух мужиках

Осада Нарвы затянулась. Вначале ждали поотставшие в дороге полки. Потом, когда начали обстрел вражеской крепости, оказалось, что русские пушки плохи. При стрельбе отваливались у пушек лафеты, ломались колеса, разрывались некрепкие пушечные стволы.

В русском лагере поползли слухи, что шведов не одолеть, что на помощь крепости спешит сам шведский король.

Приближалась зима. Пошли длинные, холодные ночи. Свистел колючий ветер. Почти над самой землей двигались черные, зловещие тучи.

В одну из таких ночей Петр шел по лагерю, спустился к Нарове. Вдоль берега реки, ежась от холода, расхаживал часовой.

– Эй, служивый! – закричал Петр.

Часовой вздрогнул. Обернулся. Узнал Петра. Вытянул руки по швам.

– Ну как, побьем шведов? – обратился Петр к солдату.

– Бог, государь, он милостив. Может, и побьем, – ответил часовой.

– Что – Бог! А ты как мыслишь?

– Что – я? Я как все, – произнес солдат.

– А как все? – допытывается Петр.

– Да разное говорят, государь. Побьют нас шведы, говорят.

– Дурак! – выругался Петр, сплюнул с досады и пошел дальше.

– Государь! – услышал он тихий оклик.

– Ну что? – спросил недовольно Петр и вернулся к солдату.

– Государь, дозволь притчу рассказать.

– Притчу? – переспросил Петр. Усмехнулся. – Рассказывай.

– В давние времена, – начал солдат, – жили на селе два мужика. Пахали мужики землю, рожь сеяли. Да только жили мужики по-разному. У одного к осени все закрома полны хлебом, а другой соберет чуть более того, что посеял. Стало обидно второму мужику. В чем дело, какой такой секрет у товарища? Лежит мужик всю зиму на печи, думу свою думает. Наконец не вытерпел, пошел к соседу.

«Почему это, – говорит, – у тебя такое везение?»

«А у меня на то особый секрет есть», – слышит в ответ.

«Какой секрет?» – спрашивает неудачливый мужик.

«А вот, – отвечает сосед и показывает ладони. – Вот тут, – говорит, – мой секрет и есть».

Обрадовался мужик, смотрит на ладони, а там пусто.

«Да тут ничего нет!» – говорит он с обидой.

«Как – нет? Есть, – отвечает сосед. – Смотри лучше». – И показывает на мозоли.

«Да какой же это секрет? – еще больше обиделся мужик. – Мозоли и у меня есть!» – И смотрит на свои руки.

Смотрит, а никаких мозолей на них нет. Пролежал всю зиму мужик на печи, вот и сошли мозоли.

– Э-э, – проговорил Петр, – да, я смотрю, ты не глуп!

– Так точно, господин бомбардир-капитан.

– Что – так точно? – переспросил Петр.

Солдат смутился.

Петр рассмеялся.

А через несколько дней, забрав Меншикова, Петр уехал в Новгород.

Помчался Петр собирать новые полки да подгонять поотставшие в пути обозы.

Всю дорогу Петр ехал молча: все о солдатской притче думал.

«Страх – он хуже смерти!»

Солдат Федор Грач сидел в окопе. Держал Грач в руке фузею,

ждал, когда подойдут шведы. Отродясь еще не приходилось Федору стрелять из ружья. Не обучив ружейным приемам, так и послали на войну.

– Боязно? – спрашивает Федора сосед по окопу, усатый, уже немолодой солдат.

– Боязно, – отвечает, краснея, Грач.

– Оно и понятно, – говорит солдат. – А ты не думай о страхе. От него, от страха, немало зла на войне бывает. Страх, он еще хуже смерти.

В ночь перед приходом шведов выпал туман. К рассвету пошел снег. Начался ветер, погнал в сторону русских снежные вихри. Холодный ветер леденил солдат. Вьюжило. В двадцати шагах нельзя было различить друг друга.

Усатый солдат то и дело прикладывал к земле ухо – слушал, не идут ли шведы.

Шведы появились неожиданно, словно из-под земли выросли. Обрушились шведские стрелкй на русские окопы.

Поднял Грач ружье, выстрелил. А что дальше произошло, уже и понять не мог. Перемешались в окопах русские и шведские мундиры. И рад бы стрелять Федор, а куда, не знает. Разыгралась вьюга, слепит глаза, где свой, где швед – разобрать трудно.

И вдруг прошел слух: «Немцы предали». Оказывается, барон Галларт и другие иностранные офицеры перешли на сторону шведов. Оставшись без командиров, русские дрогнули, началась паника. Полки устремились к Нарове. Солдаты бежали к единственному мосту через реку.

Вместе со всеми бежал и Федор Грач. Бежал, не видя ничего, бежал, спотыкался, падал, поднимался и снова бежал. Мост был временный, легкий. Поравнялся Грач с мостом и вдруг вспомнил слова бывалого солдата. Остановился Федор, повернулся к товарищам.

– Стой! – кричит. – Стой, братцы! Страх – он хуже смерти!

Кричит Грач, но никто не обращает на него внимания. Хватает Грач товарищей за руки, хочет остановить, да где уж. Оттолкнули солдаты Федора в сторону, побежали по шатким, прогибающимся доскам моста. Мост прогнулся. Деревянный настил осел, коснулся воды.

Забурлила вода, заклокотала. И вдруг мост не выдержал. Оборвались непрочные пеньковые канаты. Скрипнул мост, развалился.

Смотрит Грач на Нарову – несет река воды, тащит в пучину русских солдат.

Отвернулся Федор, сел на камень, схватился за голову. Вдруг слышит – кто-то положил ему на плечо руку.

Поднял Грач голову, смотрит – перед ним бывалый солдат.

– Видишь, что страх делает? – обращается солдат к Федору.

– Вижу.

– То-то, – говорит солдат. – Знай. А сейчас бери фузею. Слышишь – справа пальба идет. То царевы гвардейские полки – Преображенский и Семеновский бьются. Пошли на помощь. А что народ гибнет, на то и война. Тут кто страх поборол, тот и есть настоящий солдат.

«Пусть сам черт воюет с такими солдатами!»

Подходя к Нарве, шведский король Карл говорил: «Московские мужики разбегутся при одном виде моих солдат».

Однако вскоре королю пришлось изменить свое мнение. Не хотел, а все же пришлось. Произошло это вот как.

Услышав сильную пальбу близ Наровы – а там бились преображенцы и семеновцы, – Карл бросился к своим войскам.

Король подоспел вовремя: гвардейцы оттеснили, отбили шведов. Того и гляди, обратятся шведы в позорное бегство.

– Шведы, шведы! – закричал Карл. – С вами Бог и ваш король! За мной, шведы!

Солдаты воспрянули духом и с новой силой бросились в битву.

Слева, с невысокого холма, била русская пушка.

С кипением врезались ядра в шведские ряды, валили по нескольку человек сразу.

– Пушки, подать сюда пушки! – закричал Карл.

Несколько солдат бросились выполнять приказ. Вскоре появилась шведская батарея.

– Огонь!

Ядра легли с недолетом, метрах в тридцати от русской пушки.

– Огонь! – закричал Карл.

Опять недолет.

С третьего выстрела легли шведские ядра рядом с пушкой. Поднялась снежная пыль.

Словно игрушечных, подкинуло в воздух и разбросало в разные стороны русских солдат.

– Ура! – закричал Карл. – Ура! – и замахал шляпой.

Однако, когда улеглась пыль, король увидел: у пушки, словно вовсе и не было залпа, стоит солдат. Карл посмотрел – у солдата нет правой руки. Весь бок пушкаря залит кровью. Словно надломленный сук, торчит из плеча оголенная кость. Солдат держит в левой руке запал, что-то кричит, наводит пушку прямо

на шведского короля.

– Безумец! – закричал король.

В это время грянул новый выстрел, и Карл упал с лошади.

Когда король вылез из-под убитого коня и осмотрелся, на прежнем месте солдата уже не было.

Прихрамывая на ушибленную ногу, Карл поднялся на холм.

Рядом с русской пушкой, истекая кровью, лежал солдат. Глаза героя были полузакрыты, губы произносили какие-то слова. Карл наклонился к умирающему. «Русский шведа и одной левой бьет», – повторял упрямо солдат.

Уже потом, когда кончился бой, Карл пытался узнать, как звали героя.

Однако никто ответить королю на его вопрос не мог. Тогда Карл вызвал барона Галларта.

– Что за солдат, не знаю, – ответил Галларт, – однако, ваше величество, могу вас заверить, что таких у русских немало. Не люди – безумцы. Пусть сам черт воюет с такими солдатами!

Посмотрел Карл на Галларта, вспомнил свои слова, сказанные при подходе к Нарве, задумался, ничего не ответил.

Как майор Пиль смерть принял

Еще в Москве нагадала старая цыганка майору Пилю, что примет он смерть от руки русского солдата. (Немец майор Пиль состоял на службе у русских.)

Нрав у Пиля был веселый, легкий.

Посмеялся он над словами цыганки, рассказал товарищам да и забыл.

Вспомнил о них уже под Нарвой, в самый разгар боя.

Узнав, что барон Галларт и другие иноземные офицеры изменили русским, майор Пиль тоже хотел перейти на сторону шведов. Однако майору не повезло. Перехватил Пиля русский солдат. Лицо у солдата здоровое, глаза злые. Майор едва ноги унес. Хорошо, помогла вьюга.

– Фу-ты, вредная! – помянул в эту минуту майор цыганку.

Отбежал Пиль в глубь лагеря, забился в офицерскую землянку, просидел там до самого вечера. Все боялся майор, что вот-вот ворвется в землянку солдат со злыми глазами. Потом успокоился. Мол, беда миновала, стал ждать, когда в русском лагере наконец появятся шведы.

Однако шведы не шли.

Не одержав победы над преображенцами и семеновцами, шведы прекратили бой.

А вечером к землянке подбежал русский солдат, стукнул в

дверь, закричал:

– Господ офицеров на военный совет!

Пришел Пиль в генеральскую избу, а там все решено. Договорились генералы послать к шведам своих послов просить о перемирии. Выделили князя Козловского и майора Пиля.

Вышли послы на улицу. Кругом солдаты. Собираются солдаты группами, о чем-то спорят, шумят, перебивают друг друга. Несутся в ночном воздухе солдатские голоса.

– Не сдадимся шведам!

– Не отступим!

– Животы положим, а со стыдом не уйдем!

Обошли князь Козловский и майор Пиль солдат стороной. На всякий случай обходили осторожно, крадучись. Двинулись к шведским позициям. Однако у границы русского лагеря послов окликнули часовые.

– Стой! Кто такие? Откуда? – раздались звонкие голоса.

И сразу к послам из темноты подступило несколько человек.

– Да, никак, свои, – заговорили солдаты. – Да чего их сюда понесло?

Посты растерялись. Захлопал выпученными глазами Пиль. Ради осторожности сделал шаг назад, стал за широкую спину князя Козловского.

Повысил князь голос, пытался прикрикнуть на солдат, да ничего не получилось. Пришлось рассказать, в чем дело.

– Ироды! – закричал кто-то. – Шкуру свою спасаете!

– Что вы, братцы, что вы! – вмешался Пиль. – Ради вас стараемся… – и осекся: показалось Пилю, что стоит перед ним тот самый солдат со злыми глазами.

– Предатели! Бей предателей! – понеслись солдатские возгласы.

– Стой, стой, братцы! – только и успел сказать князь Козловский.

Навалились солдаты, бросили послов на землю, стали бить сапогами и прикладами.

Вспомнил еще раз Пиль старую цыганку, дернулся и замер. Охал и стонал, хватаясь за пробитую голову, князь Козловский.

А кругом разносилось:

– Не сдадимся шведам!

– Не отступим!

– Животы положим, а со стыдом не уйдем!

«Ученики выучатся и отблагодарят своих учителей»

Солдаты готовились к новому бою. Однако генералы решили

по-своему. В новый бой русская армия не вступила. Генералы договорились с королем Карлом о почетном отступлении.

Ночью через Нарову стали наводиться мосты. Затем рота за ротой русские войска принялись переходить на правый ее берег. Переправу охраняли Преображенский и Семеновский полки. С барабанным боем, с распущенными знаменами они последними перешли Нарову.

Весть о поражении русских войск застала Петра в Новгороде. Загнав лошадь, к царю примчался всадник.

– Что там? – спросил Петр.

– Конфузил, государь! – только и ответил прибывший.

Подошел Меншиков. Узнав о поражении русской армии, побледнел, стал причитать:

– Что же теперь? Как же оно будет!

– Цыц! – огрызнулся Петр.

– Святая Богородица, да за что же ты нас?! – не унимался Меншиков.

– Да умолкни ты, дурья башка! – закричал Петр. – От битья железо крепнет, человек мужает. Радуйся, дурак, науке. Чай, не первый раз со шведами бьемся. Дел-то посмотри сколько. Малому ли война научила? Эхма, только работай! Заводы строй, пушки лей, армия поди регулярная нужна, офицеры свои, генералы. Отстала Русь. Страна большая, а порядку мало. Попомни: ученики выучатся и отблагодарят своих учителей.

Глава вторая
«Радуйся малому, тогда и большое придет»

«Государь, дозволь молвить»

Зима. Мороз. Ветер.

По завьюженной дороге несется резной возок. Подбрасывает седока на ухабах.

Разлетается из-под лошадиных копыт белыми лепешками снег.

Петр мчится в Тулу, едет на оружейный завод к Никите Демидову.

Демидова Петр знал давно, еще с той поры, когда Никита был простым кузнецом. Бывало, приведут дела Петра в Тулу, зайдет он к Демидову, скажет: «Поучи-ка, Демидыч, железному ремеслу».

Наденет Никита фартук, вытащит клещами из горна кусок раскаленного железа. Стучит Демидов по железу молотком, указывает Петру, куда бить. У Петра в руках молот. Развернется Петр, по указанному месту – бух! Только искры летят в стороны.

– Так его, так! – приговаривает Демидов.

А чуть царь оплошает, закричит Никита:

– У, косорукий!

Потом уже скажет:

– Ты государь, не гневайся. Ремесло – оно крик любит. Тут без крику – что без рук.

– Ладно уж, – ответит Петр.

И вот царь опять в Туле. «Неспроста, – думает Демидов. – Ой, неспроста царь пожаловал».

Так и есть.

– Никита Демидович, – говорит Петр, – про Нарву слыхал?

Не знает, что и сказать Демидов. Скажешь еще не так, только прогневаешь царя. А как же про Нарву не слыхать, когда все кругом шепчутся: мол, наломали нашему шведы бока.

Молчит Демидов, соображает, что бы ответить.

– Да ты не хитри, – говорит Петр.

– Слыхал, – произносит Демидов.

– Вот так-то, – отвечает Петр. – Пушки нужны, Демидыч. Понимаешь, пушки.

– Как же не понять, государь.

– Да ведь много пушек надобно, – говорит Петр.

– Понятно, Петр Алексеевич. Только заводы-то наши, тульские, хилы. Железа нет. Леса нет. Слезы, а не заводы.

Петр и Демидов молчат. Петр сидит на резной лавке, смотрит в окно на заводской двор. Там в рваных армяках и стоптанных лаптях двое мужиков тащат осиновое бревно.

– Вот оно, наше тульское раздолье, – говорит Демидов. – По бревнышку, по бревнышку, как нищие побираемся. – А потом наклонился к Петру и заговорил тихо, вкрадчиво: – Государь, дозволь молвить.

Петр встрепенулся, посмотрел на Демидова, произнес:

– Сказывай.

– Тут ездили мои людишки, – проговорил Демидов, – на Урал. И я, государь, ездил. Вот где железа! А леса, леса-то – что тебе море-океан, конца-краю не видно. Вот где, государь, заводы ставить. Оно сразу тебе и пушки, и бомбы, и ружья, и всякая другая надобность.

– Урал, говоришь? – переспросил Петр.

– Он самый, – отвечает Демидов.

– Слыхал про Урал, да ведь далеко, Демидыч, на краю земли. Пока заводы построишь, ого-го сколько времени пройдет!

– Ничего, государь, ничего, – убежденно заговорил Демидов. – Дороги проложим, реки есть. Что там даль – желание было бы. А что долго, так, чай, не один день живем. Глядишь, годка через два и уральский чугун, и уральские пушки – все будет.

Смотрит Петр на Демидова, понимает, что у Никиты думка давно об Урале. Не сводит глаз и Демидов с Петра, ждет царского слова.

– Ладно, Никита Демидович, – наконец произносит Петр, – быть по-твоему, отпишу указ, поедешь на Урал. Получишь денег из казны, людишек получишь – и с Богом. Да смотри у меня. Знай, нет сейчас в государстве иных дел, чтоб важнее горнорудных были. Памятуй. Подведешь – не пожалею.

Через месяц, забрав лучших рудокопных и оружейных мастеров, Демидов уехал на Урал.

А Петр за это время успел послать людей и в Брянск, и в Липецк, и в другие города. Во многих местах на Руси Петр наказал добывать железо и строить заводы.

Колокола

– Данилыч, – вскоре после Нарвы сказал Петр Меншикову, – с церквей колокола снимать будем.

У Меншикова от удивления глаза на лоб.

– Что уставился? – крикнул на него Петр. – Медь нужна, чугун надобен, колокола на пушки лить будем. На пушки, понял?

– Правильно, государь, правильно, – стал поддакивать Меншиков, а сам понять не может, шутит царь или говорит правду.

Петр не шутил. Вскоре по разным местам разъехались солдаты выполнять царский приказ.

Прибыли солдаты и в большое село Лопасню, в Успенский собор. Приехали солдаты в село к темноте, въезжали под вечерний звон. Гудели в зимнем воздухе колокола, переливались разными голосами. Сосчитал по пальцам сержант колокола – восемь.

Пока солдаты распрягали прозябших коней, сержант пошел в дом к настоятелю. Узнав, в чем дело, настоятель насупился, сморщил лоб. Однако встретил солдат приветливо, заговорил:

– Захаживай, служивый, захаживай, зови своих солдатушек. Чай, замаялись в пути, продрогли.

Солдаты входили в дом осторожно, долго очищали снег с валенок, крестились.

Настоятель солдат накормил, принес вина.

– Пейте, служивые, ешьте, – приговаривает.

Охмелели солдаты, уснули. А утром вышел сержант на улицу, посмотрел на звонницу, а там всего один колокол и болтается.

Кинулся сержант к настоятелю.

– Где колокола? – закричал. – Куда колокола девали?

А настоятель руками разводит и говорит:

– Приход у нас бедный, всего и есть один колокол на весь приход.

– Как – один? – возмутился сержант. – Вчера сам видел восемь штук, да и перезвон слышал.

– Что ты, служивый, что ты! – Настоятель замахал руками. – Что ты выдумал! Это разве с пьяных глаз тебе показалось.

Понял сержант, что неспроста их вином поили. Собрал солдат, весь собор осмотрели, подвалы излазили. Нет колоколов, словно в воду канули.

Пригрозил сержант донести в Москву.

– Доноси, – ответил настоятель.

Однако писать сержант не стал. Понял, что и ему быть в ответе.

Решил остаться в Лопасне, вести розыск.

Живут солдаты неделю, вторую. По улицам ходят, в дома наведываются. Только про колокола никто ничего не знает. «Были, – говорят, – а где сейчас, не ведаем».

Привязался за это время к сержанту мальчик – Федькой звали. Ходит за сержантом, фузею рассматривает, про войну расспрашивает. Шустрый такой – все норовит у сержанта патрон

стащить.

– Не балуй! – говорит сержант. – Найди, где попы колокола спрятали, – патрон твой.

– А дашь?

– Дам.

Два дня Федьки не было видно. На третий прибегает к сержанту, шепчет на ухо:

– Нашел.

– Да ну! – не поверил сержант.

– Ей-богу, нашел! Давай патрон.

– Нет, – говорит сержант, – это мы еще посмотрим.

Вывел Федька сержанта за село, бежит на лыжах-самоделках берегом реки, сержант едва за ним поспевает. Крутит поземка, перекатывается по насту снег. Федьке хорошо, он на лыжах, а сержант спотыкается, проваливается в снег по самый пояс.

– Давай, дяденька, давай, – подбадривает Федька, – уже скоро!

Отбежали от села версты три. За береговой кручей спустились на лед.

– Вот тут, – говорит Федька.

Посмотрел сержант – прорубь. А рядом – еще одна, а чуть дальше – еще и еще. Сосчитал – семь. От каждой проруби тянутся примерзшие ко льду канаты.

Понял сержант, куда настоятель колокола спрятал: под лед, в воду. Обрадовался сержант, дал Федьке патрон и кинулся быстрее в деревню.

Приказал солдатам лошадей запрягать, а сам зашел к настоятелю, говорит:

– Прости, батюшка: видать, и впрямь с пьяных глаз я тогда перепутал. Покидаем мы ноне Лопасню. Уж ты не гневайся, помолись за нас Богу.

– В добрый путь! – заулыбался настоятель. – В добрый путь, служивый. Уж помолюсь, обязательно помолюсь.

На следующий день настоятель собрал прихожан.

– Ну, миновало, – сказал он, – пронесло беду стороной.

Пошли прихожане к реке колокола вытаскивать, сунулись в прорубь, а там пусто.

– Ироды, богохульники! – закричал настоятель. – Уехали, увезли. Пропали колокола!

А над рекой гулял ветер, залезал под поповские рясы, трепал мужицкие бороды и бежал дальше, рассыпаясь крупой по косогору.

«Сено, солома!»

Поняли русские после Нарвы, что с необученным войском против шведа не повоюешь. Решил Петр завести регулярную, постоянную армию. Пока нет войны, пусть солдаты занимаются ружейными приемами, привыкают к дисциплине и порядку.

Однажды Петр ехал мимо солдатских казарм. Смотрит – солдаты построены, ходить строем учатся. Рядом с солдатами идет молодой поручик, подает команды. Петр прислушался: команды какие-то необычные.

– Сено, солома! – кричит поручик. – Сено, солома!

«Что такое?» – подумал Петр. Остановил коня, присмотрелся: на ногах у солдат что-то навязано. Разглядел царь: на левой ноге сено, на правой – солома.

Офицер увидел Петра, закричал:

– Смирно!

Солдаты замерли. Подбежал поручик к царю, отдал рапорт:

– Господин бомбардир-капитан, рота поручика Вяземского хождению обучается!

– Вольно! – подал команду Петр.

Поручик царю понравился. Хотел Петр за «сено, солома» разгневаться, но теперь передумал. Спрашивает поручика Вяземского:

– Что это ты солдатам на ноги всякую дрянь навязал?

– Никак не дрянь, бомбардир-капитан, – отвечает поручик.

– Как так – не дрянь! – возражает Петр. – Солдат позоришь. Устав не знаешь.

А поручик все свое.

– Никак нет, – говорит. – Это чтобы солдатам легче учиться было. Темнота, бомбардир-капитан, никак не могут различить, где левая нога, где правая. А вот сено с соломой не путают: деревенские.

Подивился царь выдумке, усмехнулся.

А вскоре Петр принимал парад. Лучше всех шла последняя рота.

– Кто командир? – спросил Петр у генерала.

– Поручик Вяземский, – ответил генерал.

Про боярские бороды

Жили в Москве бояре Буйносов и Курносов. И род имели давний, и дома от богатства ломились, и мужиков крепостных у каждого не одна тысяча.

Но больше всего бояре гордились своими бородами. А бороды у них были большие, пушистые. У Буйносова – широкая, словно лопата, у Курносова – длинная, как лошадиный хвост.

И вдруг вышел царский указ: брить бороды. При Петре заводили на Руси новые порядки: и бороды брить приказывали, и платье иноземного образца заводить, и кофе пить, и табак курить, и многое другое.

Узнав про новый указ, Буйносов и Курносов вздыхали, охали. Бороды договорились не стричь, а чтобы царю на глаза не попадаться, решили притвориться больными. Однако вскоре сам царь о боярах вспомнил, вызвал к себе.

Стали бояре спорить, кому идти первому.

– Тебе идти, – говорит Буйносов.

– Нет, тебе, – отвечает Курносов.

Кинули жребий, досталось Буйносову.

Пришел боярин к царю, бросился в ноги.

– Не губи, государь, – просит, – не срами на старости лет!

Ползает Буйносов по полу, хватает царскую руку, пытается поцеловать.

– Встань! – крикнул Петр. – Не в бороде, боярин, ум – в голове.

А Буйносов стоит на четвереньках и все свое твердит:

– Не срами, государь.

Разозлился тогда Петр, кликнул слуг и приказал силой боярскую бороду резать.

Вернулся Буйносов к Курносову весь в слезах, держится рукой за голый подбородок, толком рассказать ничего не может.

Страшно стало Курносову идти к царю. Решил боярин бежать к Меншикову, просить совета и помощи.

– Помоги, Александр Данилыч, поговори с царем, – просит Курносов.

Долго думал Меншиков, как начать разговор с Петром. Наконец пришел и говорит:

– Государь, а что, если с бояр за бороды брать выкуп? Хоть казне польза будет.

А денег в казне как раз было мало. Подумал Петр, согласился.

Обрадовался Курносов, побежал уплатил деньги, получил медную бляху с надписью: «Деньги взяты». Надел Курносов бляху на шею, словно крест. Кто остановит, привяжется, почему бороду не остриг, он бороду приподымает и бляху показывает.

Еще больше теперь загордился Курносов, да зря. Прошел год, явились к Курносову сборщики налогов, потребовали новой уплаты.

– Как так! – возмутился Курносов. – Деньги мной уже уплачены! – И показывает медную бляху.

– Э, да этой бляхе, – говорят сборщики, – срок кончился.

Плати давай за новую.

Пришлось Курносову опять платить. А через год и еще раз. Призадумался тогда Курносов, прикинул умом. Выходит, что скоро от всех курносовских богатств ничего не останется. Только одна борода и будет.

А когда пришли сборщики в третий раз, смотрят – сидит Курносов свежевыбрит, злыми глазами на сборщиков смотрит.

На следующий день Меншиков рассказал царю про курносовскую бороду. Петр рассмеялся.

– Так им, дуракам, и нужно, – сказал, – пусть к новым порядка привыкают. А насчет денег это ты, Данилыч, умно придумал. С одной курносовской бороды, поди, мундиров на целую дивизию нашили.

Чему молодые бояре за границей учились

Не успели Буйносов и Курносов забыть старые царские обиды, как тут новая. Приказал Петр собрать пятьдесят самых знатных боярских сынков и послать за границу учиться. Пришлось Буйносову и Курносову отправлять и своих сыновей.

Поднялся в боярских домах крик, плач. Бегают мамки, суетится дворня, словно и не проводы, а драка какая.

Расходилась буйносовская жена.

– Единого сына – и Бог знает куда, в иноземщину, черту в зубы, немцу в пасть! Не пущу! Не отдам!

– Цыц! – закричал Буйносов на жену. – Государев приказ, дура! В Сибирь захотела, на дыбу?

И в доме Курносова крику не меньше. И Курносову пришлось закричать на жену:

– Дура! Плетью обуха не перешибешь, от царя-супостата не уйдешь! Терпи, старая.

Через год молодые бояре вернулись. Вызвали их к царю определять на государеву службу.

– Ну, рассказывай, Буйносов, сын боярский, – потребовал Петр, – как тебе жилось за границей.

– Хорошо, государь, жилось, – отвечает Буйносов. – Народ они ласковый, дружный, не то что наши мужики – рады друг другу в бороды вцепиться.

– Ну, а чему научился?

– Многому, государь. Вместо «батюшка» – «фатер» говорить научился, вместо «матушка» – «муттер».

– Ну, а еще чему? – допытывался Петр.

– Кланяться еще, государь, научился и двойным и тройным поклоном, танцевать научился, в заморские игры играть умею.

– Да, – сказал Петр, – многому тебя научили. Ну, а как тебе за границей понравилось?

– Ух, как понравилось, государь! Хочу в Посольский приказ: уж больно мне любо за границей жить.

– Ну, а ты что скажешь? – спросил Петр молодого Курносова.

– Да что сказать, государь… Спрашивай.

– Ладно, – говорит Петр. – А скажи мне, Курносов, сын боярский, что такое есть фортификация?

– Фортификация, государь, – отвечает Курносов, – есть военная наука, имеющая целью прикрыть войска от противника. Фортификацию надобно знать каждому военному начальнику, аки свои пять пальцев.

– Дельно, – говорит Петр. – Дельно. А что такое есть лоция?

– Лоция, государь, – отвечает Курносов, – есть описание моря или реки, с указанием на оном отмелей и глубин, ветров и течений, всего того, что помехой на пути корабля может стать. Лоция, государь, первейшее, что надобно знать, берясь за дела мореходные.

– Дельно, дельно, – опять говорит Петр. – А еще чему научился?

– Да ко всему делу, государь, присматривался, – отвечает Курносов, – и как корабли строить, и как там рудное дело поставлено, и чем от болезней лечат. Ничего, спасибо голландцам

и немцам. Народ они знающий, хороший народ. Только, думаю, государь, не пристало нам свое, российское хаять. Не хуже и у нас страна, и люди у нас не хуже, и добра не меньше.

– Молодец! – сказал Петр. – Оправдал, утешил. – И Петр поцеловал молодого Курносова. – А ты, – сказал Петр, обращаясь к Буйносову, – видать, как дураком был, так и остался. За границу захотел! Ишь, тебе Россия не дорога. Пошел прочь с моих глаз!

Так и остался молодой Буйносов в безызвестности. А Курносов в скором времени стал видным человеком в государстве.

Аз, буки, веди…

На Руси в то время было мало грамотных людей. Учили ребят кое-где при церквах да иногда в богатых домах имели приглашенных учителей.

При Петре в городах и посадах стали открываться школы.

Назывались школы цифирными. Изучали в них грамматику, арифметику и географию.

Открыли школу и в городе Серпухове, что на пол пути между Москвой и Тулой. Приехал учитель.

Явился учитель в школу, ждет учеников. Ждет день, второй, третий – никто не идет.

Собрался тогда учитель, стал ходить по домам, выяснять, в чем дело. Зашел в один дом, вызвал хозяина, местного купца.

– Почему, – спрашивает, – сын в школу не ходит?

– Нечего ему там делать! – отвечает купец. – Мы без грамоты жили, и он проживет. Бесовское это занятие – школа.

Зашел учитель в дом к сапожных дел мастеру.

– Да разве это нашего ума дело – школа! – отвечает мастер. – Наше дело – сапоги тачать. Нечего понапрасну время изводить, всякую брехню слушать!

Пошел тогда учитель к серпуховскому воеводе, рассказывает, в чем дело. А воевода только руками разводит.

– А что я могу поделать? – говорит. – Дело оно отцовское. Тут кому что: одному – грамота, а другому, поди, грамота и не нужна.

Смотрит учитель на воеводу, понимает, что проку от него не будет, обозлился, говорит:

– Раз так, я самому государю отпишу.

Посмотрел воевода на учителя. Вид у него решительный. Понял: сдержит свою угрозу учитель.

– Ладно, не торопись, – говорит, – ступай в школу.

Вернулся учитель в школу, стал ждать. Вскоре слышит за окном топот. Посмотрел, видит – идут солдаты, под ружьем ведут

ребят.

Целую неделю ребят сопровождали солдаты. А потом ничего, видать, отцы смирились, привыкли. Ученики сами стали в школу бегать.

Стал учитель обучать ребят грамматике. Начали с букв.

– Аз, – говорит учитель. (Это означает буква «а».)

– Аз, – хором повторяют ученики.

– Бу́ки, – говорит учитель. (Это значит буква «б».)

– Буки, – повторяют в классе.

– Ве́ди…

Потом пошла арифметика.

– Един и един, – говорит учитель, – будет два.

– Един и един – два, – повторяют ученики.

Вскоре научились ребята и буквы писать, и цифры складывать.

Узнали, где есть Каспийское, где Черное и где Балтийское моря. Много чему научились ребята.

А как-то раз через Серпухов в Тулу ехал Петр. Заночевал царь в Серпухове, а утром решил зайти в школу. Прослышал Петр, что отцы неохотно отдают детей учиться. Решил проверить.

Входит Петр в класс, а там полным-полно ребят. Удивился Петр, спрашивает у учителя, как он столько учеников собрал.

Учитель и рассказал все, как было.

– Вот здорово! – засмеялся Петр. – Молодец воевода. Это по-нашему. Верно. Накажу-ка, чтобы и в других местах в школу ребят силой тащили. Людишки-то у нас хилы умом, не понимают своей выгоды, о делах государства не заботятся. А грамотные люди нам ой как нужны! Смерть России без знающих людей.

Пусть все знают

Петр стоял около зеркала, примерял новый кафтан. Кафтан был красного цвета, а борта и полы обшиты золотой каймой. Одиннадцать блестящих пуговиц, словно жуки-светлячки, тянулись ровным рядом сверху до самого низа. С боков отвисали два больших, как мешки, кармана и тоже с пуговицами – по три на каждом.

Около Петра крутился Меншиков.

– Ай да мундир! – приговаривал Александр Данилович. – Вот это мундир! А сукно-то, сукно-то, государь! Где ты видывал такое сукно?

Кафтан подарил Петру Меншиков. Вслед за оружейными заводами стали строить на Руси и другие – суконные, прядильные, кожевенные. Строить заводы было выгодно. Царь дал

купцам и промышленникам всякие льготы. Вместе с одним из купцов построил суконный завод и Меншиков. И вот теперь, хвастая сшитым кафтаном, Меншиков надеялся получить заказ для всей армии.

– Где ты видывал такое сукно? – приговаривал Меншиков. – А ведь наше, российское, наше. Говорил я тебе – Меншиков все может, всех солдат в такие кафтаны оденет.

– Не хвастай, не хвастай, – говорит Петр.

А самому приятно. Добротный кафтан, ничего не скажешь. Напряг Петр спину, согнул локти – крепкий кафтан, не рвется. Отдал Петр приказ закупить у Меншикова сукно для целой армии.

А вскоре Петр был на ученье. Солдаты рыли рвы, ползали на брюхе, ходили в штыковую атаку. Ученье прошло хорошо. Однако, когда солдаты построились, Петр посмотрел и ахнул. Оборвались совсем солдаты. У одного пола отвалилась, у другого дыра через всю спину, у третьего вместе с пуговицей клок выдран.

Подбежал Петр к солдатам, схватил первого попавшегося за мундир, дернул – сукно, словно вата, так и поползло. Подбежал к другому – то же самое. Сукно на мундирах оказалось гнилое.

Налились кровью Петрова глаза, забегали по рядам. Содрал Петр с одного из солдат кафтан, подбежал к генералу, в нос тычет, кричит:

– Кто сукно поставлял?..

Растерялся генерал, захлопал глазами, еле проговорил:

– Александр Данилович Меншиков.

А в это время Меншиков принимал иностранных послов. Ходил Александр Данилович важный, как попугай наряженный: в кафтане желтого цвета, в белых чулках, в башмаках с золотыми пряжками, в парике, словно львиная грива.

Ходит Меншиков по залу, беседует с послами, а сам нет-нет да и в зеркало взглянет. Нравился себе Меншиков.

Послы интересовались хозяином дома, спрашивали, древнего ли рода Меншиков, кто его предки. Меншиков врал, что еще при Александре Невском его род на всю Русь славился.

И вдруг слышит Меншиков на лестнице страшный грохот. Потом удар в дверь, словно ядром из пушки, и в комнату влетает Петр. Посмотрел Меншиков – в руках у Петра солдатский мундир. Понял Александр Данилович – недоброе, прикусил губу.

– Такое твое суконце? – еще с порога комнаты закричал Петр. – Гниль подсунул, обманул!

Подлетел Петр к Меншикову – и со всего размаха по лицу кулаком. Раз, два – слева, справа.

– Заелся, – кричит, – зажирел! Вором у государства стал!

Прогоню, сгною, пирогами вновь торговать заставлю!

Укрывается от увесистых ударов Меншиков рукой, размазывает шелковым кафтаном кровь по лицу, а сам причитает:

– За что, государь, за что? Видит Бог, вины моей тут нет!

– И Бога еще приплел! – кричит Петр. – Вины, говоришь, нет? Вот я те покажу «вины нет»! – и снова бьет Меншикова наотмашь, во всю силу.

Выбрал Меншиков удобный момент, глазами Петру на послов показывает: мол, неудобно.

– Пусть смотрят, – говорит Петр, – пусть знают, какой ты есть вор! – и продолжает бить.

– Прости, государь! – наконец взмолился Меншиков. – Видать, дьявол попутал, недоглядел.

Петр бросил бить Меншикова, отошел в угол, сел на лавку, тяжело дышит. Меншиков между тем поднялся и куда-то исчез. Выскользнули из комнаты потихоньку и послы. А через несколько минут Меншиков вернулся. Смотрит Петр – на голове у Меншикова мужицкая шапка, в руках – лоток с пирогами.

– Пироги подовые, пироги подовые! – закричал Меншиков. – Кому подовые, кому подовые!

Посмотрел Петр, рассмеялся. Прошел царский гнев.

– Садись, ладно, – сказал Меншикову.

– Это ты зря, – стал опять оправдываться Александр Данилыч, – ни за что.

– Но, но! – повысил голос Петр.

Меншиков замолчал.

– Государь, – наконец заговорил он, – а как же с послами быть? Теперь ведь по всему свету разнесут. Престижу моего не будет.

– Ну и пусть разнесут, – ответил Петр. – Пусть и в других странах знают, что есть на Руси такой вор Алексашка Меншиков. Да за такие дела на дыбу тебя, на Лобное место! Коли прока от тебя государству в других делах не было, не сносить бы тебе головы. А сукно, смотри, поставь другое. Проверю.

«Радуйся малому, тогда и большое придет»

– Пора бы нам и свою газету иметь, – не раз говорил Петр своим приближенным. – От газеты и купцу, и боярину, и горожанину – всем польза.

И вот Петр как-то исчез из дворца. Не появлялся до самого вечера, и многие уже подумали, не случилось ли с царем чего дурного.

А Петр был на Печатном дворе, вместе с печатным мастером

Федором Поликарповым отбирал материалы к первому номеру русской газеты.

Поликарпов, высокий, худой как жердь, с очками на самом конце носа, стоит перед царем навытяжку, словно солдат, читает:

– Государь, с Урала, из Верхотурска, сообщают, что тамошними мастерами отлито немало пушек.

– Пиши, – говорит Петр, – пусть все знают, что потеря под Нарвой есть ничто с тем, что желаючи можно сделать.

– А еще, государь, сообщают, – продолжал Поликарпов, – что в Москве отлито из колокольного чугуна четыреста пушек.

– И это пиши, – говорит Петр, – пусть знают, что Петр снимал колокола не зря.

– А с Невьянского завода, от Никиты Демидова, пишут, – сообщает Поликарпов, – что заводские мужики бунт учинили, убежали в леса и теперь боярам и купцам от них житья нет.

– А сие не пиши, – говорит Петр. – Распорядись лучше послать солдат да за такие дела мужикам всыпать.

– А из Казани, государь, пишут, – продолжает Поликарпов, – что нашли там немало нефти и медной руды.

– А сие пиши, – говорит Петр, – пусть знают, что на Руси богатств край непочатый, не считаны те богатства, не меряны.

Сидит Петр, слушает. Потом берет бумаги. На том, что печатать, ставит красный крест, ненужное откладывает в сторону.

А Поликарпов докладывает все новое и новое. И о том, что индийский царь послал московскому царю слона, и что в Москве за месяц родилось триста восемьдесят шесть человек мужского и женского пола, и многое другое.

– А еще, – говорит Петр, – напиши, Федор, про школы, да здорово – так, чтобы все прок от этого дела видели.

Через несколько дней газету напечатали. Назвали ее «Ведомости». Газета получилась маленькая, шрифт мелкий,

читать трудно, полей нет, бумага серая. Газета так себе. Но Петр доволен: первая. Схватил «Ведомости», побежал во дворец. Кого ни встретит, газету показывает.

– Смотри, – говорит, – своя, российская, первая!

Встретил Петр и графа Головина. А Головин слыл знающим человеком, бывал за границей, знал языки чужие.

Посмотрел Головин на газету, скривил рот и говорит:

– Ну и газета, государь! Вот я был в немецком городе Гамбурге, вот там газета так газета!

Радость с лица Петра как рукой сняло. Помрачнел, насупился.

– Эх, ты! – проговорил. – Не тем местом, граф, мыслишь. А еще Головин! А еще граф! Нашел чем удивить – в немецком городе Гамбурге. Сам знаю: лучше, да чужое. Чай, и у них не сразу все хорошо было. Дай срок. Радуйся малому, тогда и большое придет.

Про Данилу

Данила на всю округу умным мужиком слыл. О всяком деле имел свое понятие. После Нарвы на селе только и разговоров было, что про шведов, короля Карла, царя Петра и дела воинские.

– Силен швед, силен, – говорили мужики, – не нам чета. И на какой ляд нам море нужно! Жили и проживем без моря.

– Вот и неправда, – говорил Данила. – Не швед силен, а мы слабы. И про море не верно. Нельзя России без моря. И рыбу ловить, и торговлю водить, для многого море надобно.

А когда колокола снимали, в деревне опять несколько дней стоял шум.

– Конец света приходит! – кричал дьякон и рвал на себе волосы.

Бабы плакали, крестились, мужики ходили угрюмые. Все ждали беды. А Данила и здесь не как все. Опять по-своему.

– Так и надо, – говорил. – Тут интерес для государства дороже, чем колокола. Господь Бог за такие дела не осудит.

– Богоотступник! Богохульник! – назвал тогда Данилу батюшка и с той поры затаил на него великую злобу.

А вскоре Петр ввел новые налоги. Застонали мужики, потащили в казну последние крохи, затянули еще туже ремни на штанах.

– Ну, как тебе, – спрашивали они Данилу, – новые царевы порядки? Опять верно? Снова по-твоему?

– Нет, – отвечал Данила, – у меня с царем не во всем согласие общее.

– Ишь ты! – огрызнулись мужики. – У него с царем! Нашел дружка-приятеля. Царь на тебя и смотреть не станет.

– Мало что не станет, а думать по-своему не запретит, – отвечал Данила. – Что славу государству добывает, за то Петру спасибо, а что с мужика три шкуры дерет – придет время, быть ему в ответе.

Соглашаются мужики с Данилой, кивают. А один возьми и выкрикни:

– А ты самому царю про то скажи!

– И скажу, – ответил Данила.

И сказал. Только произошло это не сразу и вот как.

Кто-то донес – может, поп, а может, и кто другой – про Даниловы речи властям.

Приехали в село солдаты, связали Данилу, повезли в Москву к начальнику Тайного приказа, к самому князю Ромодановскому.

Скрутили Даниле руки, вздернули на дыбу, стали пытать.

– Что про государя говорил, кто надоумил? – спрашивает князь Ромодановский.

– А что говорил, то ветер унес, – отвечал Данила.

– Что? – закричал Ромодановский. – Да за такие речи на кол тебя, смутьяна поганого!

– Сажай, – отвечает Данила. – Мужику все едино, где быть. Может, на колу еще лучше, чем гнуть на бояр спину.

Разозлился князь Ромодановский, схватил железный, раскаленный в огне прут и давай его к голому телу Данилы прикладывать. Обессилел Данила, повис, словно мочало.

А в это время в избу вошел Петр.

– За что человек на дыбе? – спросил царь у Ромодановского.

– Смутьян, – говорит князь. – Супротив власти, государь, худое молвит.

Подошел Петр к Даниле. Приоткрыл тот глаза, смотрит – перед ним царь.

Набрался тогда Данила сил и произнес:

– Эх, государь, великое ты дело затеял, да только простому люду житья не стало. Выбили все из народа, словно грабители на большой дороге. Не забудет, государь, народ про такие дела, не помянет добрым словом.

И снова закрыл Данила глаза, уронил на волосатую грудь голову. А Петра словно что изнутри обожгло. Дернул головой влево, вправо, метнул гневный взор на Данилу.

– Вешай! – закричал словно ужаленный и пошел из избы прочь.

Глава третья
На реке Неве

Лодки идут по суше

Русские подошли к Нотебургу осенью. Задули холодные северные ветры.

Разыгралось неспокойное Ладожское озеро. Побежали высокие волны, забили о берег шумным прибоем.

По Ладожскому озеру пригнали русские более полусотни ладей – больших лодок, – стали готовиться к штурму. Штурмовать крепость лучше со стороны реки Невы: тут и берега ближе и волны не такие сильные. Но как провести лодки мимо крепости? Шведы начнут стрелять. Потопят меткие шведские стрелки русские лодки. Как быть?

Весь день русские разбивали лагерь. Ставили большие солдатские палатки, разводили костры, чистили ружья.

Вечером, когда все легли спать, Петр вышел к озеру. Тихо. Горят на берегу костры. Над озером поднимается луна. Засмотрелся Петр на луну, задумался.

Вдруг до царя долетели громкие голоса. Петр оглянулся, смотрит – на берегу у костра собрались солдаты. Солдаты о чем-то спорят. Петр прислушался.

– Братцы, а я так думаю, что шведа обхитрить можно, – говорит чей-то голос.

Петр подошел ближе, рассмотрел говорившего.

Был он щупл и мал ростом. Петра даже смех взял – тоже герой!

– Как же ты, куриная твоя душа, – обратился Петр к солдату, – обхитришь шведа?

Солдат узнал царя и замер от страха.

– Ну-ка, сказывай, – потребовал Петр.

– Да я так думаю, государь, – запинаясь, проговорил солдат, – стало быть, надо рубить просеку да просекой волоком, в обход крепости, и тащить лодки.

– «Просекой, волоком»! – усмехнулся Петр. – Да как ты их тащить будешь? Ведра тебе это, что ли?

– Да будь твоя воля, государь, – хором заговорили солдаты, – а мы их хоть голыми руками до Невы дотянем!

Солдатская выдумка царю понравилась. На следующий день Петр приказал рубить просеку. Рубили просеку умно, так, чтобы верхушки деревьев падали к центру: по ветвям тащить легче.

Впрягались в ладью человек по пятьдесят. Тащить тяжелые лодки – работа трудная. Облепят солдаты лодку со всех сторон, подхватят руками, еле сдвигают.

– Раз – взяли, два – взяли! – раздается голос Петр.

– Еще раз, еще два! – вторят ему ротные командиры.

Устали солдаты. Выбились из сил. Надорвал свой богатырский голос Петр. Разгневался царь, подозвал щуплого солдата.

– Что ж ты, куриная твоя душа! – закричал Петр. – Видал, каково лодки тащить?

Молчит солдат. А Петр ругается еще шибче.

Обиделся тогда солдат, говорит:

– Так какое же дело без труда получается?

Подивился Петр на солдата, промолчал. Потом подошел, похлопал по плечу и сказал:

– Молодец, правду говоришь! Выиграем баталию – не забуду. Быть тебе при государевой награде.

Только не дожил солдат до награды. Замешкался щуплый солдат, подвернулся под нос тяжелой ладьи. Бросились товарищи на помощь, да поздно. Придавила ладья солдата. Прикусил от боли солдат губы, да так и умер без крика и стона.

И вновь подивился Петр: откуда сила такая берется? С таким солдатом не страшно и против шведа идти. Снял Петр шляпу, поклонился, приказал похоронить погибшего с офицерскими почестями.

До позднего вечера русские рубили просеку. А утром в крепости началась тревога. Забегали на стенах караульные. Поднялся на высокую башню комендант. Шведы смотрели на Неву. Там, словно утиные выводки, на легкой волне качались русские лодки. Не сразу поняли шведы, в чем дело. А когда разобрались, было поздно: русские начали штурм.

«Государь Петр Алексеич отступление повелел!»

Две недели днем и ночью громыхали русские пушки. От частых команд охрипли артиллерийские офицеры. Усталые бомбардиры валились с ног. Нотебург горел.

Но шведы не сдавались.

– Эка орех каков! – говорил Петр. – Не раскусишь.

Наконец, на четырнадцатый день, одна из стен треснула. С шумом повалились камни. А когда утихло и улеглась пыль, увидели русские: в стене широкий пролом.

Бросились солдаты к лодкам, поплыли к острову. Командовать штурмом Петр поручил храброму полковнику князю

Голицыну. Высадились солдаты на берег, кинулись к пролому.

– Сдавайтесь! – кричат русские.

Шведы молчат, бросают с крепостных стен камни и раскаленные ядра, льют на голову наступающим горячую воду. Трудно русским. Видно, рано начали штурм.

Понял Петр, что войска поторопились, отдал приказ отступать.

С царским приказом послали к Голицыну молодого, необстрелянного солдата. Прибыл солдат на остров, стал разыскивать Голицына. Да разве найдешь! Кругом дым, огонь, в двух шагах ничего не видно. Побежит солдат к одному месту – говорят, Голицын в другом; бросится туда – его посылают в третье.

Измучился солдат, отошел в сторону.

И вдруг напал на солдата страх. Страшно ему ослушаться и не передать Голицыну царский приказ. Но еще страшнее вновь подойти к крепости. И рад бы пойти, да ноги сами несут в обратную сторону, к берегу, туда, где стоят лодки.

Подошел солдат к берегу. Видит – у лодок кто-то толпится. Посмотрел на форму – преображенцы. «Ну, не я один струсил!» – обрадовался молодой солдат.

Смотрит новичок: преображенцы сталкивают лодки в воду. Лодки сталкивают, а сами не садятся. «Что такое?» И вдруг понял: решили преображенцы биться до последнего. А раз так – не нужны им лодки. Нечего лодкам стоять у берега, незачем дразнить солдат.

– Стой, братцы, стой! Что вы, братцы! – закричал молодой солдат.

Посмотрели преображенцы на новичка, подивились, что за крикун такой, и стали продолжать свое дело.

– Стой, стой! – вновь закричал молодой солдат, подбежал к лодкам, вцепился в одну из них руками. – Не пущу! – кричит. – Государь Петр Алексеич отступление повелел. На чем плыть будем?

«Ну и трус! – подумали преображенцы. – Самого царя приплел!» Подошли к солдату, стали оттаскивать от лодки. А он упирается и все твердит:

– Государь Петр Алексеич отступление повелел!

Но никто ему не поверил. Какая же вера может быть трусу?

Разозлились преображенцы, решили поступить с молодым солдатом, как с предателем. Схватили, раскачали и бросили в воду.

Однако солдат не утонул. Хоть и трус был, да, видать, силу имел немалую, выплыл. Вылез весь мокрый, вода ручьями стекает

с кафтана. Посмотрел молодой солдат в сторону крепости. То ли страх у него прошел, то ли стыдно перед товарищами стало, только скинул солдат кафтан и побежал к пролому.

А у самого пролома столкнулся солдат с князем Голицыным. Хотел солдат передать царский приказ, да понял – поздно. Смолчал.

Русские продолжали штурм.

Шведы выбросили белый флаг

Не раз Петр бивал Меншикова, любую провинность не прощал. Изведал Меншиков и увесистый петровский кулак, и ловкую в руках Петра тяжелую дубовую палку. Но зато и любил Петр Меншикова больше всех на свете. Знал: скажи – пойдет Меншиков в огонь и в воду.

Вот и сейчас не отступает Меншиков от царя ни на шаг. Стоят Петр и Меншиков у русских батарей, смотрят на крепость. Плохи дела у русских. Отбили шведы штурм, приободрились. Того и гляди, сами начнут атаку.

– Государь, – обращается Меншиков к царю, – не устоят наши, пусти на подмогу. Пусти, а, государь! – умоляет Меншиков.

Петр молчит. Дергается тонкий петровский ус. Царь нервничает.

– Государь… – вновь начинает Меншиков.

А дела у пролома совсем плохи. Шведы вышли из крепости, теснят русских к реке. На рослого преображенца навалились сразу трое, схватили шпаги, прокололи, словно бабочку.

– Государь, – не отстает Меншиков, – пусти! А, государь!

– Ладно, ступай, – сдается наконец Петр.

Собрав двенадцать лодок, Меншиков отплыл к крепости. Что есть силы солдаты налегли на весла. Против течения по быстрине плыть трудно. Взмахнут солдаты веслами, нажмут, бурлит по сторонам вода, пенится, а лодки почти ни с места.

– Давай, братцы, нажмем, братцы! – подбадривает Меншиков солдат, а сам с тревогой смотрит на берег.

Не отводит глаз от крепости и Петр. Совсем мало русских осталось на острове. Понимает царь: не подоспеет подмога. Отвернулся Петр, безнадежно махнул рукой.

А когда посмотрел вновь, не поверил своим глазам: лодки – у острова.

Первым выскочил Меншиков. Взмахнул шпагой, врезался в толпу шведов. Только теперь Петр заметил: Меншиков без кафтана, в одной розовой шелковой рубахе. Меншиков пробился к стене. Ловко, как кошка, полез по штурмовой лестнице,

ухватился за край пролома, подтянулся, вскочил на ноги и радостно замахал шляпой.

– Хвастун, ох хвастун! – не сдержался Петр.

Неожиданно в пролом повалил дым, злыми языками пробилось пламя. Озаренная огнем, метнулась розовая рубаха Меншикова. Что было дальше, Петр не видел: мешал дым. В судороге, словно кто-то дергал его за нитку, зашевелился петровский ус.

Прошла минута, вторая, третья. И вдруг…

– Видишь? – закричал Петр прямо в ухо стоящему рядом солдату.

– Никак нет, ничего не вижу, бомбардир-капитан! – ответил солдат.

– Дурак! Куда смотришь? Вон куда гляди! – И Петр показал на стену.

Там, на самом верху, среди огня и дыма, меж острых зубцов стены, словно победное знамя, развевалась розовая, из шелка шитая рубаха бомбардир-поручика Александра Меншикова. Обезумев от боя, со страшно перекосившимся лицом, Меншиков метался у самого обрыва. А рядом с ним, слева и справа, мелькали зеленые кафтаны русских солдат. Вот их все больше и больше. Вот уже почти не видно шведов. Вот…

Петр посмотрел в подзорную трубу. В стекле встрепенулось что-то белое. Флаг, белый флаг! Шведы выбросили белый флаг. Шведы сдаются!

Отбросив в сторону трубу, Петр закричал:

– Виктория! Виктория! Орех-то разгрызли. Вон оно как!

Старой русской крепости Петр дал новое название – Шлиссельбург. Сейчас в память о царе Петре Шлиссельбург называется Петрокрепостью.

Небывалое бывает

Измученный дальней дорогой, в столицу Швеции прибыл гонец.

Принес он тревожную весть: русские идут к Финскому заливу, к крепости Ниеншанц.

Крепость Ниеншанц стояла на берегу Невы, недалеко от впадения Невы в Финский залив. Потерять шведам Ниеншанц – значит пустить русских к морю. Заволновались шведы, снарядили военные корабли, послали помощь.

На всех парусах мчатся шведские корабли к Неве. Подгоняет попутный ветер шведские фрегаты. Носятся над палубами чайки, обещают недалекий берег. А тем временем русские штурмуют

крепость. Не выдержали шведы штурма, не понадеялись на помощь – пробили шведские барабаны сигнал к сдаче. Пришли корабли к Неве, а уже поздно: русские в крепости.

Однако на кораблях о падении Ниеншанца ничего не знали. Остановились шведские корабли в Финском заливе, а два фрегата, «Гедан» и «Астрильд», пошли к крепости. Хотели шведы засветло подойти к Ниеншанцу, но не успели. Пришлось им опустить паруса, заночевать на Неве. Поставили шведы на кораблях часовых, легли спать.

Ходят шведские часовые, не думают об опасности. Ночь наступила темная, небо беззвездное. Кругом тихо. Стоят корабли, словно впаянные в Неву, не качнутся. Ходят часовые, перекликаются.

– Эй, на «Астрильде»! – кричит часовой с «Гедана».

– Эй, на «Гедане»! – отвечают ему с «Астрильда».

Вначале часовые перекликались часто, потом все реже и реже.

Вскоре на «Астрильде» часовой замолк. Усыпила шведа тихая ночь.

Походил, походил часовой на «Гедане». Скучно одному. Прислонился к мачте и тоже заснул.

К утру сквозь сон почудился часовому с «Гедана» скрип уключин.

Швед вздрогнул, приоткрыл глаза. Кругом туман. Дует легкий утренний ветер. Трепещется на мачте шведский флаг. Прислушался швед – скрип повторился.

«Что бы это?» – подумал часовой, подошел к борту.

И вдруг – швед даже не поверил своим глазам, подумал, не сон ли, – увидел часовой вначале одну, потом вторую, потом сразу много лодок.

Швед кинулся к другому борту – и там лодки. В лодках солдаты. И тут швед понял.

– Русские! – надрывая голос, закричал шведский часовой.

«Русские!» – эхом пронеслось над Невой.

– Русские! – тревожно отозвалось в трюме.

И сразу корабль ожил. Выбежали на палубу перепуганные офицеры. Заметались, не понимая, в чем дело, заспанные солдаты.

А русские лодки тем временем подошли к фрегату. Облепили лодки фрегат со всех сторон. Словно муравьи на сахарную голову, стали карабкаться по крутым бортам «Гедана» русские солдаты.

Первым на палубу ворвался Меншиков. Блеснул в руках Меншикова дымящийся пистолет, ловко заиграла острая шпага.

– Эка какой ты, швед, глупый! – приговаривал Меншиков и колол направо. – Не ходил бы ты, швед, в чужие земли! – и колол

налево.

Между тем над Невой поднялось солнце. Туман рассеялся. Стал виден и второй шведский корабль, «Астрильд». И на «Астрильде» идет бой. На «Астрильде» – сам Петр. Хорошо заметна высокая фигура Петра. Петр улыбается Меншикову: понимает, что шведам не отбиться.

Однако нелегко далась русским победа. Геройски сражались шведские корабли. Стыдно им было русским лодкам сдаваться в плен. А все же пришлось.

В честь победы русские отлили медаль. «Небывалое бывает», – говорит Петр про эту победу.

На берегу Невы

Пустынны берега реки Невы: леса, топи да непролазные чащи. И проехать трудно, и жить негде. А место важное – море.

Через несколько дней после взятия Ниеншанца Петр забрал Меншикова, сел в лодку и поплыл к устью Невы.

При самом впадении Невы в море – остров. Вылез Петр из лодки, стал ходить по острову. Остров длинный, плоский, словно ладошка. Хохолками торчат хилые кусты, под ногами мох, сырость.

– Ну и место, государь! – проговорил Меншиков.

– Что – место? Место как место, – ответил Петр. – Знатное место: море.

Пошли дальше. Вдруг Меншиков проваливается по колени в болото. Рванул ноги, стал на четвереньки, пополз на сухое место. Поднялся весь в грязи, посмотрел на ноги – одного ботфорта нет. Остался в грязи ботфорт.

– Ай да Алексашка, ай да вид! – рассмеялся Петр.

– Ну и места проклятущие! – с обидой проговорил Меншиков. – Государь, пошли назад. Нечего сии топи мерить.

– Зачем же назад, иди вперед, Данилыч. Чай, хозяйничать сюда пришли, а не гостями, – ответил Петр и зашагал к морю.

Меншиков нехотя поплелся сзади.

– А вот смотри, – обратился Петр к Меншикову. – Жизни, говоришь, никакой нет, а это тебе что, не жизнь?

Петр подошел к кочке, осторожно раздвинул кусты, и Меншиков увидел гнездо. В гнезде сидела птица. Она с удивлением смотрела на людей, не улетала.

– Ишь ты, – проговорил Меншиков, – смелая!

Птица вдруг взмахнула крылом, взлетела, стала носиться вокруг куста.

Наконец Петр и Меншиков вышли к морю. Большое, мрачное, оно верблюжьими горбами катило свои волны, бросало о берег, било о гальку.

Петр стоял расправив плечи, дышал всей грудью. Морской ветер трепал полы кафтана, то поворачивая лицевой зеленой стороной, то внутренней – красной. Петр смотрел вдаль.

Там, за сотни верст на запад, лежали иные страны, иные берега.

Меншиков сидел на камне, переобувался.

– Данилыч, – произнес Петр.

То ли Петр произнес тихо, то ли Меншиков сделал вид, что не слышит, только он не ответил.

– Данилыч! – вновь проговорил Петр.

Меншиков насторожился.

– Здесь, у моря, – Петр обвел рукой, – здесь, у моря, – повторил он, – будем строить город.

У Меншикова занесенный ботфорт сам собой выпал из рук.

– Город? – переспросил он. – Тут, на сих болотах, город?!

– Да, – ответил Петр и зашагал по берегу.

А Меншиков продолжал сидеть на камне и смотрел удивленным, восторженным взглядом на удаляющуюся фигуру Петра.

А по берегу носилась испуганная птица. Она то взмывала вверх, то падала вниз и оглашала своим криком нетронутые берега.

Город у моря

Для строительства нового города собрали к Неве со всей России мастеровой люд: плотников, столяров, каменщиков, нагнали простых мужиков.

Вместе со своим отцом, Силантием Дымовым, приехал в новый город и маленький Никита. Отвели Дымову место, как и другим рабочим, в сырой землянке. Поселился Никитка рядом с отцом, на одних нарах.

Утро. Четыре часа. Над городом палит пушка. Это сигнал. Встают рабочие, встает и Никиткин отец. Целый день копаются рабочие в грязи и болоте. Роют канавы, валят лес, таскают тяжелые бревна. Возвращаются домой затемно. Придут усталые, развесят около печки вонючие портянки, расставят дырявые сапоги и лапти, похлебают пустых щей и валятся на нары. Спят до утра словно убитые. А чуть свет опять гремит пушка.

Весь день Никитка один. Все интересно Никитке: и то, что народу много, и солдат тьма-тьмущая, и море рядом. Никогда не видал Никитка столько воды. Даже смотреть страшно. Бегал Никитка к пристани, на корабли дивился. Ходил по городу, смотрел, как в лесу вырубают просеки, а потом вдоль просек дома

складывают.

Привыкли к Никитке рабочие. Посмотрят на него – дом, семью вспомнят. Полюбили Никитку. «Никитка, принеси воды», – просят. Никитка бежит. «Никитка, расскажи, как у солдата табак украл». Никитка рассказывает.

Жил Никитка до осени весело. Но пришла осень, грянули дожди. Заскучал Никитка. Сидит целые дни в землянке один. В землянке вода по колени. Скучно Никитке. Вырубил тогда

Силантий из бревна сыну игрушку – солдата с ружьем.

Повеселел Никитка.

– Встать! – подает команду.

Солдат стоит, глазом не моргнет.

– Ложись! – кричит Никитка, а сам незаметно подталкивает солдата рукой.

Наиграется Никитка, начнет воду вычерпывать. Перетаскает воду на улицу, только передохнет – а вода вновь набралась. Хоть плачь!

Вскоре в городе начался голод. Продуктов на осень не запасли, а дороги размокли. Пошли болезни. Стали вымирать люди словно мухи.

Пришло время, захворал и Никитка. Вернулся однажды отец с работы, а у мальчика жар. Мечется Никитка на нарах, пить просит.

Всю ночь Силантий не отходил от сына. Утром не пошел на работу. А днем нагрянул в землянку офицер с солдатами.

– Порядку не знаешь?! – закричал офицер.

– Сынишка у меня тут. Хворый. Помирает сынишка, – стал оправдываться Силантий.

Но офицер не стал слушать. Дал команду, скрутили солдаты Силантию руки, погнали на работу. А когда вернулся, Никитка уже похолодел.

– Никитка, Никитка! – тормошит Силантий сына.

Лежит Никитка, не шелохнется. Валяется рядом Никиткина игрушка – солдат с ружьем. Мертв Никитка.

Гроба Никитке не делали. Похоронили, как всех, в общей могиле.

Недолго прожил после этого и Силантий. К морозам и Силантия свезли на кладбище.

Много тогда людей погибло. Много мужицких костей полегло в болотах и топях.

Город, который строил Никиткин отец, был Петербург. Через несколько лет этот город стал столицей Русского государства.

Золотой рубль

Осень 1703 года выдалась ранняя. Словно из сита, лили холодные мелкие дожди. Задули ветры, погнали по Финскому заливу метровые волны.

В один из таких дней к Неве подошел иностранный корабль. Корабль был датский, приплыли на нем купцы.

У входа в Неву корабль бросил якорь. Идти дальше капитан не решался. Датчане послали в Петербург за лоцманом.

Вскоре лоцман прибыл. Из-под брезентового плаща-капюшона глянуло на капитана молодое улыбающееся лицо. Раскрытыми ножницами зашевелились тонкие, словно шило, усы.

– О гут, зер гут! – приветствовал лоцмана капитан.

Лоцман прошелся по палубе, пощупал снасти, придирчиво осмотрел паруса и реи.

Всю дорогу лоцман молчал. Ловко перебирая рулевое колесо, он осторожно вводил корабль в Неву.

– Гут, зер гут! – говорил капитан.

Русский датчанам понравился. Прощаясь, капитан подарил лоцману золотой рубль.

Три дня судно разгружалось. Пока русские перетаскивали на берег пузатые бочки и тяжелые ящики, датские моряки ходили по городу. С самого утра отправлялся на берег и датский капитан. Капитан знал, что на улицах Петербурга можно повстречать русского царя. А взглянуть на Петра капитану очень хотелось. Слава о Петре к тому времени обошла весь мир. Однако датчанам не везло.

И вот однажды капитан встретил лоцмана.

– О майн фройнд![1] – радостно приветствовал датчанин старого знакомца.

«А что, если поделиться с ним своей неудачей?» – подумал капитан.

Узнав, в чем дело, лоцман оживился, обещал помочь.

Слово свое лоцман сдержал. Через несколько дней датских моряков пригласили в дом петербургского генерал-губернатора Александра Даниловича Меншикова. В просторном губернаторском доме собралось человек сто. Были здесь и знатные особы, и совсем неприметные люди – русские купцы и офицеры. Вскоре к гостям вышел и сам хозяин.

– Его величество царь Петр Алексеевич, – произнес Меншиков.

Дверь распахнулась, и в комнату вошел Петр.

Датский капитан взглянул на царя – и ахнул. По комнате, прогибая половицы, шел лоцман.

Заметив датчан, Петр улыбнулся. Лукаво заблестели большие глаза, приветливо зашевелились усы-ножницы. Капитан растерялся, стал низко кланяться и что-то быстро-быстро заговорил на родном языке.

– О чем сказывает господин датский капитан? – обратился Петр к переводчику.

– Ваше величество, – ответил переводчик, – капитан говорит о каком-то рубле. Капитан просит не гневаться и вернуть ему рубль.

Петр рассмеялся.

– Купцы и корабельщики, – обратился царь к датским морякам, – вы первые, что с миром пришли к нам, в древние русские земли. Слава вам, датские мореходы. Жалуйте к нам в моря. Купцы датские и немецкие, английские и шведские, жалуйте все, всем места хватит. За то мы и бились за море, за то и положили здесь русские головы.

Потом, наклонившись к переводчику, Петр тихо сказал:

– А капитану передай – рубль я ему не отдам. Рубль – он не краденный. Скажи, царь за здоровье датских моряков тот рубль пропил.

Глава четвертая
Опять Нарва

Снова поход

– Государь! – Меншиков осторожно потряс Петра за плечи. – Проснись.

Петр приподнял голову и, не открывая глаз, перевернулся на другой бок.

– Государь, проснись, – вновь повторил Меншиков.

– Пошел вон! – ругнулся Петр и стал натягивать на голову одеяло.

– Проснись же, государь! – не отставал Меншиков. – У Нарвы неспокойно: к крепости идет генерал Шлиппенбах.

– Что?! – Петр вскочил с кровати, схватил Меншикова за отвороты кафтана, притянул к себе. – Что? Шведы – к Нарве?!

– Да, государь.

Петр отпустил Меншикова, зашагал по комнате из угла в угол.

Потом остановился, вонзив взгляд в Меншикова, сказал:

– Данилыч, час пробил. Пока Нарва у шведов – жить нам в страхе. Ступай, кличь генералов, снова быть битве.

На следующий день русские войска спешно выступили в поход. И вот опять дорога. Как тогда, четыре года назад. Идут войска, движутся пушки, длинной вереницей тянутся обозные телеги.

И вновь по дороге несется царский возок. Догоняет Петр русские полки, останавливает лошадей, кричит:

– Здорово, молодцы!

– Здравия желаем, бомбардир-капитан! – отвечают солдаты.

Идут солдаты стройными рядами. Тра-та-та, тра-та-та! – выбивают походную дробь барабаны, развеваются пестрые полковые знамена.

А высоко в небе светит солнце. Носятся в теплом воздухе стрижи. Где-то впереди раздается солдатская песня. Слышна команда:

– Лева нога вперед! Права нога вперед! Шире шаг!

Стоит Петр в возке. Снял шляпу. Развевает ветер Петровы кудри. Смотрит Петр на войска, говорит Меншикову:

– Данилыч, смотри: российская армия идет, наша, новая! Побьем шведа, а, Данилыч?

– Побьем, государь! Ей-ей, побьем! – отвечает Меньшиков.

– То-то, – говорит Петр. – Чай, на печи не лежали! – И весело, по-детски смеется. Потом вдруг меняется в лице. – Но, но, – говорит Меншикову, – не хвастай! – Садится и начинает смотреть в небо, в безбрежную синь, в неохватную даль.

Войска идут к Нарве.

Машкарадный бой

Подошли русские к Нарве. Послали разведку. Оказывается, Шлиппенбах еще далеко.

Остановились войска на правом берегу Наровы. Стали готовиться к штурму.

Однажды к Петру подошел Меншиков.

– Государь, – обратился он, – разреши учинить машкарадный бой.

– Что? – переспросил Петр.

– Машкарадный бой, говорю, – повторил Меншиков и зашептал царю что-то на ухо.

А на следующее утро к коменданту Нарвы генералу Горну прибежал корнет Попеншток.

– Генерал, генерал! – закричал Попеншток. – К Нарве идет Шлиппенбах, русские готовятся к бою!

Схватил Горн подзорную трубу, бросился к крепостной стене, посмотрел: действительно, русские строятся. Носится по полю Меншиков, машет шпагой, куда-то показывает. Посмотрел Горн на запад – правильно, там, за лесом, поднимается пыль.

– О, слава тебе, Святая Мария! – проговорил генерал. Потом повернулся к Попенштоку, сказал: – Жалую вас, господин корнет, капитаном.

В это время вдалеке раздались два выстрела, потом еще два и еще. Это был шведский условный сигнал. Горн приказал ответить. С крепостной стены гаркнули пушки.

А вскоре из-за леса стройной колонной появились и сами шведы.

Заколыхались желтые и белые шведские знамена, заняли всю ширь дороги синие мундиры шведских солдат. Развернулись шведы во фронт, выкатили вперед пушки и открыли огонь. Русские стояли спиной к крепости, лицом к войскам Шлиппенбаха.

И Горн подумал: «А что, если ударить русским в тыл? Шлиппенбах – спереди, войска из крепости – сзади, зажать русских в тиски, разгромить, как тогда, четыре года назад, удержать шведскую славу».

Горн отдал приказ. Распахнулись крепостные ворота,

выскочила конница, за ней побежали пешие отряды. Русские заметили вылазку, дрогнули, подались в сторону.

– Ура! – закричал Попеншток и побежал вниз с крепостной стены.

Он вскочил на лошадь и вылетел пулей из крепости. Хотел Попеншток и тут оказаться первым. Горн видел, как его белая лошадь, вздымая пыль, галопом мчалась по полю. Попеншток подскакал к русским, рубанул налево, направо, повернул коня и помчался к войскам Шлиппенбаха. Вот он подлетел к шведам, соскочил с коня и бросился обнимать какого-то офицера.

– Молодец! – шептал Горн. – Молодец, Попеншток! – И восторженно смотрел на корнета.

Но что такое? Потеряв шляпу, Попеншток несется назад. Вслед ему раздаются выстрелы. Шведы стреляют в шведов! Схватил Горн трясущимися руками подзорную трубу, стал искать Шлиппенбаха. Вот и он на коне, в окружении шведских знамен. Но – о Святая Мария! Горн смотрит и не верит своим глазам: на коне в костюме шведского генерала сидит царь Петр. А те, кого Горн принимал за солдат Шлиппенбаха, схватив ружья наперевес, дружно бегут к открытым воротам крепости.

– О Боже, о Боже! – закричал Горн. – Ворота, скорее закрыть ворота!

Генерал побежал вниз. У самых ворот он столкнулся с Попенштоком. Подскочил Горн к Попенштоку, осадил его белую лошадь, сдернул седока на землю.

– Вы, вы!.. – кричал, задыхаясь, Горн. – Вы, Попеншток, мальчишка! О Боже, о Боже! Это все вы! Ну, где же ваш Шлиппенбах?! Рядовым, в карцер, под суд! О Святая Мария! О Святая Мария!

Около трети нарвского гарнизона полегло в машкарадном бою.

По случаю удачной выдумки в русском лагере шло веселье. Меншиков ходил важный, приговаривал:

– Бивали мы этих шведов запросто. Что нам шведы!

– Умолкни! – крикнул Петр. – Хоть ты и герой, да похвальбе знай меру! Тьфу, тошно смотреть!

Бабат Барабыка

Бабат Барабыка был барабанщиком в бомбардирской роте. На всю армию не было второго такого умелого барабанщика. Выбивал Барабыка и маршевую дробь, и все сигналы воинские знал исправно.

А еще Барабыка был известен тем, что разговаривал с самим

генералом Горном.

Было это так.

Тридцатого июля, в воскресенье, русские начали обстрел Нарвы. Стреляли по бастионам Виктория и Гонор. Отсюда, пробив в стене брешь, хотели штурмовать город. Семь дней не отходили от пушек бомбардиры. Не отходил и Барабыка. Отложив в сторону барабан, подтаскивал ядра, засыпал в пушки порох. На восьмой день бастион Гонор осел. Земляная насыпь вокруг него обвалилась в ров.

– Ну, – заговорили солдаты, – теперь готовься к штурму.

В это самое время Барабыку вызвали к царю. Посмотрел Петр на раскосые глаза Бабата.

– Татарин? – спросил.

– Калмык, – ответил Барабыка.

– Ишь ты! – усмехнулся Петр. – А тоже солдат.

– Барабанщик я, – ответил Барабыка.

– Вот ты мне и надобен, – сказал Петр. – Пойдешь к крепости, передашь письмо нарвскому коменданту. Да смотри иди осторожно, – напутствовал Петр. – Бей в барабан шибче, говори, что ты есть российский парламентер.

Пошел Барабыка, бьет в барабан что есть силы. Заметили шведы солдата, перестали стрелять.

– Кто такой? – закричали, когда Барабыка подошел к крепости.

– Я есть парламентер российской армии, – отвечает Барабыка.

Скрипнули железные засовы тяжелых крепостных ворот, одна из створок их медленно приоткрылась. Барабыка вошел в крепость. Повели Барабыку кривыми маленькими улочками нового города мимо разбитых и горящих домов к Нарвскому замку. Перед замком – глубокий ров. Через ров – мост. Мост поднят.

– Кто такой? – закричали с той стороны часовые.

– Я есть парламентер российской армии, – вновь повторил Барабыка.

Громыхнули тяжелые цепи, мост опустился. Барабыка вошел в замок. Повели Барабыку по узким коридорам и крутым лестницам. Наконец вошли в большой зал. В глубине увидел Барабыка высокого, худого старика. «Генерал Горн», – узнал Барабыка.

Взял Горн письмо, стал читать. «Сам Господь Бог разрушил Гонор, – писал Петр, – путь к приступу открыт…» Петр предлагал Горну сдать крепость и кончить кровопролитие.

Прочел Горн письмо, уставился на Бабата.

– Иди к царю Петру, – сказал, – передай: шведы не сдаются.

Понял?

– Никак нет, – отвечает Барабыка.

– Иди к царю Петру, – повторил Горн, – скажи: нет такого правила, чтобы шведы сдавались.

– Как так – нет? – возражает Барабыка. – Есть. И при Орешке сдавались, и при Ниеншанце сдавались. Выходит, есть такое правило. А Нарва чем лучше? И при Нарве сдадутся.

– Что?! – закричал Горн.

Налились кровью генеральские глаза. Схватил Горн шпагу, бросился к русскому солдату.

– Вон! – закричал. – Вон!.. О Святая Мария!

Так и ушел Барабыка ни с чем.

Доложил Барабыка царю все как было.

– Ишь ты! – сказал Петр. – Так и сказал Горн: «Шведы не сдаются»?

– Так точно, бомбардир-капитан!

– А может, и прав генерал Горн? – спрашивает Петр.

– Как так – прав? – возражает Барабыка. – Я же ему говорю: «При Орешке сдались – раз, при Ниеншанце сдались – два и при Нарве, выходит, сдаться должны». Как же так, Бог троицу любит.

– Молодец! – говорит Петр. – Мыслишь, как пристало российскому солдату.

– Никак нет, государь, – говорит Барабыка.

– Что – никак нет? – не понимает Петр.

– Какой же я солдат? Барабанщик я.

– Ну и что, барабанщик – не солдат, что ли? – удивился Петр.

– Нет, бомбардир-капитан, – отвечает Бабат, – какой же он солдат, раз ружья не имеет.

– Ишь ты! – вновь усмехнулся Петр. – Ружья, говоришь, не имеешь? Ладно, иди к ротному командиру, скажи: государь приказал ружье выдать. А про шведов это ты правду сказал: и при Нарве сдадутся.

Штурм

На следующий день русские начали штурм Нарвы. Шли на приступ тремя большими колоннами.

Солдаты тащили лестницы и багры, оставив для облегчения в лагере походные ранцы.

На штурм нарвской стены шел и Бабат Барабыка.

Шведы открыли огонь. Стреляли пушки из крепости и через Нарову, с высоких ивангородских стен. Ловко, страшно бились шведские солдаты. Там, где у высокой стены бастиона Гонор русские установили штурмовые лестницы, летели на головы

атакующих камни, янтарными брызгами рассыпалась горящая смола.

По крепости на взмыленном коне носился генерал Горн.

– Шведы, шведы, – кричал он, – не посрамим шведской славы! Вперед, шведы!

Приступ русских был неудачный. Добираясь почти до самого верха стены, солдаты не могли закрепиться. Штурмующие отхлынули. Отбежал со всеми и Барабыка. Установилась тишина. Никто не решался первым повторить атаку. И вдруг недолгую тишину нарушил барабанный бой. Это в свой барабан ударил Барабыка. Медленно, в такт барабанной дроби, он стал подходить к крепостной стене, стал подниматься по лестнице. Шведы опешили. Они смотрели на смельчака, боясь стрелять. А Барабыка продолжал бить в барабан, продолжал подниматься по лестнице.

И вдруг все зашевелилось, задвигалось. Русские снова бросились на штурм. Снова раздались выстрелы, полетели камни, полилась смола.

Барабыка вскочил на крепостную стену. Кругом свистели пули. С Бабата сбило шляпу, от горящей смолы затлел кафтан. А он стоял на самом верху и бил в барабан.

Тра-та-та! Тра-та-та!

А оттуда, с той стороны стены, несся зычный голос генерала Горна:

– Шведы, за Господа Бога и короля вперед!

Однако поздно. Русские овладели стеной. Вот их все больше и больше.

А наверху по-прежнему стоит Барабыка и что есть силы бьет в барабан. Потом забрасывает барабан за спину, сует палочки за пояс, хватает ружье и, задрав полы горящего кафтана, прыгает вниз.

Русские врываются в Нарву.

А внизу гремит голос Горна:

– Шведы, шведы, позор вам, шведы!

Шпага генерала Горна

Был у Бабата дружок из солдат. Странную имел фамилию – Перец. Молчит, молчит Перец, а потом возьмет да такое скажет! Все норовил про царя Петра дурное сказать.

А тут еще Бабат его вконец разозлил. Как вернулся Бабат от царя, так и стал хвастать, что Петр ему и ружье выдать приказал, и награду пообещал.

– Чему радуешься? – перебил Перец Бабата. – Нашел отца-благодетеля! Он тебе ружье рад всунуть. Дура, царь – он и есть

царь. Думаешь, ты ему нужен? Силушка твоя нужна. Чай, немало на его совести нашего люду. Вон она, царская милость, – говорил Перец и задирал рубаху. Там поперек волосатой спины ровными рядами шли красные рубцы. – А за что? – спрашивал Перец. – За то, что правду сказать не побоялся.

И уж какой раз за этот поход начинал рассказывать Перец о том, как взбунтовались в его родном селе мужики, а царь прислал солдат и приказал всем батогов всыпать. А кто виноват, что мужикам на деревне жрать нечего? Вестимо, он, царь.

– Так ведь то не царь, а бояре виноваты, – пытается возражать Бабат.

– Ишь ты, «бояре»! – передразнивает Перец. – А царь – он кто, мужик? Царь – он и есть первейший боярин. От него все в государстве зависит.

– Так-то оно так… – соглашается Бабат.

А сам свое думает: «Как же так, чтобы царь – и был нехороший!»

Так бы и думал Бабат, да произошла такая история.

Спрыгнув с крепостной стены, Бабат побежал к Нарвскому замку. Здесь, на валу, отделявшем старый город от нового, он повстречал генерала Горна.

Подбежал Барабыка к генеральской лошади, схватил за уздцы, закричал Горну:

– Сдавайся!

Признал генерал раскосые глаза Барабыки, схватился за шпагу. Хорошо, отскочил Бабат в сторону. Потом выбрал удобный момент, прыгнул и ухватился за рукоятку генеральской шпаги. Ухватился, держит и снова кричит:

– Сдавайся!

Так и держатся они вдвоем за одну шпагу. В это время подскакал к ним русский полковник Чамберс.

– Брось! – закричал полковник на Барабыку. – Не пристало рядовому чину у генерала шпагу брать! Отдай сюда!

А Барабыка словно окаменел: пальцы разжать не может. Разозлился тогда Чамберс, ударил Бабата по лицу. Пошатнулся Бабат, упал. Так и досталась генеральская шпага полковнику Чамберсу.

А тут как раз проезжал Петр с генералами.

– Что за шум? – спросил.

Чамберс и доложил ему: мол, рядовой чин, а у генерала шпагу отнять пытался, да и офицерского приказа не выполнил.

– Раз так, – сказал Петр, – всыпать ему батогов за такое дело.

Уехали генералы. Остался Барабыка один. А в это время, откуда ни возьмись, Перец.

– Ну что, – говорит Перец, – видал, каково нашему брату? Вот она, царская милость.

А Бабату и сказать нечего. Стоит моргает раскосыми глазами. Хоть и злой мужик Перец, а все же и в его словах правда есть.

За славу российскую

Бой кончился. Петр и Меншиков верхом на конях выехали из крепости. Следом, чуть поодаль, группой ехали русские генералы. Ссутулив плечи, Петр грузно сидел в седле и устало смотрел на рыжую холку своей лошади. Меншиков, привстав на стременах, то и дело поворачивал голову из стороны в сторону и приветственно махал шляпой встречным солдатам и офицерам.

Ехали молча.

– Государь, – вдруг проговорил Меншиков, – Петр Алексеевич, гляди, – и показал рукой на берег Наровы.

Петр посмотрел. На берегу реки, задрав кверху ствол, стояла пушка. Около пушки, обступив ее со всех сторон, толпились солдаты. Взобравшись на лафет с ковшом в руке, стоял сержант. Он опускал ковш в ствол пушки, что-то зачерпывал им и раздавал солдатам.

– Государь, – проговорил Меншиков, – смотри, никак, пьют. Ну и придумали! Смотри, государь: в ствол пушки вино налили! Ай да бомбардиры! Орлы! Герои!

Петр улыбнулся. Остановил коня. Стали слышны солдатские голоса.

– За что пить будем? – спрашивает сержант и выжидающе смотрит на солдат.

– За царя Петра! – несется ответ.

– За Нарву!

– За славный город Санкт-Петербурх!

Петр и Меншиков поехали дальше, а вслед им неслось:

– За артиллерию!

– За товарищев, животы свои положивших!

– Данилыч, – проговорил Петр, – поехали к морю.

Через час Петр стоял у самой воды. Волны лизали подошвы больших Петровых ботфортов. Царь скрестил руки и смотрел вдаль. Меншиков стоял чуть поодаль.

– Данилыч, – позвал Петр Меншикова, – а помнишь наш разговор тогда, в Новгороде?

– Помню.

– А Нарву?

– Помню.

– То-то. Выходит, не зря сюда мы хаживали, проливали кровь

и пот русский.

– Не зря, государь.

– И колокола, выходит, не зря снимали. И заводы строили. И школы…

– Верно, верно, – поддакивает Меншиков.

– Данилыч, так и нам теперь не грех выпить? Не грех, Данилыч?!

– Правильно, государь.

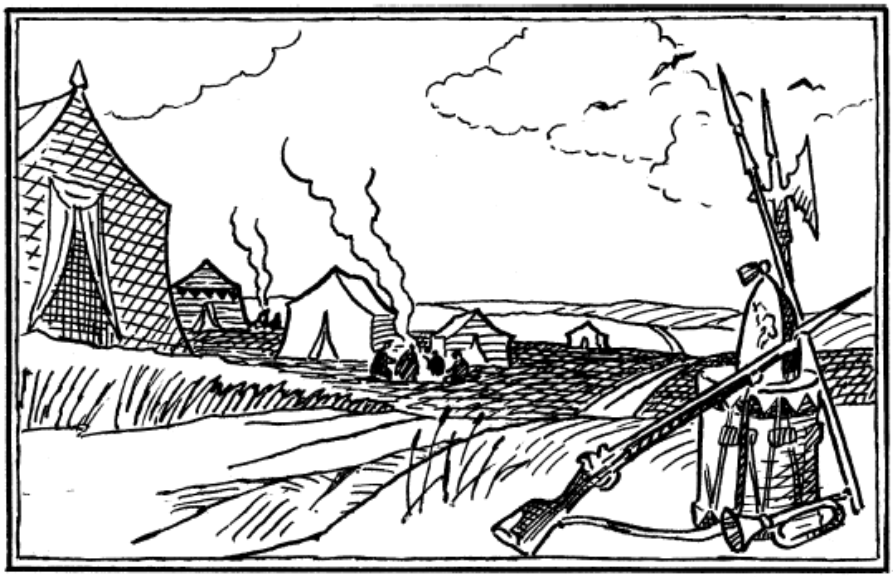
– Так за что пить будем?

– За государя Петра Алексеича!.. – выпалил Меншиков.

– Дурак! – оборвал Петр. – За море пить надобно, за славу российскую.

Рассказы о Суворове и русских солдатах

Глава первая
Всюду известны



Пакет

За непослушание императору Суворов был отстранен от армии. Жил фельдмаршал в селе Кончанском. В бабки играл с мальчишками, помогал звонарю бить в церковные колокола. В святые праздники пел на клиросе.

А между тем русская армия тронулась в новый поход. И не было на Руси второго Суворова. Тут-то и вспомнили про Кончанское.

Прибыл к Суворову на тройке молодой офицер, привез фельдмаршалу пакет за пятью печатями от самого государя императора Павла Первого. Глянул Суворов на пакет, прочитал:

«Графу Александру Суворову в собственные руки».

Покрутил фельдмаршал пакет в руках, вернул офицеру.

– Не мне, – говорит. – Не мне.

– Как – не вам? – поразился посыльный. – Вам. Велено вам в собственные руки.

– Не мне. Не мне, – повторил Суворов. – Не задерживай. Мне с ребятами в лес по грибы-ягоды надо идти.

И пошел.

Смотрит офицер на пакет – все как полагается: и «графу» и «Александру Суворову».

– Александр Васильевич! – закричал. – Ваше сиятельство!

– Ну что? – остановился Суворов.

– Пакет…

– Сказано – не мне, – произнес Суворов. – Не мне. Видать, другому Суворову.

Так и уехал ни с чем посыльный.

Прошло несколько дней, и снова в Кончанское прибыл на тройке молодой офицер. Снова привез из Петербурга от государя императора пакет за пятью печатями.

Глянул Суворов на пакет, прочитал:

«Фельдмаршалу российскому Александру Суворову».

– Вот теперь мне, – произнес Суворов и распечатал пакет.

«Бить, а не считать»

Впервые Суворов попал на войну совсем молодым офицером. Россия в то время воевала с Пруссией. И русские и прусские войска растянулись широким фронтом. Армии готовились к грозным боям, а пока мелкими набегами «изучали» друг друга.

Суворову выделили сотню казаков и поручили наблюдать за противником. В сорока верстах от корпуса, в котором служил Суворов, находился прусский город Ландсберг.

Городок небольшой, но важный. Стоял он на перепутье проезжих дорог. Охранял его хорошо вооруженный отряд прусских гусар.

Ходил Суворов несколько раз со своей сотней в разведку, исколесил всю округу, но, как назло, даже издали ни одного пруссака не увидел.

А что же это за война, если даже не видишь противника!

И вот молодой офицер решил учинить настоящее дело, попытать счастье и взять Ландсберг. Молод, горяч был Суворов.

Поднял он среди ночи сотню, приказал седлать лошадей.

– Куда это? – заволновался казачий сотник.

– Вперед! – кратко ответил Суворов.

До рассвета прошла суворовская сотня все сорок верст и оказалась на берегу глубокой реки, как раз напротив прусского города.

Осмотрелся Суворов – моста нет. Сожгли пруссаки для безопасности мост. Оградили себя от неожиданных нападений.

Постоял Суворов на берегу, подумал и вдруг скомандовал:

– В воду! За мной! – И первым бросился в реку.

Выбрались казаки на противоположный берег у самых стен вражеского города.

– Город наш! Вперед! – закричал Суворов.

– В городе же прусские гусары, – попытался остановить Суворова казачий сотник.

– Помилуй Бог, так это и хорошо! – ответил Суворов. – Их как раз мы и ищем.

Понял сотник, что Суворова не остановишь.

– Александр Васильевич, – говорит, – прикажите хоть узнать, много ли их.

– Зачем? – возразил Суворов. – Мы пришли бить, а не считать.

Казаки ворвались в город и разбили противника.

Туртукай

Слава Суворова началась с Туртукая.

Суворов только недавно был произведен в генералы и сражался под началом фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского против турок. Румянцев был заслуженным военачальником. Одержал он немало побед над противником. Однако эта война поначалу велась нерешительно. Русская армия топталась на месте. Никаких побед, никаких продвижений.

Не терпелось, не хотелось Суворову сидеть на одном месте.

– Одним глядением крепостей не возьмешь, – возмущался он робостью графа Румянцева.

И вот, не спросясь разрешения, Суворов завязал с неприятелем бой. Отбросил противника, погнал и уже было ворвался в турецкую крепость Туртукай, как пришел приказ Румянцева повернуть назад. Суворов подумал: победа рядом, командующий далеко, и ослушался. Ударил в штыки. «Чудо-богатыри, за мной!» И взял Туртукай.

Тут же Суворов написал фельдмаршалу донесение:

«Слава Богу, слава вам! Туртукай взят, и я там».

Обидно стало Румянцеву, что молодой генерал одержал победу над турками, а он, фельдмаршал, не может. Да и рапорт в стихах разозлил Румянцева. Решил он отдать Суворова под суд за ослушание и невыполнение приказа.

Те, кто были поближе к Румянцеву, говорили:

– Прав фельдмаршал. Что же это за армия, если в ней нарушать приказы!

Однако большинство офицеров и солдат защищали Суворова.

– Так приказ приказу рознь, – говорили одни.

– За победу – под суд?! – роптали другие.

– Это из-за стишков фельдмаршал обиделся, – перешептывались третьи.

Слухи о расправе над молодым генералом дошли и до царицы Екатерины Второй. Защитила она Суворова.

“Победителей не судят”, – написала царица Румянцеву.

Суворов вернулся к войскам и через несколько дней одержал новую победу над турками.

Суворов стоял в Кинбурне

С небольшим отрядом казаков и солдат Суворов стоял в Кинбурне. Важной была крепость. Слева – Черное море. Узкая песчаная коса впереди. Справа – Днепровский лиман. Не допустить турок в Днепровский лиман – задача Суворова.

Пятьдесят шесть турецких судов и фрегатов подошли к Кинбурнской косе, открыли огонь по русским.

Окончили турецкие корабли обстрел, стали высаживать отборные войска на берег. Боялись турки Топал-паши[2] – так прозвали они Суворова. Даже французских офицеров призвали к себе на помощь.

Вывел Суворов навстречу врагу небольшой гарнизон своей крепости, начал неравный бой.

Бьются русские солдаты, не щадя живота своего. То тут, то там на коне Суворов.

– Алла! Алла! – кричат турки.

– Ура! Ура! – не смолкают русские.

Идет отчаянный бой, кипит рукопашная сеча.

В разгар сражения картечь ударила в грудь Суворова. Потерял он сознание, свалился с коня.

– Топал-паша убит! Убит! Убит! – пронеслось в турецких рядах.

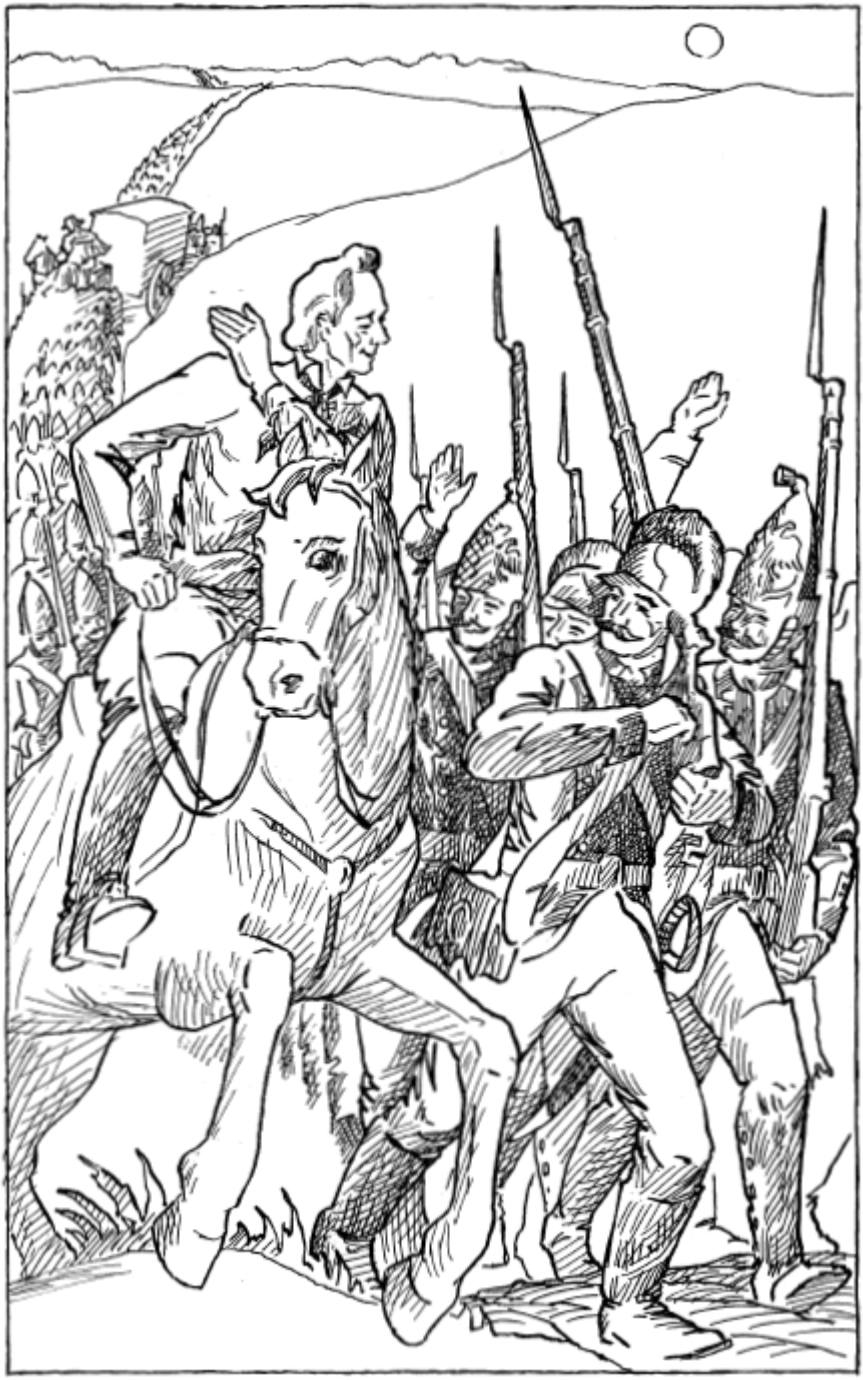
Осмелели турки, с новой силой бросились в битву.

Подняли между тем казаки генерала, промыли рану соленой водой. Пришел Суворов в себя.

– Помогло, помилуй Бог, помогло! Увидели солдаты любимого командира – ни шагу назад, ни пяди земли противнику. Не утихает смертельный бой.

– Ура! Алла! Алла! Ура! – несется над берегом.

Прошел час, и снова Суворова ранило. Хотели казаки вынести генерала в тихое место.



– Не сметь! – закричал Суворов. Перехватил он рану рукавом от рубахи и к войскам. Однако от ран генерал обессилел. То и дело теряет Суворов сознание. Окружили его казаки, поддерживают командира в седле.

Привстанет Суворов на стременах, взмахнет шпагой, крикнет: «Ура!» – и снова от боли теряет сознание. Снова придет в себя, снова «ура» и снова на казацкие плечи валится.

Приказал тогда Суворов казакам придерживать коня на бугре, на высоком месте, – так, чтобы солдаты его видели. Видят солдаты генерала в бою, из последней мочи держатся.

Устояли казаки и гренадеры. Дождались подмоги. Прибыла конница, ударили русские во всю силу, погнали турок и французских офицеров назад, к Черному морю. Немногие добрались до своих кораблей. А те, что добрались, распустили слух, что Суворов убит в Кинбурне.

Однако от ран Суворов скоро оправился и еще не раз о себе напоминал.

Битва Фокшанская

С русскими против турок сражались австрийцы. Дела у австрийцев были неважны, и им грозил разгром под Фокшанами.

Запросили австрийцы у русских помощи. На помощь пришел Суворов.

Прибыл Суворов, остановился недалеко от австрийского лагеря. Командующий австрийской армией принц Кобургский немедля прислал к Суворову посыльного с просьбой, чтобы русский генерал тут же явился к австрийцам на военный совет.

Собрался было Суворов ехать, а затем подумал: зачем? Знал он, что на военном совете с австрийцами начнутся споры, сомнения. Только время уйдет. А турки тем временем узнают о приходе Суворова.

Прискакал посыльный от принца Кобургского к русскому лагерю.

– Суворов Богу молится, – заявили посыльному.

Через час прибыл новый посыльный.

– Суворов ужинает, – отвечают ему.

Прошел еще час, и снова прибыл посыльный.

– Суворов спит, – объясняют австрийцу. – Наказал не тревожить.

А Суворов вовсе не спал. Изучал он позиции неприятеля. Готовился к бою.

Глубокой ночью принца Кобургского разбудили. Приехал курьер от Суворова, привез письмо от русского генерала.

«Выступаю на турок, – писал Суворов. – Иду слева, ступай справа. Атакуй с чем пришел, чем Бог послал. Конница, начинай! Руби, коли, гони, отрезай, не упускай, ура! А коль не придешь, ударю один», – пригрозил Суворов.

Переполошился принц Кобургский. Как же так – без военного совета, без обсуждения и так скоро! Однако делать нечего, пришлось подчиниться.

Русские и австрийцы напали на турок и разгромили противника.

После победы кое-кто стал упрекать Суворова: нехорошо, мол, Суворов поступил с австрийцами.

– Нельзя было, – объяснял Суворов. – Нельзя иначе. Австрийцы – они поболтать любят. Заговорили бы меня на совете. Заспорили. Глядишь, и битва Фокшанская была б не на поле, а в штабе австрийском.

Великий визирь

Ни одно войско в мире не передвигалось так быстро, как суворовские солдаты. Неприятель и не ждет Суворова, думает – русские далеко. А Суворов тут как тут. Как снег на голову. Подошел. Ударил в штыки. Опрокинул противника. Так случилось и в знаменитой битве при Рымнике.

Рымник – это река. У ее берегов собралась огромная стотысячная турецкая армия.

Командующий турецкой армией великий визирь Юсуф-паша восседал у себя в шатре на шелковых подушках, пил кофе.

Хорошее настроение у великого визиря. Только что побывал у него турецкий разведчик; прибыл из русского лагеря. Принес разведчик хорошую весть: суворовская армия в четыре раза меньше турецкой. Стоит она в восьмидесяти верстах от Рымника и к бою пока не готова.

Восседал визирь на подушках, пил кофе и составлял план разгрома Суворова. Потом стал мечтать о тех наградах, которыми осыплет его турецкий государь за победу.

С мыслями о наградах великий визирь заснул. И вдруг на рассвете, сквозь радостный сон, Юсуф-паша услышал дикие крики:

– Русские! Русские! Русские!

Выскочил визирь из палатки – в турецком лагере паника. Носятся турецкие офицеры. Горланят солдаты. Крики. Шум. Разобраться немыслимо.

– Какие русские?! Откуда русские? – кричит визирь.

А русские уже и слева и справа, бьют в лоб, и с боков, и с тыла. Теснят растерявшихся турок. «Ура, ура!» – только и несется со всех сторон.

– Стойте! – кричит визирь. – Сыны Аллаха! Стойте!

Но турки не слушают своего начальника. Одолел турецкую

армию великий страх.

Схватил тогда визирь священную книгу – Коран, стал заклинать трусов.

Но и слова о Боге не помогают.

Приказал тогда визирь стрелять по турецким солдатам из собственных пушек.

Но и пушки не помогают.

Забыли солдаты и визиря и Аллаха. Бегут, как стадо баранов. «Аман![3] – вопят. – Аман!» Сбивают и давят друг друга.

– Скоты! – прошептал потрясенный визирь.

Оставил он и Коран и пушки, подхватил полы парчового своего халата и, пока не поздно, бросился вслед за всеми.

Любил Суворов стремительные переходы. Нападал на неприятеля неожиданно, обрушивался как снег на голову.

Измаил

Неприступной считалась турецкая крепость Измаил. Стояла крепость на берегу широкой реки Дунай, и было в ней сорок тысяч солдат и двести пушек. А кроме того, шел вокруг Измаила глубокий ров и поднимался высокий вал.

И крепостная стена вокруг Измаила тянулась на шесть верст. Не могли русские генералы взять турецкую крепость.

И вот прошел слух: под Измаил едет Суворов. И правда, вскоре Суворов прибыл. Прибыл, собрал совет.

– Как поступать будем? – спрашивает.

А дело глубокой осенью было.

– Отступать надобно, – заговорили генералы. – Домой, на зимние квартиры.

– «На зимние квартиры»! – передразнил Суворов. – «Домой»! Нет, – сказал. – Русского солдата дорога домой через Измаил ведет. Нет российскому солдату дороги отсель иначе!

И началась под Измаилом необычная жизнь. Приказал Суворов насыпать такой же вал, какой шел вокруг крепости, и стал обучать солдат. Днем солдаты учатся ходить в штыковую атаку, а ночью, чтобы турки не видели, заставляет их Суворов на вал лазить. Подбегут солдаты к валу – Суворов кричит:

– Отставить! Негоже, как стадо баранов, бегать. Давай снова.

Так и бегают солдаты то к валу, то назад.

А потом, когда научились подходить врассыпную, Суворов стал показывать, как на вал взбираться.

– Тут, – говорит, – лезьте все разом, берите числом, взлетайте на вал в один момент.

Несколько дней Суворов занимался с солдатами, а потом

послал к турецкому генералу посла – предложил, чтобы турки сдались. Но генерал гордо ответил:

– Раньше небо упадет в Дунай, чем русские возьмут Измаил.

Тогда Суворов отдал приказ начать штурм крепости. Повторили солдаты все, чему учил их Суворов: перешли ров, поднялись на крепостной вал, по штурмовым лестницам поползли на стены. Лихо бились турки, только не удержали они русских солдат. Ворвались войска в Измаил, захватили в плен всю турецкую армию.

Лишь один турок невредимым ушел из крепости. Дрожащий от страха, он прибежал в турецкую столицу и рассказал о новом подвиге русских солдат и новой победе генерала Суворова.

Мишка

Не везло Суворову на лошадей. Одной неприятельское ядро оторвало голову. Вторую ранило в шею, и ее пришлось пристрелить. Третья лошадь оказалась просто-напросто глупой.

Но вот донские казаки подарили Суворову Мишку. Глянул фельдмаршал: уши торчком, землю скребет копытом. Не конь, а огонь.

Подошел Суворов слева, подошел справа. И Мишка повел головой то в одну сторону, то в другую сторону, как бы присматриваясь, достойным ли будет седок. Понравился Суворову Мишка. И Мишке, видать, Суворов пришелся по вкусу. Сдружились они и понимали друг друга без слов.

Хорошее настроение у Суворова – и у Мишки хорошее, играет, мчит во весь опор. Огорчен, опечален Суворов – и Мишка насупится, шагом идет, медленно и осторожно, чтобы лишний раз хозяина не потревожить.

Лихим оказался Мишка в бою. Ни ядер, ни пуль, ни кривых сабель – ничего не боялся. У Рымника на Мишке Суворов громил Юсуф-пашу. На нем приехал под Измаил.

Но и у лошади жизнь солдатская. В одном из сражений Мишку ранило в ногу. Конь захромал и к дальнейшей службе оказался не годен.

Суворов бранился, кричал на докторов и коновалов, требовал, чтобы те излечили Мишку. Коню делали припарки, извлекли пулю, наложили ременный жгут. Не помогло. От хромоты конь не избавился.

Пришлось Суворову расстаться с верным товарищем. Простился фельдмаршал с конем, приказал отправить его к себе в имение, в село Кончанское. Старосте написал, что конь «за верную службу переведен в отставку и посажен на пенсию», и

наказал, чтобы Мишку хорошо кормили, чистили и выводили гулять.

Староста каждый месяц должен был писать Суворову письма и сообщать, как живется в «отставке» Мишке.

Фельдмаршал часто вспоминал лихого донца. И после Мишки у Суворова побывало немало коней, да лучше Мишки все-таки не было.

Дерзость

В бою под Фокшанами турки расположили свою армию так, что с тыла, за спиной, у них оказалось болото. Позиция для пушек – лучше не сыщешь: сзади неприятель не подойдет, с флангов не обойдет. Спокойны турки.

Однако Суворов не побоялся болота. Прошли суворовские богатыри через топи и, как гром среди ясного неба, – на турецкую артиллерию сзади. Захватил Суворов турецкие пушки.

И турки, и австрийцы, и сами русские сочли маневр Суворова за рискованный, дерзкий. Хорошо, что прошли через топи солдаты, а вдруг не прошли бы?!

– Дерзкий так дерзкий! – усмехнулся Суворов. – Дерзость войскам не помеха.

Однако мало кто знал, что прежде чем пустить войска через болота, Суворов отрядил бывалых солдат, и те вдоль и поперек излазили топи и выбрали надежный путь для своих товарищей. Суворов берег солдат и действовал наверняка.

Месяц спустя в новом бою с турками полковник Илловайский решил повторить дерзкий маневр Суворова.

Обстановка была схожей: тоже турецкие пушки и тоже болото.

– Суворову повезло, – говорил Илловайский. – А я что, хуже? И мне повезет.

Только Илловайскому не повезло. Повел полковник солдат, не зная дороги. Завязли солдаты в болоте. Стали тонуть. Поднялся шум, крики. Поняли турки, в чем дело. Развернули свои пушки и расстреляли русских солдат. Много солдат погибло. Илловайский, однако, спасся.

Суворов разгневался страшно. Кричал и ругался до хрипоты.

– Так я же хотел, как вы, чтобы дерзость была, – оправдывался Илловайский.

– «Дерзость»! – кричал Суворов. – Дерзость есть, а где же умение?!

За напрасную гибель солдат Суворов разжаловал полковника в рядовые и отправил в обозную команду.

– Ему людей доверять нельзя, – говорил Суворов. – При лошадях он безопаснее.

«Убит под Фокшанами»

На переходе к Фокшанам одна из колонн пехотного Смоленского полка попала под страшный обстрел неприятеля.

Турецкая батарея укрылась в лесу и метким огнем валила смоленцев. А рядом шла другая колонна. Командир колонны подполковник Ковшов понял, что спасти своих можно лишь стремительным нападением на батарею противника. Подскакал он к генералу Райку, начальнику обеих колонн.

– Разрешите, – просит, – ударить на неприятеля.

Однако Райк был генерал нерешительный. Сидит на коне и молчит. Думает: разрешу, а вдруг и вторая колонна погибнет.

Погибают смоленцы. Помощи нет. А в это время обе колонны догнал Суворов. Увидел он подполковника Ковшова.

– Сударь, товарищи гибнут, а вы стоите! Вперед! – закричал Суворов.

– Ваше сиятельство, – стал оправдываться подполковник, – так я бы немедля исполнил свой долг, но жду приказания своего генерала.

Посмотрел Суворов на генерала, а тот по-прежнему сидит на коне и молчит.

– Какого генерала?! – воскликнул Суворов. – Райка? Да разве вы не видите, что он убит!

Не понял вначале Ковшов насмешки Суворова. Как так, думает, почему же убит, коль генерал Райк жив и здоров и тут же рядом сидит на коне!

– Убит, убит, – повторил Суворов. – Ступайте!

Бросился Ковшов к своей колонне, повернул ее в лес, разгромил турецкую батарею и спас товарищей.

За суворовские слова Райк страшно обиделся. В тот же день он подал рапорт об отчислении его из суворовской армии.

Просьбу Райка Суворов удовлетворил.

– Не надобны мне подобные генералы, – говорил он. – Коль воинский начальник в нерешительности пребывает – пользы с него не будет.

Позже, когда Суворова спрашивали:

– А где же генерал Райк?

Он неизменно отвечал:

– Убит. Убит под Фокшанами.

Медаль

Молодой, необстрелянный солдат Кузьма Шапкин во время боя у реки Рымник струсил и весь день просидел в кустах.

Не знал Шапкин, что Суворов его приметил.

В честь победы над турками в суворовскую армию были присланы ордена и медали. Построили офицеры свои полки и роты. Прибыл к войскам Суворов, стал раздавать награды.

Стоял Шапкин в строю и ждал, чтобы скорее все это кончилось. Совестно было солдату. И вдруг… Шапкин вздрогнул, решил, что ослышался.

– Гренадер Шапкин, ко мне! – закричал Суворов.

Стоял солдат, словно в землю ногами вкопанный.

– Гренадер Шапкин, ко мне! – повторил Суворов.

– Ступай же, ступай, – подтолкнули Кузьму солдаты.

Вышел Шапкин, потупил глаза, покраснел. А Суворов раз – и медаль ему на рубаху. Вечером солдатам раздали по чарке вина. Расселись солдаты у палаток, стали вспоминать подробности боя, перечислять, за что и кому какие награды. Капелюхе – за то, что придумал, как отбить у турок окопы. Жакетке – за турецкий штандарт. Дындину – за то, что один не оробел перед десятком турок и хоть изнемог в ранах, а в плен не дался.

– Ну, а тебе за что же медаль? – спрашивают солдаты у Шапкина.

А тому и ответить нечего.

Носит Шапкин медаль, да покоя себе не находит. Товарищей сторонится. Целыми днями молчит.

– Тебе что же, медаль язык придавила?! – шутят солдаты.

Прошла неделя, и совсем изглодала совесть солдата. Не выдержал Шапкин, пошел к Суворову. Входит в палатку и возвращает медаль.

– Помилуй Бог! – воскликнул Суворов. – Награду назад!

Опустил Шапкин голову низко-низко, к самому полу, и во всем признался Суворову.

«Ну, – думает, – пропадай моя голова».

Рассмеялся Суворов, обнял солдата.

– Молодец! – произнес. – Знаю, братец, без тебя все знаю. Хотел испытать. Добрый солдат. Добрый солдат. Памятуй: героем не рождаются, героем становятся. Ступай. А медаль, ладно, пусть полежит у меня. Тебе заслужить. Тебе и носить.

Не ошибся Суворов.

В следующем бою Шапкин первым ворвался в турецкую крепость, заслужил и медаль и великую славу.

Переход

Движется суворовская армия, совершает стремительный переход. День, второй, третий… десятый. Каждый день – шестьдесят верст. То ли солнце палит, то ли грязь, непогода – идут колонны одна за другой, совершают дальний поход.

Измучились солдаты в пути. Пообтрепались башмаки на дорогах. Гудят от волдырей и усталости ноги.

Изнемогли солдаты. Нет солдатских сил идти дальше. А идти надо. Нельзя не идти.

Догоняет Суворов заднюю из колонн. Делает вид, что не замечает солдатской усталости.

– Богатыри! Ребята! – кричит Суворов. – Орлы! Да за вами и конному не угнаться! Так, верно, молодцы – шире шаг: отдавите передним пятки!

Догоняет Суворов среднюю из колонн:

– Богатыри! Братцы! Неприятель от вас дрожит. Вперед! Вперед! Нога ногу подкрепляет – раз, два, левой, левой… Рука руку усиляет – раз, два, левой, левой! Шибче! Шибче! Задние пятки отдавят!

Догоняет Суворов первую из колонн:

– Дети! Орлы! Неприятель без вас скучает. Вперед! Вперед! Теснее ряд, выше голову, грудь навыкат! Ух, махни, головой тряхни, удаль солдатскую покажи! Барабаны! Музыка! Песни!

Затрубили трубачи и горнисты, ударили барабаны, разнеслась над войсками песня. Повеселели, подтянулись солдаты. Сбилась от четкого солдатского шага дорожная пыль столбом.

Едет впереди своих войск Суворов – доволен. Не остановилась русская армия – движется. Забыли солдаты про ссадины на ногах и усталость. Идут колонны одна за другой, совершают стремительный переход.

Спор

Как-то между солдатами начался спор – прав или не прав Суворов, утомляя войска быстрыми переходами. Спор вели капрал Пенкин и рядовой Кривокорытов.

– А что, – говорит Пенкин, – прав Суворов. В быстроте вся сила. Быстрота и натиск решают дело.

– Так-то оно так, – соглашался Кривокорытов. Но тут же начинал свое: – Так ведь солдатам трудно в походе. И сила людская на это уходит, да и в пути отстают многие.

– Мало что отстают, – возражает Пенкин. – Пусть лучше десять отстанут, зато сто победят.

– Ишь ты – десять отстанут! – не унимался Кривокорытов. – А

может, эти десять самые смелые.

– «Смелые»! – усмехнулся капрал. – Кто же это тебе сказал, чтоб смелые – и вдруг позади!

И другие солдаты поддержали капрала:

– Прав Суворов: лучше устать, но победить!

– Ну, как хотите, – сдался Кривокорытов. – А мне торопиться некуда. Мне мое здоровье важнее.

И действительно, на всех маршах солдат отставал. Армия уже и закончила переход и вошла в дело, а бывало, и разбила противника, а Кривокорытов и другие вроде него еще где-то в пути, обозными клячами тащатся.

– Эх, несдобровать тебе, Кривокорытов! – говорил Пенкин солдату. – Помяни: отстающего бьют.

Так оно и случилось.

Привел Суворов русские полки стремительным маршем к Рымнику, к лагерю Юсуф-паши. Прошли солдаты единым махом восемьдесят верст, разгромили турецкую армию.

Кончился бой. Стали товарищи разыскивать Кривокорытова. Нет солдата. Принялись ждать. Ждут день, ждут два – не приходит солдат.

На третий день Кривокорытов нашелся. Поленился, отстал, отбился от солдат в пути, наскочил на турецкий разъезд и был насмерть врагами изрублен.

Похоронили солдаты товарища, перекрестились. Эхма, ни за что ни про что, через глупость свою, сложил гренадер неразумную голову!

Палочки

Рядовой Пень в боях первым вперед не рвался. Зато после взятия городов был великий охотник до разной добычи.

Начнут солдаты стыдить товарища.

– А что, – отвечал Пень, – кровь проливаю, себя не жалею. Так уж и взять ничего нельзя!

Вступили суворовские войска в маленький турецкий городок. Ехал Суворов по кривым, узким улочкам, видит – выскакивает из ворот соседнего дома солдат, гусь под мышкой.

– Эй, молодец, – окликнул Суворов, – сюда!

Подбежал Пень.

– Откуда гусак?!

Замялся Пень. Однако солдат был неглуп. Нашелся:

– Так хозяйка дала, ваше сиятельство. На, говорит, служивый.

– Так и дала? – усмехнулся Суворов.

– Дала, дала и еще приходить велела.

Только сказал, а в это время из турецкого дома выбегает старая турчанка. Видать, поняла бабьим чутьем, что воинский начальник солдата ругает, осмелела, подбежала к нему и давай вырывать гуся.

Отдал солдат гусака. Убежала турчанка.

– Значит, сама дала и еще приходить велела! – обозлился Суворов.

– Так то не она, другая дала, – стал выкручиваться Пень. – Молодая.

– Ах, молодая! – воскликнул Суворов.

Только воскликнул, а из дома выбегает молодая турчанка и тоже к солдату.

Подскочила, затараторила на своем языке, руками машет и причитает.

Суворов турецкий язык знал, понял, что турчанка говорит о шелковой шали. Протянул он руку к солдатской пазухе – вытащил шаль.

Потупил Пень глаза, понял, что быть расплате. Крикнул Суворов солдат, приказал взять мародера под стражу.

Вечером перед воинским строем виновного разложили на лавке и всыпали шомполов.

Врезают солдаты воришке, а Суворов стоит рядом, приговаривает:

– Жителя не обижай – он тебя кормит, не обижай – он тебя поит. Так ему. Так ему. Еще, еще! – командует Суворов. – Пусть хоть палочки дурь выбьют. Палочки тоже на пользу, коль солдат нечист на руку. Солдат – защитник жителя. Солдат не разбойник!

Суп и каша

Суворовская армия совершала стремительный переход. Остановились войска ночевать в лесу на косогоре, у самой речки.

Разложили солдаты походные костры, стали варить суп и кашу.

Сварили, принялись есть. А генералы толпятся около своих палаток, ждут Лушку. Лушка – генеральский повар. Отстал Лушка где-то в пути, вот и томятся генералы, сидят не кормлены.

– Что же делать? – говорит Суворов. – Пошли к солдатским кострам, господа генералы.

– Да нет уж, – отвечают генералы, – мы подождем. Вот-вот Лушка приедет.

Знал Суворов, что генералам солдатская пища не по нутру. Спорить не стал.

– Ну, как хотите.

А сам к ближайшим кострам на огонек.

Потеснились солдаты, отвели Суворову лучшее место, дали миску и ложку.

Уселся Суворов, принялся есть. К солдатской пище фельдмаршал приучен. Ни супом, ни кашей не брезгует. Ест, наедается всласть.

– Ай да суп, славный суп! – нахваливает Суворов.

Улыбаются солдаты. Знают, что фельдмаршала на супе не проведешь: значит, и вправду суп хороший сварили.

Поел Суворов суп, взялся за кашу.

– Хороша каша, добрая каша!

Наелся Суворов, поблагодарил солдат, вернулся к своим генералам. Улегся фельдмаршал спать, уснул богатырским сном. А генералам не спится. Ворочаются с боку на бок. От голода мучаются. Ждут Лушку.

К утру Лушка не прибыл.

Поднял Суворов войска, двинулась армия в дальнейший поход. Едут генералы понурые, в животах бурчит – есть хочется. Промучились, бедные, до нового привала. А когда войска остановились, так сразу же за Суворовым к солдатским кострам: не помирать же от голода.

Расселись, ждут не дождутся, когда же солдатская пища сварится.

Усмехнулся Суворов. Сам принялся раздавать генералам суп и кашу. Каждому дает, каждому выговаривает:

– Ешь, ешь, получай. Да впредь не брезгуй солдатским. Не брезгуй солдатским. Солдат – человек. Солдат мне себя дороже.

Родительская шинель

В наследство от отца Суворову досталась шинель. Была она старая, местами латаная. Но Суворов гордился родительской шинелью. Брал ее с собою во все походы и, как наступали холода, никакой другой одежды не признавал.

И вот суворовская шинель попала в руки противника. Дело было летом. Хранилась шинель в армейском обозе. Как-то на обоз налетел турецкий разъезд, перебил охрану и увез ее вместе с другими вещами.

Фельдмаршал опечалился страшно. Места себе не находил. Осунулся. Лишился доброго аппетита.

– Да мы вам, ваше сиятельство, – успокаивали его армейские интенданты, – новую шинель сошьем. Лучшую.

– Нет, нет, – отвечал Суворов. – Не видать мне подобной шинели. Нет ей цены. Нет ей замены.

О пропаже суворовской шинели узнали и солдаты Фанагорийского полка. Договорились они во что бы то ни стало вернуть от турок фельдмаршальскую шинель.

Во главе с поручиком Троицким и капралом Иваном Книгой солдаты пошли в разведку. Но неудачно: шинели не нашли. Зато взяли в плен турка. Стали допытывать, но тот про шинель ничего не знал.

На следующий день снова ходили в разведку, снова взяли турка, но и этот турок нового ничего не сказал.

Две недели солдаты упорно ходили в разведку. Изловили за

это время шесть турецких солдат, и лишь седьмой оказался из тех, что принимали участие в наскоке на русский обоз.

Пленник долго не мог вспомнить, была ли шинель и что с ней стало. Наконец вспомнил, что досталась она при дележке захваченного имущества старому турку по имени Осман.

– А где он? Жив тот Осман?

Осман оказался жив. Только вот задача – пойди излови Османа.

Тогда поручик Троицкий решил отпустить пленного турка и наказал: если тот принесет в русский лагерь суворовскую шинель, то и остальные шесть будут отпущены.

На следующий день турок вернулся, принес шинель. Узнал Суворов, как попала к русским шинель, страшно разгневался.

– Людьми рисковать! Из-за шинелишки солдатские головы под турецкие пули! – кричал он на поручика Троицкого.

Смутился поручик.

– Так они, ваше сиятельство, сами.

– «Сами»! – пробурчал Суворов, однако уже не так строго.

Потом взял шинель в руки, глянул на потертые полы, на залатанный борт и вдруг заплакал.

– Чего это наш фельдмаршал? – спрашивали не знавшие, в чем дело, солдаты.

– Шинель, – отвечал Иван Книга.

– Ну так что?

– Родительская, – с нежностью пояснял капрал.

Мосты

Войска Суворова сражались в Италии. Французская армия отходила без боя. Выбирали французские генералы удобное для себя место – такое, чтобы наверняка разгромить Суворова. Отступили они к реке Адде. Перешли на ту сторону. Сожгли за собою мосты. «Вот тут, – решили, – при переправе, мы и уничтожим Суворова».

А для того чтобы Суворов их план не понял, сделали французские генералы вид, что отходят дальше. Весь день отступали в сторону от реки, а затем вернулись назад и спрятали своих солдат в кустах и оврагах.

Вышел Суворов к реке. Остановился. Приказал наводить мосты.

Засучили солдаты рукава. Топоры в руки. Закипела работа. Моста два, один недалеко от другого. Соревнуются солдаты между собой. На каждом мосту норовят управиться первыми.

Наблюдают французские дозорные за рекой. Через каждый

час доносят своим генералам, как у русских идет работа.

Довольны французские генералы. Все идет точно по плану. Потирают от радости руки. Ну, попался Суворов!

Хитрыми были французы. Однако Суворов оказался хитрее.

Когда мосты были почти готовы, снял он вдруг среди ночи всю армию и двинул вниз по берегу Адды.

– А мосты, ваше сиятельство? – забеспокоились саперные офицеры.

– Молчок, – приложил палец ко рту Суворов. – Мосты строить. Шибче стучать топорами.

Стучат топоры над рекой, а фельдмаршал тем временем отвел армию вниз по ее течению и переправил, где вброд, где по понтонам, на вражеский берег.

Спокойны французские генералы. Знают – мосты не готовы. Успокаивает французов топорный стук над рекой. Не волнуются генералы.

И вдруг… Со спины, с тыла, явился Суворов. Ударил в штыки.

– Ура! Чудо-богатыри, за мной!..

Поняли генералы, в чем дело, да поздно.

Не ожидали русских французы. Дрогнули и побежали. Только офицеров одних более двухсот попало в руки к Суворову.

Мосты все же достроили. Как же быть без мостов, раз в армии не только чудо-солдаты, но и обозы и артиллерия.

Заманивай

На реке Треббии разгорелась кровопролитная битва с французами.

Суворов внимательно следил за ходом сражения. Сидел верхом на казацкой лошади, без мундира, в белой рубахе, со шпагой в руке.

В самый разгар битвы один из русских полков не выдержал напора французов. Солдаты дрогнули, отступили, побежали. Вместе со всеми бежал и молодой солдат Ермолай Шокин.

«Ну, гибель пришла!» – думал солдат и шептал про себя молитву.

Заметив замешательство русских, Суворов бросился к отступающему полку. Подлетел на разгоряченном коне, закричал:

– Заманивай! Шибче! Так, правильно! Бегом!

Бежит Шокин, думает: «Как же понять? Какое же здесь заманивание, раз полк отступает?»

А Суворов опять:

– Шибче! Шибче! Заманивай!

Пробежали метров двести. Вдруг Суворов осадил коня.

Привстал на стременах. Взмахнул над головой шпагой.

– Стой! – закричал. – Хватит!

Беглецы остановились. Остановился и Ермолай.

– Чудо-богатыри!.. Назад!.. – закричал фельдмаршал. – В штыки!.. Ура!.. С нами Бог! Вперед!..

Повернулись солдаты лицом к неприятелю. Ударили в штыки.

– Вперед! – не умолкает Суворов. – Богатыри! Неприятель от вас дрожит! – И первым летит на французов.

Смяли, разбили солдаты противника.

Бежал Шокин, бился штыком, думал: «Ой ловко, ой как ловко Суворов все дело повернул! И виду про отступление не подал. И не ругал».

И другие солдаты про то же думают. Бьются, не жалея себя, искупают минутную трусость.

А Суворов уже был далеко от этих мест, ястребом сидел на коне и снова зорко следил, все ли везде в порядке.

Три дня длилась битва на реке Треббии. Победа была суворовской – полной.

Впереди и позади

В ночь перед штурмом Турина Суворов в сопровождении двух офицеров, майора Пронина и капитана Забелина, выехал на разведку. Хотел фельдмаршал сам осмотреть подступы к городу, а офицерам наказал взять бумагу и срисовывать план местности.

Ночь тихая, светлая, луна и звезды. Места красивые: мелкие перелески, высокие тополя.

Едет Суворов, любуется.

Подъехали они почти к самому городу, остановились на бугорочке.

Слезли офицеры с коней. Взяли в руки бумагу. Майор Пронин – смельчак – все поближе к городу ходит. А капитан Забелин наоборот – за спиной у Суворова.

Прошло минут двадцать, и вдруг началась страшная канонада. То ли французы заметили русских, то ли просто решили обстрелять дорогу, только ложатся неприятельские ядра у самого бугорочка, рядом с Суворовым, вздымают землю вокруг фельдмаршала.

Сидит Суворов на коне, не движется. Смотрит – и майор Пронин не испугался, ходит под ядрами, перерисовывает план местности. А Забелина нет. Исчез куда-то Забелин.

Услышали в русских войсках страшную канонаду, забеспокоились о Суворове. Примчался казачий разъезд к Турину.

– Ваше сиятельство, – кричит казачий сотник, – отъезжайте, отъезжайте! Место опасное!

– Нет, сотник, – отвечает Суворов, – место прекрасное. Гляди, – показал на высокие тополя, – лучшего места не надо. Завтра отсюда начнем атаку.

Кончилась канонада. Собрался Суворов ехать назад. Крикнул Пронина. Крикнул Забелина.

Подошел Пронин – бумажный лист весь исписан: где какие овражки, где бугорочки – все как надо указано. А Забелина нет. Стали искать капитана. Нашли метрах в двухстах за Суворовым. Лежит Забелин с оторванной неприятельским ядром головой, рядом чистый лист бумаги валяется.

Взглянул Суворов на Пронина, взглянул на Забелина, произнес:

– Храбрый всегда впереди, трусишку и позади убивают.

«Я сам принесу свою голову»

В русском лагере солдаты поймали француза. Поначалу француз молчал. Говорил лишь «пардон, пардон» и больше ни слова.

Потом, когда солдаты на него поднажали, пленник разговорился. Сознался, что проник в русский лагерь затем, чтобы убить Суворова.

Убить?!

Ишь ты, стервец!

Вешай его! – зашумели солдаты.

Однако подоспел дежурный по лагерю и вовремя остановил самосуд.

Стали выяснять. Оказалось, что французы оценили голову Суворова в два миллиона ливров. Вот и соблазнился французский солдат. Решил подкараулить, убить Суворова и доставить своим генералам голову русского фельдмаршала.

Доложили Суворову!

– Помилуй Бог, два миллиона ливров! – воскликнул Суворов. – Так дорого!

Слух о французском солдате прошел по всему русскому лагерю. Теперь не только солдаты, но и офицеры и генералы стали требовать казни лазутчика.

Однако фельдмаршал, к общему удивлению, пленника отпустил.

– Ступай, – произнес, – доложи своим генералам – пусть ждут. Я сам принесу к ним свою голову.

Суворов сдержал «обещание». Через несколько дней при

городе Нови русские войска разбили французов. Бросив знамена, обозы и всю артиллерию, французская армия позорно бежала. Командующий французской армией генерал Жубер был убит.

– Надули меня французишки, – «сокрушался» Суворов. – Зря ходил. Не захотели платить. Поразбежались!

Говорун

Генерал князь Пирятин-Тамбовский во всех походах таскал за собой золоченую резную карету.

Генералом Пирятин был неважным. Зато говоруном оказался страшным. Раз уж завел разговор – не отцепится. Собеседник уже и так и сяк, уже и шляпа в руках, и сам стоит у порога, а Пирятин:

– Минуточку, минуточку. Я вам еще одну историю расскажу.

Старшие и равные по чину стали избегать Пирятина. Тогда генерал принялся за подчиненных. Вызывает к себе офицеров и начинает рассказывать им всяческие истории. Вначале офицерам это нравилось. А потом, когда генерал рассказал все истории и раз, и второй, и третий, то и им опротивело. А так как начальству перечить было нельзя, офицеры придумали очередность. В понедельник ходил майор Краснощекин, во вторник – поручик Куклин, в среду – капитан Рябов, и так до конца недели. Называлось это у офицеров несением «разговорной» службы. Ходили, слушали, тратили время и проклинали Пирятина…

С кем только не беседовал за свою долгую жизнь генерал, а вот с Суворовым не приходилось. А поговорить с фельдмаршалом очень хотелось. И вот случай представился князю.

Один из неприятельских городов сдался русским без боя. Порядок в подобных случаях был таков, что победитель должен был в город въезжать в карете.

– Зачем мне карета? – заупрямился было Суворов. – Донской конь – лучшей не сыскать для меня кареты.

Однако генералы пристали, заговорили о престиже русской армии, о вековых порядках. Суворов поспорил и сдался.

Стали искать карету и вспомнили про князя Пирятина.

«Вот повезло! – обрадовался князь. – Вот уж наговорюсь, вот уж натешусь».

Целую ночь генерал не спал, вспоминал разные истории, все готовился к встрече с Суворовым.

А сам Суворов страшно не любил болтунов. Слышал он про Пирятина, понял, что заговорит его генерал по дороге.

Тогда Суворов по поводу кареты и ее хозяина отдал такой приказ:

«У генерала князя Пирятина-Тамбовского позлащенную

карету его взять. Хозяину сидеть насупротив, смотреть вправо и молчать, ибо Суворов будет в размышлении».

Прочитал Пирятин приказ, и сразу настроение у князя испортилось. Однако приказ есть приказ, надобно повиноваться.

Сидит Пирятин в карете, держит голову, согласно приказу, повернутой вправо, молчит. Молчит, а самого так и распирает. Уж больно хочется ему заговорить с Суворовым. Посидел генерал молча минут десять и все же не вытерпел:

– Александр Васильевич, вот я вам одну историю расскажу…

Однако Суворов гневно глянул на генерала, и тот приумолк. Просидел Пирятин еще минут десять спокойно и чувствует, что больше не может. Не в силах болтун сдержаться.

– Александр Васильевич, вот я вам… Несколько раз Пирятин пытался заговорить с Суворовым. Кончилось тем, что испортил он Суворову торжественный въезд в город и вконец разозлил фельдмаршала.

«Вот уж болтун! Ну и болтун! – ужаснулся Суворов. – Упаси, Господи, русскую армию от таких генералов».

В тот же вечер Суворов отдал приказ отчислить князя Пирятина вместе с его каретой из армии.

– И чего это он? – удивлялся Пирятин-Тамбовский. – Карету для него не пожалел. Самые лучшие истории рассказать собирался. Не оценил. Не понял добра фельдмаршал.

«Как дела у вас в Париже?»

Поручик Козодубов во всем подражал французам. Манеры французские. Говорил по-французски. Книги читал французские. Особенно поручик любил болтать о Париже: и во что там народ одевается, и что ест, и что пьет, и как время проводит. И все-то ему у французов нравится. И все-то ему у русских нехорошо. И хотя сам Козодубов во Франции и Париже ни разу не был, да получалось из его слов, что чуть ли он не рожден в Париже, что вовсе и не русский он, а француз.

Прожужжал поручик своим товарищам о французах и о Париже все уши.

Вот как-то встретил Суворов Козодубова, взглянул, спрашивает:

– Как дела у вас в Париже? Что матушка и батюшка пишут?

– Так матушка у меня в Питере и батюшка в Питере, – ответил удивленный поручик.

– Ах, прости, прости! – извинился Суворов. – Я-то думал, ты из французских.

Ничего не понял поручик. По-прежнему нахваливает все

французское, а русских ругает.

Прошло несколько дней. Встретил снова Суворов поручика, опять с вопросом:

– Как дела у вас в Париже? Что матушка и батюшка пишут?

– Так, ваше сиятельство, я уже говорил, матушка у меня в Питере и батюшка в Питере. А рожден я во Пскове.

– Ах, прости, прости старика, запамятовал.

Не может понять поручик, в чем дело. Стал он жаловаться товарищам на Суворова: мол, стар фельдмаршал, мол, память уже никуда и речи порой непонятные, странные.

Видит Суворов, что поручик и теперь ничего не понял.

Происходило это как раз во время войны с французами. Наступил перерыв в боях. Предложили французы обменяться пленными офицерами. Суворов согласился. Составили штабные офицеры списки.

Посмотрел Суворов.

– Тут не все, – говорит.

– Все, ваше сиятельство, – докладывают офицеры.

– Нет, не все, – повторяет фельдмаршал. – Тут еще один французишка не указан…

Рассмеялись офицеры. Поняли шутку фельдмаршала. Рассказали поручику. Бросился тот со всех ног к Суворову.

– Ваше сиятельство! – кричит. – Ваше сиятельство, ошибка! Русский я! Я же вам говорил.

– Нет ошибки, – отвечает фельдмаршал. – Не русский ты.

– Русский, – утверждает поручик. – Русский. И матушка у меня русская и батюшка русский. И фамилия у меня Козодубов. И во Пскове рожден.

– Мало что во Пскове рожден. Мало что матушка да батюшка русские, – говорит Суворов. – Да ты-то не русский. Душа у тебя не русская.

Дошло наконец до неумной головы, в чем дело. Упал он на колени, просит простить. Подумал Суворов, сказал:

– Ладно, так уж и быть – оставайся. Только ступай с моих глаз долой. Иди думай. Гордись, дурак, что ты россиянин!

Всюду известны

Всю свою солдатскую жизнь Прошка провел в денщиках у Суворова. Любил похвастать Прошка близостью к великому полководцу. Начинал так: «Когда мы с фельдмаршалом бивали турок…» Или: «Когда мы бивали прусских…»

– Ну, а ты здесь при чем? – смеялись солдаты.

– Как – при чем! – обижался Прошка. – Как же без меня? Да

если бы не я…

И Прошка не врал. Составляя планы сражений, Суворов любил «посоветоваться» со своим денщиком.

– А как ты думаешь, Прошка, – спрашивал Суворов, – не заслать ли нам драгун[4] в тыл к неприятелю?

– Заслать, заслать, непременно заслать, – соглашался Прошка.

– А как ты думаешь, не направить ли нам генералу такому-то сикурс?[5]

– А как же – направить, непременно направить, – одобрял Прошка.

Не раз Прошка спасал Суворова от верной гибели. Неосторожен, отчаян фельдмаршал. За ним нужен глаз да глаз. Неотступен Прошка – словно тень за Суворовым. Поскользнулся фельдмаршал на пароме, ударился головой о бревно, камнем пошел ко дну – Прошка не мешкая бросился в воду. Убило под Суворовым в разгар боя лошадь, и снова Прошка тут как тут – подводит нового рысака.

А сколько раз выхаживал Прошка Суворова после ранений! Однажды ранение было особенно тяжелым. Пуля прошла сквозь шею фельдмаршала и остановилась в затылке. Пулю вырезали. Однако рана воспалилась.

Суворов с трудом дышал и часто терял сознание. Больному требовался полный покой, Суворов же метался, порывался все время встать.

Ни доктора, ни генералы не могли успокоить Суворова.

И снова нашелся Прошка.

– Не велено, не велено! – покрикивал он на больного.

– Кем не велено?! – возмущался Суворов.

– Фельдмаршалом Суворовым, – отвечал Прошка.

– О, фельдмаршала надобно слушаться. Помилуй Бог, надобно слушаться, – говорил Суворов и утихал.

Во время войны с французами сардинский король неожиданно прислал Прошке медаль. При этом было указано, что Прошка награждается «за сбережение здоровья великого полководца».

Медалью Прошка страшно гордился и когда с кем-нибудь заводил разговор, обязательно упоминал: «Даже заграницкими моя особа отмечена. Мы с фельдмаршалом Александром Васильевичем всюду известны».

Слава

Генерал князь Барохвостов завидовал суворовской славе. Вот

однажды он и спрашивает у одного из солдат:

– Скажи мне, братец, почему Суворова в армии любят?

– Это потому, ваше сиятельство, – отвечает солдат, – что Суворов солдатскую пищу ест.

Стал Барохвостов есть так же, как и Суворов, щи и солдатскую кашу. Кривится, но ест. Хочется, видать, генералу суворовской славы.

Прошло несколько дней, но славы у Барохвостова не прибавилось. Он опять спрашивает у солдата:

– Что же это слава у меня не растет?

– Это потому, ваше сиятельство, – отвечает солдат, – что Суворов не только ест щи и кашу, но и спит по-солдатски.

Стал и Барохвостов спать по-солдатски – на жестком сене в простой палатке. Натирает генерал изнеженные бока, мерзнет от холода, но терпит. Уж больно ему хочется суворовской славы.

Прошло еще несколько дней, а генеральская слава все не растет. И снова он вызвал солдата:

– Говори, какой еще секрет у Суворова?

– А тот, – отвечает солдат, – что фельдмаршал войска уважает.

Принялся и князь Барохвостов уважать своих подчиненных, ласковые слова говорить солдатам.

Но и теперь генеральской славы не прибавляется. Смотрят на него солдаты, промеж себя усмехаются. Всего-то и только.

Стал злиться тогда генерал. Снова кликнул солдата-советчика.

– Как же так, – возмущается князь Барохвостов. – Щи и кашу ем, сплю на соломе, ласковые слова говорю солдатам – почему же слава ко мне не идет?!

– Это потому, ваше сиятельство, – отвечает солдат, – что и это еще не все.

– Что же еще? Какие еще такие секреты у Суворова!

– А те, – отвечает солдат, – что Суворов умеет бить неприятеля по-суворовски. Славу великую родине добыть умеет.

Тогда и Барохвостов решил бить неприятеля и добывать родине великую славу. Только как-то с этим у Барохвостова не получалось. Поэтому и не пришла к нему слава, поэтому и помер он в неизвестности.

А слава о Суворове осталась в веках. И каждый Суворова знает.

Глава вторая
Привыкай к деятельности неутомимой

Прошка

Когда Прошка попал в денщики к Суворову, солдат немало обрадовался. «Повезло! – подумал. – Не надо будет рано вставать. Никаких ротных занятий, никакого режима. Благодать!»

Однако в первый же день Прошку постигло великое разочарование. В четыре часа утра кто-то затряс солдата за ногу.

Приоткрыл Прошка глаза, смотрит – Суворов.

– Вставай, добрый молодец, – говорит Суворов. – Долгий сон не товарищ богатырю русскому.

Оказывается, Суворов раньше всех подымался в армии.

Поднялся Прошка, а тут еще одна неприятность. Приказал фельдмаршал притащить ведро холодной воды и стал обливаться.

Натирает Суворов себе и шею, и грудь, и спину, и руки. Смотрит Прошка, выпучил глаза, – вот так чудо!

– Ну, а ты что? – закричал Суворов. И приказал Прошке тоже облиться.

Ежится солдат с непривычки, вскрикивает от холода. А Суворов смеется.

– В здоровом теле дух, – говорит, – здоровый. – И снова смеется.

После обливания вывел Суворов Прошку на луг. Побежал фельдмаршал.

– Догоняй! – закричал солдату.

Полчаса вслед за Суворовым Прошка бегал. Солдат запыхался, в боку закололо. Зато Суворов хоть и стар, а словно с места не двигался. Стоит и снова смеется.

И началась у Прошки не жизнь, а страдание. То устроит Суворов осмотр оборонительным постам – и Прошка целые сутки в седле трясется, то учинит проверку ночным караулам – и Прошке снова не спать. А тут ко всему принялся Суворов изучать турецкий язык и Прошку заставил.

– Да зачем мне басурманская речь? – запротивился было солдат.

– Как – зачем! – обозлился Суворов. – Турки войну готовят. С турками воевать.

Пришлось Прошке смириться. Засел он за турецкий букварь, потел, бедняга, до пятого пота.

Мечтал Прошка о тихом месте – не получилось. Хотел было

назад попроситься в роту. Потом привык, привязался к фельдмаршалу и до конца своих дней честью и верой служил Суворову.

«Пахучка»

Из Петербурга на службу к Суворову прибыл молодой офицер. Князь Мещерский. Одет офицер по последней моде: щегольский мундир, башмаки лаковые, шелковые чулки до самых колен. Напомажен, напудрен.

Явился поручик к фельдмаршалу на доклад, словно не в штабную избу, а на званый обед во дворец пожаловал. Втянул в себя Суворов непривычный запах.

– Помилуй Бог! – воскликнул. – Пахучка!

– Что? – не понял Мещерский.

– Духи, говорю, – произнес Суворов, – пахучие.

– Французские, – похвастал поручик.

Смотрит Суворов на приехавшего и опять «восхищается»:

– А наряд-то, наряд-то какой! Чудо-наряд! И, должно быть, немало плачено.

– Полтысячи золотых, – с гордостью ответил Мещерский.

– Помилуй Бог! Помилуй Бог! – воскликнул Суворов. – А не прокатиться ли нам, милый, верхом? – вдруг предложил поручику.

Обрадовался молодой офицер. Сели они верхом на казацких коней. Тронулись. Сидит Мещерский на коне – собой любуется: вот он, мол, какой – и молодой, и красивый, и рядом с Суворовым едет.

Целый день таскал Суворов за собой новичка по разным местам. Выбирал дорогу неезженую. Гнал лошадей через грязь и болота, через овраги и перелески. Дважды пускал вброд через реки.

Едет Суворов и все приговаривает:

– Подумать только, полтысячи золотых!

Только Мещерский уже понял, в чем дело. Больше не хвастает. С грустью смотрит он на щегольский наряд, понимает – ни за что ни про что пропадает наряд.

Обтрепал за долгую дорогу офицер дорогой мундир, изодрал шелковые чулки, испортил лаковые башмаки, о жесткое казачье седло до крови натер себе ноги.

Вернулся щеголь в штаб-квартиру суворовских войск, слез с коня – едва на ногах держится. Едва держится, но виду не подает. Терпит.

«Терпит. Всю дорогу молчал. Толк будет», – подумал Суворов.

И не ошибся. Вскоре с поручика сошел питерский лоск. Стал «пахучка» исправным офицером и отличился во многих походах.

Настоящий солдат

Подошел как-то Суворов к солдату и сразу в упор:

– Сколько от Земли до Месяца?[6]

– Два суворовских перехода! – гаркнул солдат.

Фельдмаршал аж крякнул от неожиданности. Вот так ответ! Вот так солдат! Любил Суворов, когда солдаты отвечали находчиво, без запинки. Приметил он молодца. Понравился фельдмаршалу солдатский ответ, однако и за себя стало обидно. «Ну, – думает, – не может быть, чтобы я, Суворов, и вдруг не поставил солдата в тупик».

Встретил он через несколько дней находчивого солдата и снова в упор:

– Сколько звезд на небе?

– Сейчас, ваше сиятельство, – ответил солдат, – сочту. – И уставился в небо.

Ждал, ждал Суворов, продрог на ветру, а солдат не торопясь звезды считает.

Сплюнул Суворов с досады. Ушел. «Вот так солдат! – снова подумал. – Ну, уж на третий раз, – решил фельдмаршал, – я своего добьюсь: поставлю в тупик солдата».

Встретил солдата он в третий раз и снова с вопросом:

– Ну-ка, молодец, а скажи-ка мне, как звали мою прародительницу?

Доволен Суворов вопросом: откуда же знать простому солдату, как звали фельдмаршальскую бабку. Потер Суворов от удовольствия руки и только хотел сказать: «Ну, братец, попался!» – как вдруг солдат вытянулся во фрунт[7] и гаркнул:

– Виктория, ваше сиятельство!

– Вот и не Виктория! – обрадовался Суворов.

– Виктория, Виктория, – повторил солдат. – Как же так может быть, чтобы у нашего фельдмаршала и вдруг прародительница была не Виктория!

Опешил Суворов. Ну и ответ! Ну и хитрый солдат попался!

– Ну, раз ты такой хитрый, – произнес Суворов, – скажи мне, какая разница между твоим ротным командиром и мной?

– А та, – не раздумывая ответил солдат, – что ротный командир хотя бы и желал произвести меня в сержанты, да не может, а вашему сиятельству стоит только захотеть, и я…

Что было делать Суворову? Пришлось ему произвести солдата в сержанты.

Возвращался Суворов в свою палатку и восхищался:

– Помилуй Бог, как провел! Вот это да! Вот это солдат! Помилуй Бог, настоящий солдат! Российский!

Сапоги

В чине генерал-аншефа Суворов был направлен не финляндскую границу. Поручили Суворову следить за переустройством и вооружением тамошних крепостей.

Граница была большой. Крепостей много. Одному трудно.

На самом отдаленном участке Суворов передоверил наблюдение за работами какому-то полковнику. Тот, присмотрев день-второй, перепоручил это своему помощнику – майору. А майор, в свою очередь, – молодому поручику.

Через какое-то время Суворов вспомнил про отдаленную крепость. Приехал. Посмотрел – работы стоят на месте.

Разозлился Суворов, вызвал полковника.

– Что же это! – закричал. – Почему работы не движутся?

Испугался полковник ответственности и свалил все на майора: мол, майор во всем виноват.

Суворов вызвал майора:

– Поручал вам полковник?

– Поручал. Так я же отдал приказ поручику.

Вызвал Суворов поручика:

– Получали приказ?

– Так точно, – ответил поручик. – Получал. Да не думал, что к спеху.

– Да, – произнес Суворов, – вижу, виновных нет. – И приказал принести прут.

Испугались виновные офицеры – ну как ударит!

А Суворов схватил прут и давай хлестать свои сапоги. Хлещет и приговаривает:

– Не ленитесь. Не ленитесь. Это вы во всем виноваты. Если бы вы сами ходили по всем работам, этого бы не случилось.

Потом отбросил прут в сторону, сел на коня и уехал.

Перекрестились офицеры – беда миновала. Собрали солдат. Засучили рукава. Топоры в руки. За дело.

Помогли сапоги. Раньше других была отстроена отдаленная крепость.

Монастырские стены

Однажды сержанты и суворовские офицеры проводили с солдатами учения около монастыря. Глянули офицеры на

высокие монастырские стены.

– На штурм! – раздалась команда.

Солдаты опешили.

– На штурм!

Солдаты закричали «ура» и ловко полезли на стены.

Перепугались монахи. Не поняли, в чем дело. Забились в темные кельи. Сидят. Дрожат.

Кончили офицеры учения, похвалили солдат за проворство, построили, повели в казармы.

На следующий день вновь повторились учения. И превратился монастырь в учебную крепость. С утра до вечера штурмуют его солдаты. Прошло несколько дней. Монахи попривыкли к учениям, перестали бояться. Жизнь в монастыре скучная-прескучная. Даже интересно стало монахам. Стоят смотрят. Ругается настоятель, разгоняет «святых отцов» по кельям. Только возвращаться в кельи им не хочется. Видать, понравилась солдатская удаль: самые молодые монахи и сами стали лазить на монастырские стены. И получился не монастырь, а черт знает что.

Разгневался настоятель, явился с жалобой на солдат к Суворову.

– Ай, ай! – воскликнул Суворов. – Вот негодники! Вот я им задам, вот покажу!

Вернулся настоятель к себе в монастырь. «Ну, – думает, – все, дело уладил». А утром глянул – и не поверил своим глазам: со всех сторон подходят к монастырю войска. Идут солдаты стройными колоннами с барабанным боем, с песнями, тащат штурмовые лестницы, разворачивают пушки. Перед войсками верхом на коне Суворов. Не знал настоятель, что это по приказу Суворова штурмовали солдаты монастырские стены. Выхватил Суворов шпагу, вскинул над головой, указал на стены:

– Чудо-богатыри, ура! Вперед! Во славу отечества!

Понял настоятель, что напрасно ходил к Суворову. Написал в Питер. Только пока жалоба ходила по разным рукам, Суворов со своими войсками ушел на войну.

Крепко бил Суворов противника. Ловко солдаты брали стены вражеских крепостей. Спасибо за учения, спасибо за монастырские стены.

По-суворовски

В поле недалеко от казарм капрал Казанского пехотного полка вел занятия со своими солдатами по-суворовски.

– Чем важны учения? – обратился капрал к солдатам.

– Ученье свет, а неученье тьма! – хором отвечали солдаты.

– Так. Правильно. А чем ценен солдат ученый?

– За ученого трех неученых дают.

– Правильно. А что важнейшее в войске?

– Солдат российский.

– Так, – произнес капрал, – верно. – И перешел к занятиям по рукопашному бою.

Сам показал. Потом повторяли солдаты.

– Коли! Правильно. Коли! – выкрикивал капрал. – Пуля – дура, штык – молодец! – выкрикивал по-суворовски он при этом.

Начался дождь, однако капрал солдат не распустил.

– За мной! – закричал. – Вперед! – И побежал через поле, через овраг к речке. – Живей, живей! – подгоняет солдат и опять по-суворовски: – Голова хвоста не ждет. Храбрый впереди, трусишку и назади убивают!

Подбежали к реке. Капрал бух в воду – и на тот берег. И солдаты за ним. Вылезли, смотрят – один поотстал. Бьется на быстрине, тонет.

– Назад! – закричал капрал. – Сам погибай, а товарища выручай! В воду!

Вытащили неумельца солдаты. Стоят, переводят дух.

– Устали? – усмехнулся капрал.

– Устали, – сознались солдаты, но тут же гаркнули по-суворовски: – Трудно в ученье, легко в бою!

– Молодцы! Правильно! – похвалил их довольный капрал.

Слухи о занятиях в Казанском полку дошли до Суворова. Порадовался фельдмаршал, что солдаты суворовскую науку осваивают. Решил он узнать фамилию лихого капрала. Написал письмо командиру полка. Вскоре пришел ответ:

«Фамилию, ваше сиятельство, указать не могу. У нас что ни капрал – каждый ведет занятия по-суворовски».

Госпиталь

– Не люблю госпиталей, – говорил Суворов. – Тот их любит, кто не радеет за здоровье солдата.

Принял Суворов командование над войсками, стоявшими на северной русской границе, и узнал, что в тамошних госпиталях находится сразу тысяча человек хворых.

Явился Суворов в госпиталь, стал ходить по палатам.

Зашел в первую, спрашивает у солдат:

– Чем больны, чудо-богатыри?

Молчат солдаты. Сказать неудобно.

– Чем больны? – повторил Суворов.

– Животами мучаемся, – наконец произнес какой-то солдатик.

– Позвать сюда провиантмейстера, – приказал Суворов.

Провиантмейстер прибыл.

– Чем солдат кормишь? – спрашивает фельдмаршал.

– Так, разным… – начинает провиантмейстер.

– Чем – разным?

– Кашей, ваше сиятельство, мясом.

– А еще?

– Капустой.

– Так, – произнес Суворов и приказал принести капусту.

Принесли, попробовал, а та тухлая.

Посмотрел Суворов на провиантмейстера злыми глазами, закричал:

– Под арест! На гауптвахту! На десять суток!

Вошел Суворов во вторую палату.

– Чем больны, чудо-богатыри?

Растерялись, молчат солдаты.

– Они поотмороженные, – проговорил санитар.

– Позвать сюда каптенармуса[8], – распорядился Суворов.

Каптенармус прибыл.

– Во что солдат одеваешь?

– Как положено, ваше сиятельство, – отвечает каптенармус. – В мундиры, в башмаки, в чулки.

– В чулки! – закричал Суворов. – Север. Морозы. Почему валяных сапог не завезли? Где рукавицы?

Почувствовал каптенармус свою вину. Молчит, переминается с ноги на ногу.

– Под арест, на гауптвахту, на десять суток! – отдал приказ Суворов.

Пошел Суворов дальше. Входит в третью палату.

– Чем больны, чудо-богатыри?

– Это раненые, – отвечает за солдат санитар.

– Какие еще раненые? – удивился Суворов.

Войны в это время никакой не было.

– Это из батареи поручика Кутайсова, – объяснил санитар. – На учениях пушку разорвало, ваше сиятельство.

Кликнул Суворов поручика, отругал, что за снарядами и пушкой плохо следит, и тоже под арест, на гауптвахту, на десять суток.

Прошло около месяца. Появились у солдат и валенки и рукавицы. И в помине не осталось тухлой капусты. Кутайсов и другие офицеры стали собственноручно проверять снаряды и пушки.

Прошелся Суворов вновь по госпиталям. Ходит по палатам, а палаты пустые. Вместо прежней тысячи человек с трудом сорок больных насчиталось.

Ходит Суворов – доволен. Не любил фельдмаршал госпиталей.

На Сестрорецком заводе

Императрица Екатерина Вторая поручила Суворову обследовать Сестрорецкий оружейный завод.

Стали на заводе готовить Суворову торжественную встречу. Начальник завода выехал на Петербургский тракт, чтобы заранее встретить фельдмаршала.

А Суворов в это время в простой солдатской куртке на таратайке кружным путем по битой проселочной дороге приехал на завод и прямо в оружейные мастерские.

Ходит Суворов по мастерским, смотрит по сторонам.

Осмотрел карабины – хороши карабины. Осмотрел штыки – хороши, остры штыки.

Поглядывает на Суворова мастер Иван Хомяков.

«И чего это, – думает, – солдат здесь крутится?»

– Эй, служивый, чего ты здесь?

– Да так себе. Так себе. Ничего, – ответил Суворов. – Кто мастер?

– Ну, я мастер.

– Как звать?

– Иван Хомяков.

«И чего еще привязался!» – думает мастер.

– Ступай, – говорит, – служивый, своей дорогой. Тут фельдмаршала ждут. Увидят тебя – попадет.

Суворов ушел.

Не встретил начальник завода высокого гостя, вернулся назад. Хомяков ему и рассказал о неизвестном солдате.

– Какой солдат?

– Да такой старенький.

– Старенький?! А росту какого?

– Небольшого, выходит, росту. Поменьше, чем среднего.

– Худощав?

– Худощав.

– Сед?

– Сед.

– Волосы хохолком впереди?

– Хохолком.

– Глаза голубые?

– Голубые.

– Так это ж Суворов! – закричал начальник.

Иван Хомяков так и присел. Бросились искать «солдата», а его и след простыл: ни таратайки, ни лошадей.

Перепугался начальник завода. Хомякова ругает, стражу поносит. Да и мастер струхнул – выходит, сам же Суворова с завода выпроводил. Волнуются они, ждут наказаний.

Через неделю из Питера прибыл пакет. Пакет от самой государыни. Держит его начальник в руках, вскрыть не решается – отставка, думает. Вскрыл. Развернул бумагу, одним глазом искоса смотрит, руки дрожат, сердце стучит. Читает. Читает и не верит своим глазам: в бумаге добрые слова про сестрорецкие штыки и карабины, монаршее благословение начальнику и приказ о выдаче Ивану Хомякову и другим мастерам по сто рублей серебром за искусство в работе.

Ртищев-Умищев

Многие проступки мог простить Суворов своим солдатам и

офицерам, а вот ответа «не могу знать» не прощал.

«Не терплю «немогузнаек», – говорил Суворов. – От них лишь позор армии».

И вот как-то Суворов приехал в свой любимый Фанагорийский полк, решил устроить офицерам экзамены.

Расселись офицеры рядком на лавках. Напротив – командир полка и Суворов.

– Что такое атака? – обратился фельдмаршал к майору Козлятину.

– Атака есть решительное движение войск вперед, имеющее целью уничтожить противника, – отчеканил Козлятин.

– Дельно, дельно, – похвалил Суворов. – Правильно. А что такое супренировать? – спросил у капитана Проказина.

– Супренировать, ваше сиятельство, – ответил Проказин, – это значит напасть неожиданно, застать неприятеля врасплох, разбить, не давая ему опомниться.

– Дельно. Дельно, – снова похвалил Суворов.

Доволен фельдмаршал – знающие офицеры. И командир полка доволен. Сидит улыбается, а сам Суворову все время на молодого поручика Ртищева показывает.

– Это, – говорит, – самый знающий в полку офицер. Умница!

Дошла очередь и до Ртищева.

– А ну-ка, скажи мне, Ртищев, – произнес Суворов, – что такое есть ретирада?[9]

Замялся поручик и вдруг…

– Не могу знать! – выпалил.

Все так и ахнули. Ну, все дело испортил. Офицеров подвел. Командира полка опозорил.

Рассвирепел Суворов, вскочил с лавки.

– Немогузнайку подсунули! – закричал, затопал ногами.

Повернулся, выбежал из избы прочь, сел на коня и хотел уехать. Да вдруг призадумался. Слез с коня, снова вернулся в избу, снова к поручику:

– Так что же такое есть ретирада?

– Не могу знать, ваше сиятельство. В нашем полку такое слово никому не известно. Полк наш суворовский, полк наступающий!

Глянул Суворов на Ртищева и вдруг закричал:

– Ай да полк! Ай да полк! Славный полк – Фанагорийский. Значит, никто не знает?!

– Так точно, ваше сиятельство.

– Вот уж не думал, что проклятый немогузнайка доставит мне столько радости! – прослезился Суворов. – Вот так Ртищев! Ай да Умищев!

Враг

Секунд-майор граф Калачинский нажил себе в армии немало врагов. Невыдержанным был секунд-майор на язык. Чуть что – обязательно кого-нибудь обидит, ввяжется в спор, накричит или скажет дурное слово. Вот и невзлюбили его товарищи. Вот и появились у майора враги.

Как-то пришел Калачинский к Суворову, пожаловался на своих товарищей.

– Помилуй Бог! – проговорил Суворов. – Ай-ай, как нехорошо! Враги, говоришь? Ай-ай. Ну, мы до них доберемся.

Прошло несколько дней. Вызвал к себе Суворов секунд-майора.

– Узнал, – говорит, – я имя того главнейшего злодея, который вам много вредит.

– Капитан Пикин? – выпалил Калачинский.

– Нет.

– Полковник Лепешкин?

– Нет.

– Поручик Вяземский?

– Нет.

Стоит Калачинский, думает, кто бы это мог быть еще.

– Знаю! – закричал. – Знаю! Генерал-квартирмейстер князь Оболенский!

– Нет, – опять произнес Суворов, посмотрел на Калачинского загадочным взглядом, поманил к себе пальцем.

Подошел секунд-майор, наклонился к Суворову. А тот таинственно, шепотом:

– Высунь язык.

Калачинский высунул.

– Вот твой главнейший враг, – произнес Суворов.

Сторонись!

Суворов любил лихую езду. То ли верхом, то ли в возке, но непременно так, чтобы дух захватило, чтобы ветер хлестал в лицо.

Дело было на севере. Как-то Суворов уселся в санки и вместе с Прошкой отправился в объезд крепостей. А в это время из Петербурга примчался курьер, важные бумаги привез Суворову. Осадил офицер разгоряченных коней у штабной избы, закричал:

– К фельдмаршалу срочно, к Суворову!

– Уехал Суворов, – объяснили курьеру.

– Куда?

– В крепость Озерную.

Примчался офицер в Озерную:

– Здесь Суворов?

– Уехал.

– Куда?

– В крепость Ликолу.

Примчался в Ликолу:

– Здесь Суворов?

– Уехал.

– Куда?

– В Кюмень-град.

Прискакал в Кюмень-град:

– Здесь Суворов?

– Уехал…

Уехать Суворов уехал, да застрял в пути. Один из коней захромал. Пришлось повернуть назад. Двигались шагом, едва тащились. Прошка сидел на козлах, дремал. Суворов нервничал, то и дело толкал денщика в спину, требовал погонять лошадей.

– Нельзя, нельзя, ваше сиятельство, конь в неисправности, – каждый раз отвечал Прошка.

Притихнет Суворов, переждет и снова за Прошкину спину. Не сиделось фельдмаршалу, не хватало терпения тащиться обозной клячей.

Проехали версты две, смотрит Суворов – тройка навстречу. Кони птицей летят по полю. Снег из-под копыт ядрами. Пар из лошадиных ноздрей трубой.

Суворов аж привстал от восторга. Смотрит – вместо кучера на козлах молодой офицер, вожжи в руках, нагайка за поясом, папаха на ухе, кудри от ветра вразлет.

– Удалец! Ой, удалец! – не сдержал похвалы Суворов.

– Фельдъегерь, ваше сиятельство, – произнес Прошка. – Видать, нездешний, из Питера.

Смотрит Суворов, любуется. Дорога зимняя узкая, в один накат. Разъехаться трудно. А кони все ближе и ближе. Вот уже рядом. Вот уже и храп, и саночный скрип у самого уха.

– Сторонись! – закричал офицер.

Прошка замешкал: не привык уступать дорогу.

– Сторонись! – повторил офицер, и в ту же минуту санки о санки – бух!

Вывалились Суворов и Прошка в снег, завязли по самый пояс.

Пронесся кучер, присвистнул, помчался дальше.

Поднялся Прошка, смотрит обозленно фельдъегерю вслед, отряхивает снег, по-дурному ругается.

– Тише! – прикрикнул Суворов и снова любуется: – Удалец!

Помилуй Бог, какой удалец!

Три дня носился офицер по северной русской границе. Наконец разыскал Суворова.

– Бумаги из Питера, ваше сиятельство.

Принял Суворов бумаги, взглянул на фельдъегеря и вдруг снял со своей руки перстень и протянул офицеру.

– За что, ваше сиятельство?! – поразился курьер.

– За удаль!

Стоит офицер, ничего понять не может, а Суворов опять:

– Бери, бери. Получай! За удаль. За русскую душу. За молодечество!

Барин

Суворов жил во времена крепостного права. Он и сам был крупным помещиком. Под Москвой, под Владимиром, Костромой, Пензой и Новгородом находились земли и имения графа Суворова. Несколько тысяч душ крепостных крестьян принадлежало фельдмаршалу.

В новгородском имении графа Александра Васильевича Суворова крестьяне с нетерпением ждали приезда барина.

Изнемогли мужики. Замучил их своими придирками графский управляющий Балк. Вот и решили мужики дождаться приезда Суворова, прийти к нему и все рассказать. Прибыл Суворов. Явились крестьяне.

– Как звать? – обратился фельдмаршал к первому.

– Денис Никитин.

– Про что жалоба?

– Сечен, батюшка.

– За что сечен?

Принялся Никитин объяснять, что зимой, проходя по барскому полю, нашел он подгнивший сноп хлеба. Подобрал его Никитин, поволок домой. Однако дорогой был встречен Балком, схвачен управляющим и выпорот.

– Правильно выпорот, – сказал Суворов, – на барское рот не разевай.

– Так сноп же погнивший. Завалящий. Ему же все равно пропадать…

– Не твое дело, – прервал Суворов. – За порчу с управляющего спрос. Ступай. А что у тебя? – обратился ко второму мужику.

– Сечен, батюшка.

– За что сечен?

– Шапку не снял перед Балком, ваше сиятельство.

– Шапку снимай, – ответил Суворов. – Правильно сечен.

– Так я же не заметил. Без злого умысла, ваше сиятельство.

– Впредь замечай. Будет наука. Ну, а ты? – обратился к горбатой старухе.

– Сечена, батюшка, сечена, – зашамкала та, – недоимки у меня: три рубля двадцать копеек.

– Помилуй Бог! – воскликнул Суворов. – Три рубля двадцать копеек! Верни. Немедля верни.

– Так где же их взять?

– Корову продай.

– Так нет же коровы.

– Займи.

– Так у кого же занять?!

– Ступай, – прекратил разговор Суворов. – Верно сечена. За недоимки управляющему приказ и впредь батогами жаловать.

Больше жалобщиков не нашлось. Расходились мужики разочарованные.

– Барин, как есть барин! – говорили они.

Невесты

Приехал как-то Суворов под Владимир в свое имение Ундол, прошелся по улице, повстречал группу парней:

– Женаты?

– Нет, ваше сиятельство.

– Почему не женаты?

– Так невест на селе нет.

Вызвал Суворов управляющего, стал кричать:

– Парни как дубы выросли. Почему не женаты?

– Невест же нет на селе.

– Купить невест, – распорядился Суворов.

Любил Суворов, чтобы крестьяне вовремя заводили семью и детей, чтобы свое хозяйство вели в исправности. Хозяйство в исправности – барину лишний доход.

На следующий день, получив двести рублей, управляющий двинулся за невестами.

– На лица не смотри, – наставлял Суворов. – Лишь бы здоровы были. Не задерживайся. Купил – и в Ундол. Отправляй на подводах. Вези осторожно, сохранно.

Через несколько дней невесты прибыли.

Суворов вызвал парней:

– Становись!

Стали по росту.

Подошел к невестам, согнал с телег:

– Становись!

Невесты построились.

– На-пра-во!

Парни и девки повернулись, оказались теперь попарно.

– Шагом марш! Под венец. В церковь! – скомандовал Суворов и сам пошел первым.

Тут же молодых оженили. А так как времени было мало и невесты и женихи друг друга как следует не рассмотрели, то после обручения перепутались. Где муж, где жена, разобраться не могут.

Бобыль

В селе Моровки-Шушки, что находилось в пензенских владениях графа Суворова, жил бобыль Григорий Нектов.

Дома не имел, жены не имел, родных тоже. Побирался он по селу – чем кто накормит, а то и вообще пропадал из Шушек, а где он скитался, толком никто не знал.

А тут подошел набор крестьян в армию. Во времена Суворова солдатская служба была долгой-предолгой – двадцать пять лет. Из семьи уходил работник надолго, навечно. Вот и решили шушкинские мужики: чего же думать, пусть-ка Нектов идет в рекруты.

Суворов же страшно не любил отдавать своих крепостных в солдаты. Невыгодно. Завел он такой порядок: рекрутов покупать со стороны. Полцены вносил Суворов, вторую половину собирали сами крестьяне. Роптали мужики на денежные поборы, однако мирились. А вот на этот раз решили: зачем же им тратить лишние деньги, раз есть бобыль Гришка.

Стали мужики упрашивать старосту Ивана Агафонова, чтобы тот немедля же написал о Гришке Суворову.

Поначалу Агафонов уперся: а ну как барин начнет ругаться? Потом согласился: пользы же все равно никакой от Нектова. Принялся сочинять письмо. Писал хитро. Начал с того, что в Шушках второй год неурожай, что крестьяне пришли в скудность, денег на рекрута нет. Потом упомянул, что при покойном родителе рекрутов не покупали и что, мол, менять порядок не стоит. А уже в самом конце упомянул о Григории Нектове: мол, бобыль, делом не занят, бродяжничает, мол, его и отдать в солдаты.

Ждут в Шушках ответа от Суворова. Вот и прибыл ответ. Взял староста бумагу – в глазах потемнело.

«Рекрута немедля купить, – грозно писал Суворов. – И впредь покупать, иначе быть вам розгами битыми». Далее в письме наказывалось, чтобы Нектову всем миром «завести дом, ложку,

плошку, скотину и все прочее» и чтобы помогать Гришке до тех пор, пока хозяйство его не наладится. А в конце… «Раз Нектов до сей поры бобыль, – писал Суворов, – то главный ответчик – староста Иван Агафонов, а посему повелеваю оженить того бобыля на Агафоновой дочке Лукерье и даю на тот случай сроку 15 ден».

– Бог ты мой, – вскричал Агафонов, – бобыля Гришку – да на моей Лукерье!

Прибежали крестьяне.

– Ну что, что там, в письме, чего барин в нем пишет?

– Пошли вон! – заревел Агафонов. – Господи милый! За что покарал! За что же Лукерью… – заскулил староста. – Все из-за вас, проклятое семя! – набросился он на крестьян. – Сгною!.. Засеку!.. По миру пущу!..

Разбежались крестьяне.

Повздыхал, поохал староста Агафонов, да что же делать.

Знал он крутой нрав барина – оженил на пятнадцатый день Лукерью и Гришку, завел им дом, ложку, плошку, скотину и все прочее.

И не стало с той поры в Шушках бобыля Гришки. А в солдаты ушел рекрут, купленный за общий крестьянский счет, с приложением, как и полагалось, суворовской половины.

Штык

Как-то Суворов гостил у своего приятеля в Новгородской губернии. Вечерами друзья сидели дома, вспоминали старых товарищей, бои и походы. А днем Суворов отправлялся побродить по лесу, посмотреть на округу. Здесь в лесу, у старого дуба, он и встретил мальчика Саньку Выдрина.

– Ты, дяденька, солдат? – обратился Санька к Суворову.

– Солдат, – ответил фельдмаршал.

– Откуда идешь?

– С войны.

– Расскажи про Суворова.

Фельдмаршал сощурил глаза, хитро глянул на мальчика:

– Про какого это еще Суворова?

– Не знаешь? Ну, про того, что с турками воевал. Что Измаил брал. Про фельдмаршала.

– Нет, – говорит Суворов, – не знаю.

– Какой же ты солдат, – усмехнулся Санька, – раз не знаешь Суворова! – Схватил мальчик палку, закричал по-суворовски: – «Ура! За мной! Чудо-богатыри, вперед!»

Бегал Санька вокруг фельдмаршала, все норовит пырнуть

Суворова палкой в живот.

«Вот так мальчишка!» – подивился Суворов. А самому приятно, что и имя его и дела детям и тем известны.

Наконец Санька успокоился, сунул палку за пояс, проговорил:

– Дяденька, подари штык.

– Зачем тебе штык?

– В войну играть. Неприятеля бить.

– Помилуй Бог! – воскликнул Суворов. – Так ведь нет у меня штыка.

– Не бреши, не бреши, – говорит Санька. – Не может так, чтобы солдат – и штыка не было.

– Видит Бог, нет, – уверяет Суворов и разводит руками.

– А ты принеси, – не унимается Санька.

И до того пристал, что ничего другого Суворову не оставалось, как пообещать штык.

Прибежал на следующий день Санька в лес к старому дубу, прождал до самого вечера, да только «солдат» больше не появлялся.

«Брехливый! – ругнулся Санька. – Никудышный, видно, солдат».

А через несколько дней к Санькиной избе подскакал верховой, вызвал мальчика, передал сверток.

– От фельдмаршала Суворова, – проговорил.

Разинулся от неожиданности Санькин рот, да так и остался. Стоит мальчик, смотрит на сверток, не верит ни глазам своим, ни ушам. Да разве может такое статься, чтобы сам фельдмаршал к Саньке прислал посыльного!

Набежали к выдринской избе мужики и бабы, слетелись мальчишки, прискакал на одной ноге инвалид Качкин.

– Разворачивай! Разворачивай! – кричат мужики.

Развернул Санька дрожащими руками сверток – штык.

– Суворовский, непобедимый! – закричал Качкин.

– Господи, штык, настоящий! – перекрестились бабы.

– Покажи, покажи! – потянулись мальчишки.

К этому времени Санька пришел в себя. И рот закрылся. И руки дрожать перестали. Догадался. Рассказал он про встречу в лесу отцу, матери, и ребятам, и Качкину, и всем мужикам и бабам.

Несколько лет во всех подробностях рассказывал Санька про встречу в Суворовым.

А штык?

Больше всего на свете Санька берег суворовский штык. Спать без штыка не ложился, чехол ему сшил, чистил, носил за собой как драгоценную ношу. А когда Санька вырос и стал солдатом, он

вместе со штыком ушел на войну и по-суворовски бил неприятеля.

Шуба

Подарила императрица Екатерина Вторая Суворову шубу. Сукно заграничное. Мехом подбита. Воротник из бобровой шкуры. Хорошая шуба. Однако Суворову она ни к чему. Даже в самые лютые морозы фельдмаршал одевался легко, по-солдатски.

Спрятал бы ее Суворов на память в сундук, да только наказала царица фельдмаршалу с шубой не расставаться. Тогда Суворов пошел на хитрость.

Стал он возить за собой Прошку. Сидит Суворов в санках, рядом с фельдмаршалом – Прошка, важно держит в руках царскую шубу. Идет Суворов по улице. Следом за ним Прошка – в руках шуба.

Может быть, так до самой смерти своей и таскался бы Прошка с шубой, если бы вдруг кто-то не донес про суворовское непослушание императрице.

Разгневалась Екатерина Вторая, приказала позвать Суворова.

– Ты что же! – говорит. – Тебе что же, милость царская не по нутру?

– Помилуй Бог, – воскликнул Суворов. – По нутру, матушка. По нутру. Премного обязан.

– Ослушником стал! – укоряет царица. – Волю монаршую попираешь!

– Никак нет, – оправдывается Суворов. – Я же солдат, матушка. Мне ли, как барчуку, нежиться! А про непослушание это кто-то по злобе донес. Шуба всегда при мне. Как же. К ней Прошка специально приставлен… Прошка! Прошка! – позвал фельдмаршал.

Входит Прошка – приносит шубу. Рассмеялась царица.

– Ладно, – сказала, – Бог с тобой. Твоя шуба, твоя и воля. Не насилую. Поступай как хочешь.

Повесил Суворов шубу в дубовый шкаф. Там и висела шуба.

Про корм и хвастливых помещиков

Суворовская армия стояла на отдыхе в одной из южных губерний. Время было осеннее. С прокормом неважно. Особенно для лошадей. Суворов нещадно ругал своих интендантов, писал прошения губернским начальникам, но дело не двигалось.

А тут ко всему постоянно надоедали местные помещики. Приезжали посмотреть на Суворова, и каждый непременно

приглашал фельдмаршала в гости.

Ездить же Суворов по гостям не любил и всем отвечал:

– Не могу. Не могу. Занят!

Приезжали помещики на тройках, четверках. Кони у всех резвые, сытые. Каждый пытался похвастать, пустить пыль в глаза – вот, мол, какой он богатый. А помещик Сопелкин приехал даже на целой восьмерке лошадей, запряженных цугом. Решил всех превзойти. Подумал: такому-то Суворов уже не откажет.

Глянул фельдмаршал на сопелкинскую восьмерку, задумался и вдруг действительно согласился.

На следующий день приказал Суворов собрать со всей армии восемьдесят самых тощих лошадей и запрячь их цугом в одну коляску. Запрягли. Уселся Суворов в коляску, поехал в гости.

Растянулся фельдмаршальский поезд на по л версты. Переступили первые пары через ворота сопелкинской усадьбы, а коляски с Суворовым еще и не видно – где-то за бугром тащится. Забили армейские кони весь барский двор – повернуться негде.

Понял помещик насмешку Суворова, однако смолчал. Распорядился развести коней по конюшням, пригласил фельдмаршала в дом.

Целую неделю гостил Суворов у Сопелкина. Съели за это время армейские кони у помещика все запасы овса и сена, разжирели, поправились.

Простился Суворов. Уехал. Вернулся в армию, спрашивает:

– Как корм для лошадей? Есть ли ответ от губернских начальников?

– Плохи дела, ваше сиятельство, – отвечают Суворову. – Нет ответа от губернских начальников.

Тогда Суворов наказал собрать новых лошадей. И снова поехал в гости. На сей раз к помещику Рачкину. Потом ездил к Шляндину, потом к Утконосову.

Другие помещики заволновались. Поняли – разорит их Суворов. Уж и не рады знаменитому гостю. Уж и не приглашают Суворова. А фельдмаршал все ездит и ездит.

Кончила армия отдых, ушла в дальние походы. А в южной губернии еще долго вспоминали Суворова и потешались над хвастливыми помещиками.

«Пудра – не порох…»

После смерти Екатерины Второй русским царем стал ее сын, Павел Первый.

Император Павел принялся вводить новые порядки в армии. Не нравилось императору все русское, любил он все иностранное,

больше всего немецкое. Вот и решил Павел на прусский, то есть немецкий манер перестроить российскую армию. Солдат заставили носить длинные косы, на виски наклеивать войлочные букли, пудрить мукой волосы. Взглянешь на такого солдата – чучело, а не солдат.

Принялись солдат обучать не стрельбе из ружей и штыковому бою, а умению ходить на парадах, четко отбивать шаг, ловко поворачиваться на каблуках.

Суворов возненавидел новые порядки и часто дурно о них отзывался.

«Русские прусских всегда бивали, чему же у них учиться?» – говорил фельдмаршал.

Однажды Павел Первый пригласил Суворова на парад. Шли на параде прославленные русские полки. Глянул Суворов и не узнал своих чудо-богатырей. Нет ни удали. Нет ни геройства. Идут солдаты как заводные. Только стук-стук каблуками о мостовую. Только хлесть-хлесть косами по спине.

А император доволен. Стоит, говорит Суворову:

– Гляди, гляди, еще немного – и совсем не хуже немецких будут.

Скривился Суворов от этих слов, передернулся.

– Радость, ваше величество, невелика, – ответил. – Русские прусских всегда бивали. Чему же здесь радоваться?

Император смолчал. Только гневный взор метнул на фельдмаршала. Постоял молча, а затем снова к Суворову:

– Да ты смотри, смотри – косы какие! А букли, букли! Какие букли!

– «Букли»! – буркнул фельдмаршал.

Император не выдержал. Повернулся к Суворову, ткнул на до сих пор не смененную фельдмаршалом старую русскую форму, закричал:

– Заменить! Немедля! Повелеваю!

Тут-то Суворов и произнес свою знаменитую фразу:

– Пудра – не порох, букли – не пушки, коса – не тесак, а я не немец, ваше величество, а природный русак! – И уехал с парада.

Павел разгневался и отправил упрямого старика в ссылку в село Кончанское.

Николев

В селе Кончанском Суворов находился под надзором обедневшего помещика Николева. Досталось Суворову от Николева. Строго соблюдал Николев режимные правила: письма вскрывал фельдмаршала, доносил о тех, кто посещал опального

полководца, следил, чтобы Суворов не отлучался в соседние села.

Едва Суворов куда-нибудь собирается: «Не велено, ваше сиятельство, не велено!» – кричит Николев и задерживает лошадей.

Направится Суворов с кончанскими мальчишками в лес по грибы или ягоды, и Николев тут как тут, возьмет лукошко, идет следом: «Ну как фельдмаршал удрать собрался!»

Николев гордился своим положением.

– Служба у меня немалая, – говорил он крестьянам, – сам фельдмаршал у меня в подчинении.

– Правда. Правда твоя, – соглашались крестьяне. – Может, тебе еще и награду дадут за усердие.

При таких словах Николев широко улыбался.

– А что? – отвечал. – Может, дадут. Оно по заслугам.

И дали.

Когда Суворов был снова призван в армию, император Павел Первый стал спрашивать, есть ли какие просьбы у полководца.

– Есть, есть, ваше величество, – ответил Суворов. – Великая просьба имеется.

– Говори.

– Был у меня в Кончанском надзиратель, – произнес Суворов, – исправно, ваше величество, свое дело вел: письма читал, в Питер докладывал, никуда из Кончанского не выпускал. За подобное усердие достоин высочайшей награды.

Император не понял насмешки фельдмаршала и наградил Николева.

Глава третья
Последний поход

Альпийские горы

Высоки Альпийские горы. Здесь крутые обрывы и глубокие пропасти. Здесь неприступные скалы и шумные водопады. Здесь вершины покрыты снегом и дуют суровые леденящие ветры.

Через Альпийские горы, через пропасти и стремнины вел в последний поход своих чудо-солдат Суворов.

Трудно солдатам в походе. Вьюга. Снегопад. Непогода. Путь дальний, неведанный. Горы. Холодно, голодно солдатам в пути. Идут, скользят, срываются в пропасти. Тащат тяжелые пушки, несут пообмороженных и хворых своих товарищей.

А кругом неприятель. Пройдут солдаты версту – бой. Пройдут еще несколько – бой.

Пробивается русская армия сквозь горы и неприятеля. Совершает Альпийский поход.

Трудно солдатам в походе. В середине пути один из полков не выдержал.

– Куда нас завели? – зароптали солдаты. – Не пойдем дальше!

– Суворов из ума выжил!

– Назад! Поворачивай! Назад!

К полку подъехал Суворов.

– Хорошо, – произнес фельдмаршал. – Ступайте. Не нужны мне такие солдаты. Не русские вы. Ступайте.

– Как так – не русские! – возмутились солдаты.

– Русский все одолеет. Русскому все нипочем! – ответил Суворов. – Прощайте. – Повернул коня и молча поехал в горы.

Солдаты опешили. Не ожидали такого.

– Братцы! – выкрикнул кто-то. – Да что же это, а? Братцы! Мы ли не русские?!

– Русские! Русские! – понеслись голоса.

Зашумели солдаты, задвигались, подхватили ружья, подняли носилки с ранеными и нестройно, торопясь и толкаясь, бросились вслед за фельдмаршалом.

Высоки Альпийские горы. Здесь крутые обрывы и глубокие пропасти. Здесь неприступные скалы и шумные водопады. Здесь вершины покрыты снегом и дуют суровые леденящие ветры.

Через Альпийские горы, через пропасти и стремнины вел своих чудо-солдат фельдмаршал Суворов.

Идут солдаты, ведут разговор

Идут солдаты, ведут разговор.

– Оно бы ничего, – рассуждают солдаты. – Горы не страшны. Французы страшны. Если и будет наша погибель, так только от неприятеля.

И вдруг…

– К бою! К бою! – прошла команда.

Рассыпались солдаты по горной дороге, кто за утес, кто за скалы. Залегли. Ждут неприятеля. Вот и французы. Тра-та-та! Тра-та-та! – несется со всех сторон.

– Братцы, не робей! Ура! Держись, братцы!

Удержались солдаты. Отступили французы.

Идут солдаты, ведут разговор.

– Оно бы ничего, – рассуждают солдаты. – Французы не страшны. Горы страшны. Если и будет наша погибель, так только от гор, непогоды.

И вдруг…

Заиграла, засвистела, забушевала метель. Рванул леденящий ветер. Обрушилась с гор лавина.

– Берегись! Сторонись! – несется команда.

Рассыпались солдаты по горной дороге, кто за утес, кто за скалу. Залегли. Ждут. Пронеслись камни. Отгремела лавина. Прояснилось небо. Притихла метель.

Идут солдаты, ведут разговор.

– Оно бы ничего, – рассуждают солдаты. – Французы не страшны. Горы не страшны. Если и будет наша погибель, так только от мора, от голода.

И вот кончилась еда. Нет провианта.

Помрачнели солдаты. Насупились. Идут, опустились солдатские головы.

И вдруг…

Наше времечко военно, —

затянул чей-то голос, —

От покоя удаленно,
Ой лю-ли, ой лю-ли,
От покоя удаленно.

Приободрились солдаты. Затянули ремни потуже. Повеселели. Идут. Подняли солдатские головы.

Сидит Суворов верхом на коне, смотрит, любуется.

– Братцы! – кричит Суворов. – Не страшны нам горы Альпийские. Не страшны нам французишки близкие. Что нам голод, мор, непогода – раз в российских войсках дух солдатский не переводится.

– Ура! – гремит в ответ на слова фельдмаршала.

И снова разносится песня:

С предводителем таким
Все на свете победим,
Ой лю-ли, ой лю-ли,
Все на свете победим!

Движется. Движется. Движется. По горным вершинам, по темным ущельям, в облаках, в туман, в непогоду, от обрыва к обрыву, со скалы на скалу. Движется. Движется. Движется. Не остановишь российскую армию. Пробиваются солдаты сквозь горы и неприятеля. Совершают Альпийский поход.

Туча

Сен-Готард. Узкая, извилистая тропа ведет к перевалу. А там, по ту сторону гор, новые тропы, новые пропасти и стремнины.

Неприступной вершиной стал Сен-Готард на пути у русских. Укрепились на перевале французские войска, перекрыли дорогу. Дважды ходили солдаты на штурм и дважды были отбиты.

Суворов приказал штурмовать в третий раз.

Выделил фельдмаршал группу солдат для обходного маневра. Назначил старшим молодого генерала, любимца своего, князя Петра Багратиона.

– Ну, с Богом, – перекрестил их Суворов.

Поползли солдаты по уступам и скалам в обход Сен-Готарда, так, чтобы ударить противнику в спину. Поднялись уже до самых вершин, да только были замечены вдруг французами. Открыли французские стрелки ураганный огонь. Остановили русских. Сорвалась атака. Отдал Багратион приказ спускаться назад. Сползают солдаты вниз по отвесным скалам. Не торопятся, знают – не похвалит Суворов.

И правда. Скинул фельдмаршал шляпу, машет, кричит что-то Багратиону. Вздрагивает на голове суворовский хохолок, словно и он, как фельдмаршал, гневается.

– Шибче, шибче спускайся! – кричит Суворов и тычет шляпой в хмурое небо.

Смотрят солдаты – наплывает из-за гор на Сен-Готард черная туча. Смотрит на тучу и Багратион, однако не торопит солдат спускаться. Обволокла туча уступы и скалы, скрыла русских солдат.

– Побьются в тумане, – бранится Суворов. – Эх, медленно, не по-моему водит войска Багратион!

Волнуется фельдмаршал. Прождал несколько минут:

– Ну как, не вернулся князь Петр?

– Нет, не вернулся еще, – докладывают Суворову.

Прошло еще несколько минут.

– Ну как, не вернулся?

– Нет, ваше сиятельство.

Прошло минут тридцать, и вдруг там, на самом верху, у самого перевала, поднялась страшная стрельба, всколыхнуло перевальную тишь знакомое солдатскому уху «ура».

Насторожился Суворов.

– Ура! Ура! – несется на перевале.

«Неужто Багратион?!» – недоумевает Суворов. И хочется верить, и трудно поверить!

Туча тем временем переползла через горы, свернула в долину и открыла перед Суворовым Сен-Готард. Глянул фельдмаршал – так и есть: на вершине Багратион со своими солдатами.

– Вперед! – закричал Суворов.

Ринулись солдаты в лобовую атаку. Оказались французы зажатыми с двух сторон: сверху и снизу.

Не удержались. Бежали французы.

Поднялся Суворов на Сен-Готард, доволен.

– Так их! Правильно! – приговаривает. – Противник не ждет. А ты из-за гор высоких, из-за лесов дремучих, через топи, через болота, прямо из туч пади на него, как снег на голову. Ура! Бей! Коли! Руби! Так его! Молодец, князь Петр! – повернулся Суворов к Багратиону. – Эн нет, гляжу, по-нашему поступаешь! – И расцеловал генерала.

Чертов мост

Преодолев Сен-Готард, русские спустились в ущелье Рейсы. Бежит непокорная Рейса, пенится, клокочет, ударяет волной в высокие берега, наполняет гулом и ревом округу. Отдает десятикратным эхом в горах.

Жутко здесь путнику, жутко тут зверю, редкая птица слетит в ущелье.

Через Рейсу на высоте тридцати метров перекинута узкая каменная арка. Сотрясается арка от рева реки. Зловеще повисла

над пропастью.

Недобрые это места. Чертов мост перед русскими.

Взорвали французы центральную часть моста, засели по ту сторону Рейсы.

Бросились первые смельчаки на мост, но тут же свалились, сраженные пулями, в пропасть. Бросилась новая группа героев. Достигла пролома. Не перепрыгнешь пролом. Остановились. Скосили меткие французские стрелки русских героев. Ринулся новый отряд. Снова погибель.

Остановилась атака.

Сидит Суворов верхом на казацком коне, смотрит на мост, на солдат, на вражеский берег. Понимает: сколько ни бегай солдаты – не быть им на том берегу, не заделав в мосту пролома. Замечает фельдмаршал метрах в ста от дороги – стоит невесть для чего построенный здесь сарай. «Разобрать бы сарай, связать бревна и перебросить через пролом», – соображает Суворов. Только подумал, смотрит – от других отделяется тощий солдат, что-то машет товарищам и несется к сараю. Бросились вслед гренадеры, взобрались на крышу, стали растаскивать бревна.

Наблюдает Суворов, видит: снимает тощий солдат поясной ремень. За ним и другие снимают. Связали, стянули ремнями солдаты бревна, подняли, поволокли к пролому.

«Мудрая голова», – подумал фельдмаршал о тощем солдате. Доволен Суворов солдатской смекалкой.

Поравнялись солдаты с мостом. Вьить, вьить! – засвистели французские пули.

Залегли смельчаки за бревна. Переждали. Опять поднялись. Только не все. Половина убитых. Тощий, однако, поднялся.

Ступили солдаты шаг, второй, и снова французские пули. И снова солдат наполовину уменьшилось.

Опять залегли. Опять переждали. Поднялись. Снова огонь. И вот в живых только три человека. Снова залп – два человека. Снова – один. Смотрит Суворов: только тощий солдат и остался.

Не поднять солдату тяжелые бревна. Лег он, толкает перед собой, пытается сдвинуть. Поднатужился, сдвинулись бревна чуть-чуть – на вершок. Опять поднатужился – еще на вершок.

– Герой! Молодец! – не удержался Суворов. – К герою на помощь! – кричит солдатам.

Бросились солдаты на помощь. Подбежали, схватили бревна – к пролому. Внеслись солдаты волной на мост. Брякнула, легла связка над пропастью. Откатились солдаты.

Смотрит Суворов, а тощий солдат на мосту. Стоит на бревнах, повернулся к своим, машет рукой. Развевает ветер солдатский кафтан, треплет рыжеватые кудри. Обдает непокорная

Рейса солдата пеной и брызгами.

Больше героя фельдмаршал не видел. Зарябили перед глазами Суворова солдатские спины. Хлынули гренадеры грозным потоком на мост. Заходило, заколыхалось солдатское море. Вот уже первые на той стороне. Вот уже и победное «ура» несется в ущелье.

Разбегаются, отходят французы.

Отгремел бой. Чертов мост позади. Остановились войска на отдых.

– Как звать героя? – стал интересоваться Суворов тощим солдатом.

– Мохов, Кирилл Мохов, ваше сиятельство. Гренадер Апшеронского пехотного полка, роты капитана Лукова.

– Удалец! Удалец! – восхищается Суворов. – Переправу навел, мост соорудил. Богатырь! Витязь! Позвать удальца!

– Мохов! Мохов! – зовут солдаты.

Не откликается Мохов.

Лежит солдат на дне пропасти. Не слышит. Не видит.

Свалила солдата французская пуля. Разбился о камни. Не бьется больше смелое сердце солдатское.

Погиб гренадер, а слава осталась.

Соберутся солдаты, начнут вспоминать бои и походы, вспомнят Чертов мост. Вспомнят Чертов мост – вспомнят и Мохова:

– Если б не Мохов, если б не он – не видать нам победы. Доброе слово и память ему великая.

Генеральский погон

Идут войска, пробиваются через новые горы, через новые перевалы. Прорвались к Муттенской долине – тут роковая весть: полки, к которым торопился Суворов, разбиты.

Французский полководец Массена бросил теперь основные силы против Суворова. Силы неравны. У Массена в четыре раза больше солдат, чем у Суворова. И все же Суворов решил первым начать атаку.

Словно горная лавина, обрушились русские на французов. Полки Апшеронский и Азовский, казаки генерала Грекова врезались в противника с такой силой, что французы не выдержали и побежали.

Мечется Массена среди своих войск, кричит, пытается остановить. Не помогает. Бегут французы, давят друг друга, зажали в своей толпе самого Массена.

– Стойте! Стойте! – кричит генерал.

Вместе со всеми врезался во французские ряды и капрал Махотин. Видит – генерал на коне. Стал Махотин пробиваться к Массена. Пробился и сдернул Массена с коня. «Ну, братец, теперь не уйдешь. Теперь я тебя под мышку!» Радуется Махотин и вдруг видит у самого своего носа неприятельский штык. Кто-то из французских солдат бросился на помощь своему генералу. Отбил Махотин штык, повалил, пришиб прикладом француза. Повернулся опять к Массена. А тот уже на коне. Рванулся капрал к генералу. Ухватился рукой за плечо. Соскользнула рука. Пришпорил коня Массена. Вынес рысак генерала из битвы.

– Держи! Держи его! – кричит Махотин.

Да где уж! Быстрее ветра уходит Массена. Стоит капрал, смотрит сожалеючи вслед. Стоит и не замечает, что у самого в зажатой руке генеральский погон. Посмотрел на руку – правда погон. Стыдно стало капралу, что упустил Массена. Решил про погон никому не рассказывать. А потом после битвы все же проговорился.

– Так ты же герой! – закричали солдаты.

Дивятся, рассматривают солдаты генеральский погон. Потом поднялись, пошли рассказали ротному командиру, командир – генералу, генерал – Суворову.

На следующий день перед войсками был объявлен приказ фельдмаршала о производстве Махотина в офицеры.

– Ура Махотину! – кричат солдаты. Довольны, что свой брат в офицеры выбился.

А офицеры насупились – ни радости, ни улыбки. Обидно их благородиям.

После прочтения приказа выделили офицеры из своей среды поручика, капитана и полковника, послали к Суворову.

– Как же так, ваше сиятельство, за какие заслуги? – говорят офицеры. – Подумаешь – генеральский погон. Вот если б он живого Массена привел.

Посмотрел Суворов на офицеров, поманил к себе пальцем поручика:

– Хочешь быть капитаном?

Подивился поручик такому вопросу, подумал: а вдруг и вправду соблаговолит Суворов.

– Так если ваша воля на то, – произнес и пригнулся.

Поманил Суворов капитана:

– Хочешь быть полковником?

– Как же не хотеть, ваше сиятельство! – ответил капитан и тоже пригнулся.

Позвал Суворов полковника:

– Желаешь быть генералом?

– Не смею просить. Все от Бога и вашего сиятельства, – гаркнул полковник.

– Ступайте принесите мне второй погон от Массена – быть и вам в повышении, – произнес Суворов.

Сконфузились офицеры. Повернулись. Ушли.

А Суворов еще долго не мог успокоиться. – «За какие заслуги»! – выкрикивал он. – Ишь ты! За доблесть солдатскую – вот за какие заслуги.

Новые башмаки

Оборвались в пути солдаты. Изодрали мундиры, избили башмаки на горных дорогах. Стынут солдаты от холода. Жмутся на ночевках к кострам, греют озябшие руки и спины.

Не лучше других и Прохору Груше. Мундир – решето. Башмаки без подошвы. Ступает солдат голыми пятками по камням, впиваются камни в тело.

Обвяжет Прохор тряпками ноги. Пройдет версту, от тряпок – мочала. Залатает мундир. К вечеру – снова ребра наружу. Измучился солдат: жизнь не мила, небо с овчинку.

И вот Груша куда-то исчез, недосчитались его не привале.

– Эхма! Видать, оступился, сорвался в пропасть, – перекрестились солдаты.

А утром Прохор явился. Глянули приятели – не узнать Груши. Красавец солдат перед ними. Новый мундир, башмаки новые.

Мундир и башмаки были французские.

Щупают солдаты мундир. Ай да мундир! Сукно в полпальца. Ватой подбито.

– Ногу задери, ногу! – просят солдаты.

Подымет Прохор ногу. Ну и башмаки! Из ременной кожи, подошва что сталь, шипами покрыта.

– Вот так обнова! – восхищаются солдаты. – Век бы ходить по камням и стуже.

– Где достал? – понеслись голоса.

– Никак, дружков нашел, французов!

– Тещу завел, – смеются солдаты.

Рассказал Прохор, что ходил он к французскому лагерю, подкрался, снял часового – вот и разжился.

Завидно стало солдатам. В следующую ночь уже несколько человек отправились за добычей. Однако назад никто не вернулся. Французы усилили караул и перебили пришельцев.

Так и остался Прохор Груша один во французской обнове.

Походил день, второй, а потом неловко стало солдату. Среди своих и словно не свой. Словно среди простых петухов – пава.

Не рад уже Груша теплу и удобству. Не мил ему ни французский кафтан, ни башмаки из ременной кожи. Стал он предлагать трофеи товарищам: одному башмаки, другому мундир.

Отказываются, не берут, не хотят солдаты.

– Ты раздобыл, ты и носи, – отвечают Прохору.

Говорят солдаты без зла, без зависти, просто неудобно им брать дорогой трофей у товарища. А Груше кажется, что солдаты его сторонятся, что из-за этих, будь они прокляты, башмаков и мундира теряет Прохор верных друзей и приятелей.

Прошел еще один день. Проклял Груша французский наряд. Снял мундир, снял башмаки, связал бечевой. Раскрутил и запустил в бездонную пропасть.

Солдаты шумно обсуждали поступок Прохора Груши.

– Дурак… – проговорил кто-то.

– Эх ты, мышиный помет, – оборвали его солдаты. – Правильно сделал. Молодец Груша. Желает как все.

– Молодец! – подтвердил седоусый капрал. – Может, и погорячился Прохор, да, видать, душа у него солдатская.

Сало

Голодно солдатам в походе. Сухари от ненастной погоды размокли и сгнили. Швейцарские селения редки и бедны. Ели лошадей, копали коренья в долинах. А когда кончились коренья и лошади, взялись за конские шкуры.

Исхудали, изголодались вконец солдаты. Затянули ремни на последние дырки. Идут вздыхают, вспоминают, как пахнут щи, как тает на зубах каша.

– Хоть бы каравай хлеба! – вздыхают солдаты. – Хоть бы сала кусок!

И вдруг в какой-то горной избе солдаты и впрямь раздобыли кусок настоящего сала. Кусок маленький, размером с ладошку. Обступили его солдаты. Глаза блестят, ноздри раздуваются.

Решили солдаты сало делить и вдруг призадумались: как же его делить – тут впору одному бы наесться.

Зашумели солдаты.

– Давай по жребию, – предлагает один.

– Пусть съест тот, кто нашел первым, – возражает второй.

– Нет, так – чтоб каждому, каждому! – кричит третий.

Спорят солдаты. И вдруг кто-то произнес:

– Братцы, а я думаю так, отдадим-ка сало Суворову.

– Правильно! Суворову! Суворову! – понеслись голоса.

Позвали солдаты суворовского денщика Прошку, отдали ему

сало, наказали вручить фельдмаршалу. Довольны солдаты. И Прошка доволен. Стал прикидывать, надолго ли сала хватит. Решил: если отрезать в день кусок толщиной с палец, как раз на неделю получится.

Явился Прошка к Суворову.

– Сало?! – подивился тот. – Откуда такое?

Прошка и рассказал про солдат. Мол, солдатский гостинец.

– Дети, богатыри! – прослезился Суворов. Потом повернулся к Прошке и вдруг закричал: – Да как ты взял! Да как ты посмел! Солдатам конские шкуры, а мне сало…

– Так на то они и солдаты, – стал оправдываться Прошка.

– Что – солдаты?.. – не утихает Суворов. – Солдат мне дороже себя. Немедля ступай, верни сало. Да спасибо скажи. В ноги поклонись солдатам.

– Так они же сами прислали, – упирается Прошка. – Да что для них сало с ладонь! Тут лизнуть каждому мало. Вон их сколько, а сала как раз на одну персону.

Глянул Суворов на сало. Правда, кусок невелик.

– Хорошо, – согласился Суворов. – Ступай тогда в санитарную палатку, отнеси раненым.

Однако Прошка снова уперся:

– Раненым?! Да куда им сало? Да им помирать пора!

– Бесстыжая душа твоя! – заревел Суворов и потянулся за плеткой.

Понял Прошка, что дело может дурным кончиться.

Подхватил сало и помчался к санитарной палатке.

На следующий день солдаты повстречали Прошку.

– Ну как сало? – спрашивают. – Ел ли фельдмаршал? Что говорил?

Только Прошка собрался открыть рот, а тут рядом появился Суворов.

– Детушки! – произнес. – Богатыри! Отменное сало. С детства не едал такого. Стариковское вам спасибо! – И низко поклонился солдатам.

У Прошки от удивления глаза на лоб. А солдаты заулыбались, отдали фельдмаршалу честь, повернулись и направились к себе в роту.

– Понравилось, – перешептывались они по пути. – Вон как благодарил. Сало – оно такая вещь, что и фельдмаршалу не помешает.

«Вижу!»

Закончив арьергардный бой с противником и подобрав

раненых, рота капитана Лукова догоняла своих.

Идут солдаты по узкой тропе над самым обрывом пропасти, растянулись почти на версту.

– Не отставай, не отставай! – кричит Луков. – Раненых вперед!

Перетащили раненых.

Прошла рота версты две. Стемнело. Задул ветер. Начался снег. Взыграла, закружила метель.

Идут солдаты час, идут два, идут три. Всматривается капитан Луков вперед – не видать ли походных костров. Кругом кромешная темнота. Слепит вьюга глаза. Треплет упругий ветер солдатские сюртуки и накидки, задувает снежные иглы под воротники и рубахи, морозит руки и лица.

Идут спотыкаются, скользят в темноте солдаты. С трудом передвигают одеревеневшие ноги. Все тише и тише солдатский шаг.

– Не отставай! Не отставай! – кричит Луков.

Прошел еще час. И вот уже кончились силы солдатские. Остановились. Хоть убей – не пойдем дальше. Повалились солдаты на камни.

– Вперед! Вперед! – надрывает голос Луков.

Да только нет такой силы, чтобы снова подняла солдатские ноги в поход. Изнемог Луков, посмотрел еще раз в темноту – не видно костров, опустился и сам на камни. И вдруг:

– Вижу! Вижу!

Встрепенулся капитан. Встрепенулись солдаты. Смотрят: с носилок привстал раненый солдат Иван Кожин и тычет рукой вперед.

– Видит! Видит! – понеслось по цепи.

И откуда только сила взялась. Повскакали солдаты с камней. Подхватили ружья – и снова в дорогу. Повесели солдаты. Ай да Кожин. Ай да глазастый!

Прошли солдаты с версту. Только что-то огней не видно. Те, что поближе к Кожину, стали шуметь:

– Где твои костры? Соврал!

– Вижу! Вижу! – по-прежнему кричит Кожин и тычет пальцами вперед.

Всматриваются солдаты – ничего не видят. Не видят, а все же идут. Кто его знает, может, и вправду Кожин такой глазастый.

Прошли еще около версты. А все же костров не видно. И снова стали роптать солдаты:

– Не пойдем дальше!

– Не верьте ему!

– Братцы! – кричит Кожин. – Вижу. Ей-богу, вижу! Теперь уже

совсем недалеко. Теперь рядом. Вон как полыхают, – и снова тычет пальцем вперед.

Бранятся, ропщут солдаты, а все же идут.

Тропа огибала какой-то выступ. Завернули солдаты за скалу и вдруг внизу, совсем рядом, сквозь метель и непогоду и впрямь заблестели огни.

Остановились солдаты, не верят своим глазам.

– Видишь? – переспрашивают друг у друга.

– Вижу!

– Ай да Кожин. Ай да молодец. Ай да глазастый! – кричат солдаты. – Ура Кожину!

Сорвались солдаты с мест и рысцой вниз к кострам, к теплу. Притащили и носилки с Иваном.

– К огню его, к огню, – кричат. – Пусть отогревается. Заслужил! Всех выручил!

Осветило пламя Иваново лицо. Глянули солдаты и замерли. Лицо обожжено. Брови спалены. А на месте глаз…

– Братцы, да он же слепой! – прошептал кто-то.

Смотрят солдаты. Там, где глаза, у Кожина пусто. Выбило вчера в арьергардном бою французской гранатой глаза солдатские.

«Разрешите пострадать…»

Преодолели герои горы. Впереди открылась долина. Сгрудились солдаты на скалах, смотрят вниз. Там, внизу, долгожданный конец похода.

– Ура! – закричали солдаты.

Однако рано радовались герои. Оборвалась у самых солдатских ног козья тропа. Подойдешь к краю обрыва – голова кружится. Выделил Суворов отряды. Облазили те округу – нет спуска в долину.

Задумался Суворов, собрал генералов и офицеров на военный совет. А солдаты остались над пропастью и тоже решают.

– Надо назад, – говорит один.

– Куда же тебе назад? – возражает второй. – Надо вперед.

– Ну, а куда вперед?

Солдат задумался.

– Туда, – показал пальцем в долину.

– «Туда»! – передразнили его товарищи. – Это и без тебя ясно. Только как же туда?

– Надо подумать.

– Братцы, – вдруг произнес плечистый парень из апшеронцев, – а что, ежели…

Солдаты повернулись к нему.

– У нас в деревне, – стал вспоминать парень, – ого-го какая круча была, так мы, бывало, ребятами с той кручи на чем сидишь съезжали.

– Тьфу! – сплюнул с досады какой-то усач. – «На чем сидишь»! Да тут от тебя и мокрого места не останется…

– Тут как Богу будет угодно, – перебил его сосед. – Поди, все же правду говорит парень. Ну, ежели не сидя, так лежа, может, получится.

– Можно и лежа, – соглашается парень.

И снова заспорили солдаты. Одни за то, что получится, другие – что в этом деле верная гибель.

– Эхма! – вздохнул парень. – Была не была! – Скинул шапку, бросил о камни. – Разрешите, – говорит, – пострадать за православный народ.

Перекрестился парень, ружье под мышку – и к пропасти. Лег на спину.

– Ты куда? – подбежали солдаты.

– Разрешите пострадать… – повторил парень и отпустил руки.

Летит парень, переворачивается то с боку на бок, то через голову. Ударяется о камни. Сюртук растрепало, ружье выпало.

Смотрят солдаты, а у самих мурашки по телу. Пролетел парень еще метров сто и вдруг перестал катиться. Поднялся, замахал товарищам.

– Жив! Жив! – закричали солдаты.

– Бра-атцы! – раздается снизу далекий голос. – Смелей, бра-атцы!

Зашумели солдаты. Задвигались. Бросились к пропасти. Один, второй, третий…

Вскоре вся русская армия кончила спуск. К вечеру того же дня солдаты достигли города Иланц.

Альпийский поход был закончен.

– Ну и ну! – поражались австрийские генералы. – Оленьими тропами – и провести целую армию!

– А что, – улыбается Суворов. – Там, где олень пройдет, там и солдат пройдет. Где олень не пройдет, так и там российскому солдату пути не заказаны.

Генералам генерал

За Альпийский поход Суворову был присвоен чин генералиссимуса русских войск.

Возвращаясь с группой солдат на родину, фельдмаршал

остановился передохнуть в пограничном трактире. Зашел в избу, заказал себе холодной телятины, миску гречневой каши и стопку вина.

– Ну и каша, дельная каша! – нахваливает Суворов. – Давно такой не едал. И винцо дельное. Не грех за российского солдата такое винцо выпить.

Около избы расселись солдаты. Тоже едят кашу и пьют вино.

– Дельное вино, – хвалят солдаты. – Крепкое. Не грех такое за фельдмаршала выпить.

И лишь один Прошка крутится около лошадей. Его и обступили местные мужики.

– Что же это за такой непонятный чин теперь у твоего барина? – стали спрашивать они суворовского денщика.

– А чего тут непонятное? – отвечал Прошка. – Тут все ясное. Генералиссимус – надо разуметь так: генералам всем генерал. Самой главной персоной теперь получается.

– Ты смотри! – произнес парень в онучах.

– А что, верно! – вставил хилый мужичонка в драных портках.

– Заслужил, – согласился мужик с бородой.

А Суворов стоял на крыльце и все слышал.

– Не я! Не я! – закричал он с порога. – Не я, – повторил, подойдя к мужикам. – Вон Проша мой самый главный. Вон тот, – ткнул он в сторону рябого высоченного солдата. – Вот этот, – показал на приземистого седоусого капрала. – Вон они, – обвел рукой остальных солдат.

При этих словах Суворов сел в таратайку и приказал погонять лошадей.

Поднялись, двинулись в путь солдаты. Заклубилась дорожная пыль. Грянула солдатская песня.

Остались мужики на дороге. Стоят, недоумевающе смотрят в след.

– Пошутил барин, – наконец обронил парень в онучах.

– Чудно́е что-то сказал, – произнес мужичонка.

– Эх вы! – заявил мужик с бородой. – Правду сказал фельдмаршал. Без солдата они никуда. В народе – русская сила. Он и есть генералам генерал настоящий.

notes

Примечания

1

Мой друг! (*нем.*)

2

Топал-паша – хромой начальник. У Суворова в это время болела нога, и он прихрамывал.

З

Сдаюсь, пощади! (*турк.*)

Д р а г у н ы – кавалерийские части.

5

С и к у р с – помощь.

6

М е с я ц – луна.

Во фрунт – то есть стал по стойке «смирно».

8

К а п т е н а р м у с – унтер-офицер, ведающий обмундированием солдат.

9

Р е т и р а д а – отступление.